

Г 95
232755 дх

песни
и устные
рассказы
рабочих
старой
сибири

ОРДСКР
Г95

1152355

**ПЕСНИ
И УСТНЫЕ
РАССКАЗЫ
РАБОЧИХ
СТАРОЙ
СИБИРИ**

СБОРНИК СОСТАВИЛ
АЛЕКСАНДР ГУРЕВИЧ

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА Б. И. А.
ИМЕНА А. М. ГОРЬКОГО

232755

ОГИЗ
ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСК—1940

Книга Александра Гуревича—„Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири“ рассчитана на научно-исследовательские институты, литературные отделения пединститутов, учительских институтов, педучилищ, фольклористов-краеведов, писателей, историков.

*Иркутскому Государственному
Педагогическому Институту к дню
его XX-летия посвящаю.*

А. Гуревич.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ СБОРНИКА

На протяжении многих десятилетий сибирские рабочие создавали свои произведения о жуткой, кабальной жизни на государственных и частновладельческих рудниках, заводах и приисках царской Сибири.

Песни и сказки, пословицы и сказы переходили из поколения в поколение, создавались интересные циклы устной рабочей поэзии на Алтае, Енисее, в Забайкалье, на Ленских приисках. Фольклористы-ученые и исследователи народного творчества пренебрежительно относились к песенному, сказовому рабочему фольклору, ко всему, что слагали в своей среде закрепощенные рабочие. Они считали, что рабочий класс неспособен создавать художественные поэтические ценности, мыслить образами, что наличие рабочего фольклора—факт гибели, упадка народного творчества. В результате таких вредных «научных» воззрений очень многое погубило для фольклористики из того, что могло бы помочь всесторонне охарактеризовать богатство и всеобразие устно-поэтического художественного слова рабочего класса.

В наши дни рабочий фольклор является одним из основных разделов советской фольклористики.

В научных работах, лекциях, в массовых докладах повседневно раскрывается содержание рабочего фольклора, и здесь возникает существенная необходимость, как можно больше привлечь фактического материала из этой интересной области нашей фольклористики.

Фольклорные тексты, которые от случая к случаю записывались отдельными собирателями народного творчества в старой Сибири, до сих пор были разбросаны в разных дореволюционных газетах, в изданиях, представляющих библиографическую редкость, вследствие чего и эти небольшие материалы по рабочему фольклору не могли быть использованы часто даже исследователями фольклора.

Мы поставили перед собой задачу—учесть известные нам тексты и обобщить их в настоящем сборнике, посильно помочь ознакомлению с рабочим фольклором старой Сибири каждому интересующемуся народным творчеством, по возможности облегчить пользование фольклорными текстами не только специалистам, но и педагогам, писателям, студентам, кружкам самодеятельности, литкружковцам.

Сейчас, когда фольклором в вузах и школах заняты не только фольклористы, литературоведы, но и историки, когда все больше и глубже разрабатывается вопрос о фольклоре, как об одном из исторических источников, материал сборника—«Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири», несомненно, в какой-то мере поможет и в работе над историческими темами. В этих целях, наряду с текстами, даются и те немногочисленные статьи, которые посвящены разбору отдельных песен сибирских рабочих.

Настоящий сборник—первая попытка обобщить в одной книге как можно полнее рабочий фольклор дореволюционной Сибири. Конечно, сборник не претендует на исчерпывающую полноту, так как библиографирование рабочего фольклора в Сибири начато сравнительно недавно, и многое еще при последующей работе, особенно с газетами и архивными материалами, будет дополнительно обнаружено. К накоплению новых записей рабочего фольклора старой Сибири, главным образом о ленском движении, также приступлено лишь за последнее десятилетие.

Несомненно, собиратели фольклора в советской Сибири продолжат начатый сбор рабочего фольклора, запишут значительное число новых текстов от старых рабочих, бережно сохраняющих их в своей памяти, как художественные документы пережитой эпохи. Эти материалы прекрасно иллюстрируют замечательные мысли великого учителя и друга трудящихся масс Алексея Максимовича Горького о том, что «чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего».

Александр Гуревич.

I. ПЕСНИ РАБОЧИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1. О ПЕСНЯХ ГОРНОЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ АЛТАЙСКИХ ЗАВОДОВ

...К изучению фабрично-заводского фольклора приступила вплотную только послереволюционная фольклористика. Устно-поэтическое творчество рабочих ставится в связь с процессами зарождения и развития пролетарской поэзии. Кроме того, определяется его значение для истории наших фабрик и заводов.

Однако песни рабочих, вернее «работных людей» крепостной эпохи пока еще не затронуты изучением. Между тем, даже тот сравнительно небольшой и отрывочный материал, который дошел до нас от фабрично-заводских кадров феодально-крепостнического периода, чрезвычайно ярок по своему содержанию и стилю. Он является эмоциональным отражением действительности, которую можно проверить и проследить по другим документам эпохи. Таким образом, он представляет собою дополнение и яркую иллюстрацию к истории фабрик и заводов крепостной России. Кроме того, особенностями своей тематики и устно-поэтических приемов фабрично-заводской фольклор крепостной эпохи являет собою уже совершенно ясные признаки нового устно-поэтического стиля определенных социальных слоев, из которых формируется зарождающийся новый общественный класс. Поэтому знакомство с песнями рабочих крепостной

эпохи необходимо для уяснения истоков и процесса развития как позднейшего фабрично-заводского фольклора, так и пролетарской поэзии и литературы.

Феодально-крепостнический период в России, особенно XVII и XVIII вв., характеризуется множественностью социальных прослоек как в крестьянстве, так и в рабочей среде. Рабочие кадры этой эпохи в значительной мере формируются из крепостных крестьян. На помещичьих фабриках работают крепостные вотчинные крестьяне; к купеческим фабрикам специально прикупаются посессионные, на государственные промышленные предприятия приписываются государственные крестьяне.

Совершенно обычны ходатайства крупных фабрикантов и горнозаводчиков о приписке крестьян к их предприятиям. Все эти рабочие кадры используются на определенных, так или иначе оговоренных правительственными распоряжениями, условиях.

Кроме того, широко применяется также принудительный труд ссыльных, каторжан, кабальных холопов, «различных категорий бездомных и беспаспортных людей», особенно на горно-заводских работах. Но используются также и наемные рабочие из крепостных, которые уходят на заводы и фабрики с условием выплачивать определенный оброк своему помещику.

Уже в уложении 1649 г. говорится о наемном труде: «А будут чьи крестьяне и бобыли учнут у кого наймоваться в работе и тем крестьянам и бобылям у всяки чинов наймоваться в работу по записям и без записей повольно. А тем людям, у кого они в работу наймутся, жилых и ссудных записей и служилых кабал на них не иметь и ничем их себе не крепить и как от них те наймиты отработаются и их отпустить от себя без всякого задержания»¹. Как видно, здесь даже подчеркивается и оговаривается свободное состояние наемных рабочих.

Постепенно в течение XVII в. и особенно с XIX в. вольнонаемный труд приобретает себе все большие права гражданства. Труд подневольный применяется главным образом на горных заводах и на помещичьих фабриках. Таков в самых беглых штрихах пестрый состав фабрично-заводских кадров феодально-крепостной России.

При изучении их песенного фольклора, несмотря на случайность и фрагментарность записей, все же выступают ясные следы репертуара различных групп этого фабрично-заводского

¹ Цит. по кн. Гайсиновича «Рабочий класс крепостной эпохи», 1931, стр. 7.

состава. Из них главнейшие линии: репертуар рабочих людей на рудниках и горных заводах; песни фабричных мастеровых с фабрик центральной России. Дошедшие до нас песни рабочих людей на рудниках и горных заводах по своему происхождению относятся, вероятно, к XVIII в. По всей вероятности, они сложились в среде посессионных и приписных крестьян, прикрепляемых к заводам и рудникам, или, может быть, в среде ссыльно-каторжных, отправляемых в рудники на особо тяжкие работы.

Так, интереснейшая песня о тяжелых горных работах известна нам в трех вариантах. Судя по названиям местностей и изображению характера самих работ, она может быть приурочена к окрестностям Барнаула. Но при этом следует помнить, что, без сомнения, мы имеем дело лишь с оставшимися ее вариантами. Наиболее полный вариант ее записан Е. И. Парамоновым в Барнауле от бывшего змеиногорского мастерового и помещен в «Томских губернских ведомостях» (1865 г., № 17—18). Песня эта сложилась в крепостную эпоху, по всей вероятности даже в XVIII в. И затем благодаря своему яркому содержанию—изображению процессов горных работ, повседневной жизни рудника, трудностей и тяжелых переживаний горнорабочего крепостной эпохи—могла держаться в памяти и быть любимой производственной песней целого ряда поколений. Вот текст ее по записи Е. И. Парамонова ¹.

* * *

О, се горные работы!
Скажем, горные работы,
Оне всем дают заботы!
Офицером быть нескудно,
При сем жить им неразлучно,
А наш пристав, офицеры господа
Все исправности несли—
Постояли да ушли.
Ой вы, бедны бедняки,
Первой части бергамы,
Все вы знаете заботу,
Как ударят на работу.
На работу бьют, треложат,
Мы противны быть не можем.
Ой ты, свет наша умыльна
Змеевская плавильна!

Тонко, громко в доску бьет,
К себе в гости зовет.
Подле шнурик, подле бок,
Есть корыто и гребок,
Протыкальник, молоток;
Настилаем в шахту смесь
О четыреста пуд вес;
Как четыреста пуд вес—
В одну смену все сожечь.
Мастер ходит, подтверждает,
Чтобы шлак был не богат...
Постарайся, друг и брат,
Чтобы Правдин² был богат.
Есть Шершневочка весела,
Речка валом обнесена.
С переулка третий дом.
Бита Мушиха кнутом.

¹ «Томские губернские ведомости», 1865 г., № 17—18, ч. неофициальная.

² Фамилия уставщика.

Ой вы, бедны бедняки,
Пятой части парняки.
Все вы знаете заботы,
Как ударят на работы.
На работы быют, треложат,
Мы противны быть не можем.
Вот и слушаем опять,
Как ударят часов пять,
В решеточки загремят—
Наше сердце уныват.
Инструмент нам принимать:
Болотки и гребки,
Рудобойны молотки.
По фонталам воду пустят,
Наше сердце припустят,
Мы примамся работать,
Золоту руду катать,
Как подрядчики на нас

Не косили б своих глаз,
Не грозили бы рукой,
Не стращали бы лозой.
Ой вы, братцы молодцы,
Пятой части молодцы.
Приогрянем в молотки,
Разобьем руду в куски,
Обер-штейгер старичок,
Чтобы не дал нам толчок.
Как кончаем урок свой,
Так отпустят нас домой,
А домой когда пойдем,—
Громко песни запоем.
Мимо Медера пойдем,
Мимо Кенига пойдем,
На базарочек зайдем,
Калачей на грош возьмем
И позавтракаем.

Как видно, вариант Е. И. Парамонова очень подробен и полон, но в отдельных своих частях он явно смягчен и классово нейтрализован. Например, начало его, несколько книжно стилизованное, возможно, подвергалось даже сознательной переделке специально для записи. Если сравнить его с вариантом в записи В. И. Семевского¹, то последний начинается гораздо более резко и жизненно.

Вариант Парамонова:

О, се горные работы,
Скажем горные работы,
Оне всем дают заботы...

Вариант Семевского:

Наши горные работы
Всем чертям дают заботы...

Несомненно, что варианты этой песни, распевавшиеся в широкой среде горнозаводских рабочих XVIII и XIX вв., были насыщены гораздо более ярким классовым содержанием, чем вариант, сообщенный для записи. Отрывок третьего варианта этой песни приведен в очерке—романе Блюммера «На Алтае». Но приведенный выше вариант Парамонова как бы объединяет более фрагментарные вариации Семевского и Блюммера.

В песне ярко выявлен с первых же слов военный характер горных работ и подчиненность горнозаводских рабочих военнокрепостному строю:

¹ В. И. Семевский. Из истории обязательного горного труда в Сибири. Иркутск, 1897.

Офицером быть не скучно,
При сем жить им неразлучно,
А наш пристав, офицеры господа
Все исправности несли—
Постояли да ушли...

Как контраст с положением начальства, даже в сравнительно смягченном варианте (Парамонова), совершенно ясно подчеркнуты мотивы классового неравенства и изображение подневольного, тяжкого труда.

Ой вы, бедны бедняки,
Первой части бергалы,
Все вы знаете заботу,
Как ударят на работу.
На работу бьют, треложат,
Мы противны быть не можем.
Ой ты, свет наша умыльна,
Змеевская плавильна.
Тонко, громко в доску бьет,
Себе в гости зовет.

Вся песня является ценнейшим художественно-бытовым памятником истории фабрик и заводов и горнозаводского труда в XVIII—XIX вв. Известно, что уже с конца XVII века и в течение XVIII горная промышленность является для России важнейшей отраслью. Быстро развивающееся горное дело, постройка новых заводов на Урале, в Зауралье, а также в центральных районах страны—Тульском и Нижегородском—требуют громадного количества рабочих рук. Ввиду особой тяжести горных работ для их выполнения пользуются разнообразными формами принудительного труда. С середины XVII века становится уже совершенно обычным явлением приписка крестьян государственных и позднее вотчинных (по просьбе дворян-владельцев) к определенным промышленным предприятиям, а также прикрепление на известный срок крепостных крестьян не к владельцу, а к заводу, фабрике, руднику и т. д. В течение XVIII в. количество приписных к заводам крестьян непрерывно возрастает. Напр., в 1719 г. приписных к казенным горным заводам числилось 31.383; в 1794—9 гг. эта цифра возросла до 312.218 душ¹. Таким образом, одни только приписные крестьяне, помимо постоянных рабочих, мастеровых и служащих на горных заводах, составляли уже целую армию. Рабочие на сибирских и алтайских горных заводах приравнивались к военнослужащим

¹ Данные приведены в отмеченной выше работе Гайсиновича.

и подчинялись военной дисциплине. Недостаток рабочих рук пополнялся наборами рекрутов из крестьян, приписанных к заводам. Кроме того, за горными заводами закреплялись также и дети рабочих людей, мастеровых и всех нижних чинов, состоящих на заводской службе или находящихся в отставке, и так называемые незаконнорожденные дети. Мастеровые и рабочие люди горных заводов разделяются на команды, из которых каждая находится в подчинении горного офицера.

Поэтому упоминания об офицерах в песне, о «бергаме» бергамте—горной военной канцелярии, а также выражение: «Мы противны быть не можем, на работу бьют, треложат» или: «перекличку отведут, по работам поведут»—являются ясными штрихами именно военной организации крепостного горнозаводского труда. Показательно также перечисление необходимого рабочего инструмента и инвентаря и изображение самих работ.

Подле шнурик, подле бок,
Есть корыто и гребок,
Протыкальник, молоток.

И далее:

Инструмент нам принимать:
Болотки и гребки,
Рудобойны молотки...

Кроме того, песня отразила также и условия (непосильные «уроки») и самые процессы работ на промывке золота, когда нередко приходилось стоять в воде, изобразила также и плавку руды.

По фонталам воду пустят,
Наше сердце приопустят,
Мы примамся работать,
Золоту руду катать.

И затем: изображение «урока»:

Настилаем в шахту смесь
О четыреста пуд вес;
Как четыреста пуд вес
В одну смену все сожечь,
Мастер ходит подтверждает,
Чтобы шлак был не богат...

Или:

Приогрянем в молотки,
Разобьем руду в куски...

Или в алтайском варианте Блюммера находим изображение работ, которые выполнялись главным образом приписными и посессионными крестьянами. Их назначают:

Того в шахту, того в гору,
А того к зеленому бору
Иль деревья ожигать,
Или воду отливать.

Кроме того, возможно, что песня сохранила тоже глухое указание, что горные работы выполняются сосланными на каторгу. Многим из них приходилось работать скованными, в цепях, а в свободное от работы время сидеть в казарме за решеткой.

Как ударят часов пять
В решеточки загремят,
Наше сердце уныват.
Инструмент нам принимать...
(Вариант Парамонова).

Все вариации песен о горных работах особо подчеркивают мотивы взаимоотношений рабочих и ближайшего начальства. Здесь обычны темы о подрядчиках и первых контролерах выполнения работ, постоянный страх телесного наказания и побоев, подачки и взятки надсмотрщикам, чтобы избегнуть розог и толчков.

С самого начала работные люди охвачены страхом:

Как подрядчики на нас
Не косили б своих глаз,
Не грозили бы рукой,
Не стращали бы лозой.
Ой, вы братцы молодцы,
Пятой части молодцы.
Приогрянем (в) молотки,
Разобьем руду в куски.
Оберштейгер старичок,
Чтобы не дал нам толчок...
(Вариант Парамонова).

Или в варианте Блюммера:

Как ударят часов пять,
На работу мы опять,
Частный кличет и кричит,
Своей палочкой грозит.
Кто не явится на зов,
Тому ею сто лозов...

И даже при изображении других трудовых процессов в рудниках устойчиво повторяются те же темы.

Например, когда производится тяжелая операция плавки руды, то каждый старается чем-нибудь задобрить уставщика:

Мастер ходит, подтверждает,
Чтобы шлак был не богат,
Постарайся, друг и брат,
Чтобы Правдин был богат.

Действительно, телесные наказания (розгами, палками) были обычным явлением. Они налагались либо местной властью, либо по предписанию горного управления—военным судом. Особенно суровы были наказания за побеги и более всего за повторные. Совершенно обычными были сознательные сговоры убить кого-нибудь, чтобы за то попасть в тюрьму и таким образом избавиться от непосильных работ. Каждый завод и рудник превращен как бы в крепость. Здесь содержится военный караул, чтобы «работные люди не разбежались».

Из всех вариантов приведенной песни наиболее ярок по классовой насыщенности вариант Семевского. По сравнению с вариантом Парамонова («Томские губернские ведомости») он фрагментарен; в нем нет описания самих работ, зато ярко развиты мотивы взаимоотношений рабочих и заводских старшин. Здесь совершенно ясен непримиримый тон по отношению к подневольному труду и ненавистному «уроку».

Наши горные работы
Всем чертям дают заботы:
Всяк стараться очень рад,
Чтоб подрудок был богат.
А забота наша в том,
Чтоб разделаться с урком,
Чтоб нарядчики на нас
Не косили б своих глаз.
Своих глаз бы не косили,
У нас денег не просили,
Не грозили бы рукой,
Не махали бы лозой.
Чтоб не выдрали пять раз
Пока выробишь наказ...
Не успеешь, значит, лечь,
Как валится кожа с плеч,
Да оттудова валится,
О чем петь нам не годится.

Все отмеченные выше вариации песен о сибирских рудниках являются необычайно ярким памятником истории горнозаводского труда. Кроме изображения трудовых процессов, картин

самых работ, эти песни особо ценны своей непосредственной эмоциональностью. И в этом отношении они очень отличаются от других, приблизительно современных, им описаний и изображений горнозаводских работ. Такие описания встречаем, например, в стихах крепостного поэта, первого из рабочих поэтов, Егора Ипатьевича Алипанова (род. в 1801 г.). Сын мастерового при чугунном заводе секунд-майор И. А. Мальцева, Алипанов также и сам работает на заводе и поэтому знаком во всех подробностях с процессами выплавки и обработки чугуна. В своих стихах под заглавием «Труды заводских мастеров» Алипанов уделяет значительное внимание картинам заводских работ. Он захвачен величию и мощностью наблюдаемых им технических процессов; люди сравнительно меньше привлекают поэта:

Засуетилися старанья,
Все мастера в трудах кипят,
Мехов раздались завыванья,
И искры из горнил летят.

Или изображение процесса плавки чугуна:

Растоплен пламенем и углями,
Чугун лился сквозь огонь на низ,
В горнах огромными буграми
Металлы грубые слились¹.

В изображениях труда людей Алипанов хотя точен, но стремится быть осторожным.

Например, начало заводских работ изображается так:

Тут каждый в должности пустился,
Кто уголь, кто чугун тащил,
А кто огонь класть торопился,
В колеса воду пропустил.

Показывая трудности работы у горнов и плавильных печей, рабочий поэт только отмечает:

От жара лился пот рекою
Рабочих мастеров с лица.

Естественно, что поэт-крепостной в своих произведениях, печатавшихся в условиях цензуры Николая I, не мог позволить себе того простора и непосредственности в изображении тяжелых условий крепостного труда, не мог выявить классовую (если бы и хотел) остроту, которой так пронизаны безыменные песни сибирских горнорабочих.

Описание горных работ иной раз попадало и в оды XVIII в.

¹ Стихотворения крестьянина Егора Алипанова. СПб. 1830, стр. 55—58. Труды заводских мастеров.

Интересно привести для сравнения официальные стихи о рудокопном деле, посвященные парадной встрече саксонцев, мастеров, специально приглашенных в 1736 г. в Россию для обучения русских. Горнозаводская промышленность, охватывавшая в XVIII в. все более широкие территории (Башкирские Земли, Томский, Кузнецкий, Нерчинский, Иркутский округа), требовала квалифицированных работников. В 1735 г. В. Н. Татищев предложил послать уральских мастеров за границу для обучения. Однако правительство отклонило это предложение, потому «что принадлежащие к заводам мастера из Саксонии выписаны будут». Специально написанные на приезд саксонцев 6 стихотворений, возможно, пелись при торжественной встрече саксонцев, а затем были предназначены для печати. Они переписаны на бело красивым почерком на голландской бумаге со щитом города Амстердама. Обнаруженные в рукописи 1-й половины XVIII в. в архиве Академии наук СССР, фонд 3, опись I, они опубликованы Н. Г. Богдановой¹.

Имя автора стихов неизвестно. Описания горного дела выступают на фоне восхваления императрицы Анны Иоанновны:

Все, рудокопы, подите сюда,
Слышите, что нашлась богатая
  руда,
И вы, нижние служители,
Пойте веселые горные песни
Всероссийской императрице,
Которая в середине самой войны
На вас милостиво презирает
И к новому рудокопству
Толь милосердно призывает.

Однако и в парадной оде при изображении трудностей горного дела все же очевидны противоречия классовых интересов. Так, иной подземный рабочий—

Обессилен, в яме упадает,
А другой жалким голосом кричит:
Маркшейдер, помощи, моей мочи нет.
Столнер отдушину, на свет про-
  рубает
Затем, что от духоты людям весьма
  трудно...
А ежели что до разделения метал-
  лов касается,
В том маркшейдерская наука по-
  могает.

¹ Н. Г. Богданова. Стихи о рудокопном деле. Труды комиссии по древне-русской литературе. Ак. Наук СССР, т. I, 1932, стр. 231—246.

Это уже официальный поэтический памятник о горнозаводских работах. И хотя он и призывает петь «веселые горные песни», в действительности они звучат совершенно иначе.

Рассмотренная выше песня, записанная Семевским близ Иркутска, известная в Барнаульском и Томском округах, попавшая в качестве бытового памятника в очерковый роман Блюммера, эта песня безусловно имела широкое распространение в определенной среде, связанной с горнозаводским трудом. Конечно, она не была пустым звуком для этой среды. Наоборот, острота содержания, жизненная точность и ясная осмысленность каждого ее слова свидетельствуют об ее живой, действенной роли. Несомненно, что эта песня в свое время несла социально-организующую функцию в сплочении коллективов горнорабочих и в пробуждении их классового самосознания. Очень возможно, что другие, не попавшие в печать, вариации ее были более подробны в смысле заостренности классового самосознания. Возможно также, что эта песня была окружена еще и другими, родственными ей. Это отмечается в одной из ее вариаций, приведенной у Блюммера. Здесь прямо указывается на песни, направленные против начальства.

Как урок окончим свой,
Всех отпустят нас домой,
Мы по улице пойдем,
Громко песню запоем,
Как начальство любит нас...

Чрезвычайно показательным, что в варианте, сообщенном Парамонову змеиногорским рабочим для записи, финал совершенно лишен классовой остроты. Повидимому, вполне сознательно он передан в добродушно бытовом осмыслении; упоминание о песне против начальства нейтрализовано:

Как кончаем урок свой,
Так отпустят нас домой.
А когда домой пойдем—
Громко песни запоем,
Мимо Медера пойдем,
Мимо Кенига пойдем,
На базарочек пойдем,
Калачей на грош возьмем
И позавтракаем...

Вероятно, песня о Змеиногорском руднике была известна почти поголовно, так как отдельные элементы и выражения из нее являются как бы общими местами и входят в другие род-

ственные песни горнорабочих. Чрезвычайно близка приведенным песням о Змеиногорском руднике и песня горнорабочих подростков.

Песня подростков особо подчеркивает мотивы дальних переходов на работу. Эти мотивы являются непосредственным отражением исторической действительности. Посылки крепостной рабочей силы за многие десятки и весьма часто сотни верст для уральских и сибирских заводов XVIII и XIX вв. были совершенно обычным явлением. Песня даже точно указывает цель пути—подростки посылаются «на разбор», т. е. на разборку руды. Этот вид труда подростков оговорен даже в специальном сочинении о горных заводах Ив. Германа. Он пишет: «К разбору руд употребляются те служители, которые горных и заводских работ за престарелостью, увечьем и болезнями сносить не могут, а большая часть оных составляется из служительских детей, которые из всех заводов к маю месяцу в рудники высылаются, а к октябрю паки в дома к отцам своим возвращаются... Плата оным производится от 3 до 7 копеек на работный день»¹... Песня сохранила исторические штрихи:

На разбор нас посылают,
Шибко нас дерут и мают,
А сами за что—не знают,
В отдаленные края посылают...

Песня сохранила даже указания на главные пункты переходов, вероятно многие годы повторяемый маршрут. Цель путешествия—Змеиногорский рудник:

Поедем в Бель-месову,
Запоем песню веселу,
Проедем в Шадрину,
Растеребим старшину,
Приедем в Саушку,
Попросим бабушку
Напоить, накормить
И спать положить.
Утром встанем,
Кошельки свои достанем,
Сухариков поедим и в даль по-
глядим,
Видим на горке на высокой,
На крутой, над плотиной, над
водой
Стоит рудник змеев золотой
Да нам противный он какой...

¹ Герман. Сочинение о сибирских рудниках и заводах, ч. I, СПб, 1797, стр. 269.

ственные песни горнорабочих. Чрезвычайно близка приведенным песням о Змеиногорском руднике и песня горнорабочих подростков.

Песня подростков особо подчеркивает мотивы дальних переходов на работу. Эти мотивы являются непосредственным отражением исторической действительности. Посылки крепостной рабочей силы за многие десятки и весьма часто сотни верст для уральских и сибирских заводов XVIII и XIX вв. были совершенно обычным явлением. Песня даже точно указывает цель пути—подростки посылаются «на разбор», т. е. на разборку руды. Этот вид труда подростков оговорен даже в специальном сочинении о горных заводах Ив. Германа. Он пишет: «К разбору руд употребляются те служители, которые горных и заводских работ за престарелостью, увечьем и болезнями сносить не могут, а большая часть оных составляется из служительских детей, которые из всех заводов к маю месяцу в рудники высылаются, а к октябрю паки в дома к отцам своим возвращаются... Плата оным производится от 3 до 7 копеек на работный день»¹... Песня сохранила исторические штрихи:

На разбор нас посылают,
Шибко нас дерут и мают,
А сами за что—не знают,
В отдаленные края посылают...

Песня сохранила даже указания на главные пункты переходов, вероятно многие годы повторяемый маршрут. Цель путешествия—Змеиногорский рудник:

Поедем в Бель-месову,
Запоем песню веселу,
Проедем в Шадрину,
Растеребим старшину,
Приедем в Саушку,
Попросим бабушку
Напоить, накормить
И спать положить.
Утром встанем,
Кошельки свои достанем,
Сухариков поедем и в даль по-
глядим,
Видим на горке на высокой,
На крутой, над плотиной, над
водой
Стоит рудник змеев золотой
Да нам противный он какой...

¹ Герман. Сочинение о сибирских рудниках и заводах, ч. I, СПб, 1797, стр. 269.

Песня подростков принадлежит к той же группе песен о сибирских горных заводах. Здесь встречаем вариации тех же мотивов, что в вышеприведенных песнях о Змеиногорском руднике: та же тема непосильно-тяжелой работы на ручной промывке золота, ненависть к требовательному подрядчику, вечная угроза телесного наказания и бессилие выйти из создавшегося положения.

На промывке на ручной
 Есть нарядчик некошной,
 Он идет, шары устави́т,
 Работать нас застави́т.
 Ходи́т—нас розгами дерет
 И волоса на голове рвет.
 И в праздник робить оставляет
 И сам за что—не знает.
 Жаловаться не знаем кому,—
 Только богу одному.
 До его высоко, до царя далеко
 И говори́м о-хо-хо, житье нам
 плохо.

В казарме мы живем,
 Хлеб с водой только жуем—
 С работы убежим,
 По цельным дням в кустах лежим,
 Нас поймают и тогда
 Досмерти задирают и замают.

...Условия жизни и труда, а также система набора «работных людей»—все это имело своим следствием частые их побеги и развило бродяжничество. Например, еще в конце XVII в. строительные рабочие учитывались по особым спискам и вызывались на работы. При этом правительственное распоряжение предостерегает: в случае «учнут хорониться, то жен их и детей сыскивать и метать в тюрьму покамест мужья их не объявятся, а как мужья их объявятся, учинять им наказание...» Мамин-Сибиряк, прекрасно знакомый с горнозаводской жизнью Урала и Зауралья, отмечает: «Характерною особенностью крепостного права на заводах было то, что в это время создался тип крепостных беглых». Значительные группы беглых и бродяг собирались из крепостных крестьян, спасавшихся от прикрепления к заводам или от жестокостей помещиков, а также из каторжных и ссыльных, бежавших от тюрьмы.

Стремясь избавиться от насильственного закабаления на заводе и руднике, бежали также и работные люди. Правительство их ловило, наказывало, они отбывали срок в тюрьмах и снова

распределялись по заводским работам; после они снова бежали и иногда в периодической смене бродяжничества, острога и работ на рудниках проводили всю жизнь. Повторные побеги карались особо строго. После телесного наказания пойманные назначались на самую тяжелую работу. Об этом даже специально пишет исследователь горнозаводского дела в начале XIX в. И. Герман: «Горные работники их тех же самых служителей, бывающих в побегах, воровствах и тому подобных преступлениях, из первых званий исключая для отличия от прочих доброго поведения людей,—так, как при полках из солдат в погонщики, да и в работы употребляются они, где какие поместно, есть тягостнее и подлее, чтоб пред другими порядочными людьми будучи в презрении, чинимые им за передерзости наказания более чувствовали и приведены быть могли в прямое раскаяние и исправление»¹.

В песенном фольклоре находим следы этих тяжелых явлений крепостничества. В песнях изображаются беглые, которые стремятся избавиться от работ на сибирских горных заводах. Пойманные правительственными отрядами, они провели зиму в тюрьме и лазарете, оправляясь от телесных наказаний. С наступлением весны они должны отправиться на заводы, но снова мечтают о бегстве.

Отошла зима с морозом,
Мы лишились всех угроз,
Только трудно остается
Нам зеленый сад пройти.
Горнизон стоит порядком,
Барабанщики по концам;
Спину, плечики начеканят—
В лазарет нас отведут,
Мокрыми тряпками обвивают,
Знать нас вылечить хотят...
Мы со коечек вставали,
Думу думати одно...²
Теперь кончилась болезнь,
Нам нечего хворать.
Давайте поскорее, братцы,
Лыжи направлять².

¹ И. Герман. Сочинения о сибирских рудниках и заводах, собр. И. Германом, ч. I, СПб, 1797, стр. 282.

² Пономарев.—Что поет про себя Приуралье. «Северн. вестн.», 1887, № 11, стр. 65.

Беглецы хотя и назначены на заводскую работу, но всячески стремятся избавиться от нее:

Кому итти на Иркутск,
Кому в Нерчинский завод.
Все ступайте, братцы, лесом,
Мы дорогою пойдем,
Нам дороженька знакома,
Со пути можно уйти...

Или в другом варианте, записанном Максимовым¹.

Барабанщики пробили,
За приклад всех повели,
Плечи, спину исчеканят,
В госпиталь нас поведут,
Разувают, раздевают,
Нас на коечки кладут,
Мокрыми тряпижицами обкладывают,
Знать нас вылечить хотят.
Мы со коечек вставали,
Становилися в кружок,
Друг на дружку посмотрели,
Стали службу разбирать.
Вот кому итти в Бобруцкой,
Кому в Нерчинский завод.
Мы Бобруцка не боимся,
Во Нерчинске не бывать,
Путь-дороженька туда не близка,
Со пути можно удрать...

Далее бродяжники развивают подробную программу действий. Они подоят по пути конвойных, захватят оружие и убегут в лес:

Тут деревня в лесу близко,
На пути стоит кабак,
Целовальник нам знакомый,
Все из наших из бродяг,
Мы возьмем вина побольше,
Инвалитных подпоим,
И конвой весь перепьет,
И в поход тогда пойдем.
Мы конвой весь перевяжем,
Караульных разобьем,
Мы оружие все захватим,—
Сами в лес с ним удерем.

Варианты этой песни, записанные в различных местностях Приуралья и Сибири, говорят об устойчивости ее текста и содержания. Сложенная беглыми крепостной эпохи, позднее она

¹ Максимов. «Сибирь и каторга», ч. I, стр. 427.

становится одной из любимых песен таежных бродяг и каторжных и в таком виде записывается Максимовым как иллюстрация быта Сибири и каторги царской России.

2. У ИСТОКОВ РАБОЧЕГО ФОЛЬКЛОРА

...Для того, чтобы яснее уяснить себе, как потенциальное различие между крестьянским и рабочим отношением к фабрике и фабричному труду реализовалось в произведениях устного творчества, обратимся к одному забытому, но чрезвычайно интересному и показательному памятнику старинного рабочего фольклора—к песне змеиногорских рудорбочих, относящейся, повидимому, к первой половине прошлого века.

Вот что пели сами рабочие-сибиряки о себе, своем труде и о его условиях:

О, се горные работы!
Скажем, горные работы,
Они всем дают заботы¹.

Достаточно сопоставить эту песню с публикациями П. В. Киреевского и Г. И. Успенского, чтобы воочию убедиться в известном различии между крестьянскими песнями о фабрике и фабричных и собственно рабочим творчеством и решить, какие из песен могут дать нам представление об истоках рабочего фольклора. Старинная песня змеиногорских рудорбочих говорит о нищете и эксплуатации рабочих, но она отмечена таким точным знанием данного производства, которого не могло быть у крестьянина той поры, недоверчиво и испуганно глядевшего на всякое фабрично-заводское дело. В ней мотив эксплуатации получает настолько конкретное выражение, что относительно ее рабочего характера и происхождения не может быть никаких сомнений. Правда, эта песня лишена еще отчетливых революционно-призывных мотивов (иначе мы не нашли бы ее на страницах «Томских губернских ведомостей»), но много классовой ненависти таит она за занавешенными иронией неизвестного автора (или авторов) этой песни характеристиками хозяев и их подручных: кнутобойцев-подрядчиков, уставщиков, немцев-мастеров, оберштейгеров и др.

¹ Полный текст см. в предыдущей статье настоящего сборника, на стр. 7—8. А. Г.

И не случайно, что одна из первых рабочих песен родилась именно в рудниках далекой Сибири. Развитие русского капитализма с большей тяжестью отражалось на окраинах и в колониях и полуколониях царской России, нежели в центральных сельскохозяйственных районах империи, и уровень революционного отпора рабочей среды на угнетение и эксплуатацию капиталистов был здесь соответственно выше. Именно поэтому тот факт, что уральские горные заводы или рудники Сибири оказались колыбелями рабочего фольклора, не является случайным.

3. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСНИ

...Господи, скука какая,—говорил Иван Иванович, сидя за ужином у себя дома с женой и с детьми: ни к себе позвать гостей, ни самому куда-нибудь в гости. Когда этакая погода и кончится?

— Господи Иисусе Христе,—воскликнула в это время жена и перекрестилась, так как от порыва ветра затрясся весь дом и на улице застучало, засвистало и завывало.

— Никитич у нас?—спросил ее Иван Иванович.

— Куда ему деться-то—у нас,—отвечала супруга.

Пужинали. Жена Ивана Ивановича уложила детей в кровать и легла сама, а Иван Иванович покопошился у себя в спальне и тоже лег, угасив огонь, но не мог заснуть; то ему казалось, что кто-то кричит караул, то кто-то как будто воеет, то стучит в окна и просит помощи. Только стал засыпать—опять стук.

— Ах, ты господи!—воскликнул он, никак опять кто-нибудь заблудился,—подумал Иван Иванович и прислушался—стук прекратился.—От погоды,—успокаивал он себя и повернулся на другой бок. Немного погодя стук опять возобновился.

— Иван Иванович, а Иван Иванович?—звала вполголоса его супруга из спальни,—никак у нас стучат?

— Нет, погода,—отвечал Иван Иванович.

— Чего нет! У нас, у дверей,—отвечала ему жена.

Иван Иванович встал, достал огня, и явственно расслышал стук в двери. Он через залу прошел в прихожую и спросил через дверь: кто тут и что надобно?

— Пожар!—отвечал ему голос из-за двери.

— Какой пожар? Где?—спросил оторопев Иван Иванович и отворил с крючка дверь; но ветер задул свечку и Иван Иванович из прихожей с погашенной свечкой отправился через залу в спаль-

ню, но в зале в незапертое ставнем окно Ивана Ивановича осветило зарево, которое казалось вот тут и есть.

Иван Иванович засуетился.

— Буди, пожалуйста детей, да неси их в баню, она на отстое, в огороде; да вели лошадей седлать,—говорил Иван Иванович, надевая на себя теплые сапоги и простую амуницию.

— Я, вашескородие,—отвечал голос Никитича из залы, уже велел седлать.

— Никитич,—спросил его Иван Иванович,—где пожар-то?

— То ли волость, то ли возле волости,—отвечал Никитич, разглядывая в окно зарево.

— Старосту надо, да за старшиной,—вопил Иван Иванович.

Буря была во всем разгаре—ровно открылась бездна, из которой буквально сыпал снег сплошной массой и ветер был так силен, что Иван Иванович и Никитич едва держались на лошадях; сквозь мятель видно было на юге алое зарево пожара, как будто бы северное сияние. Иван Иванович с Никитичем проехали несколько сажен, но куда, не было видно и лошадь Ивана Ивановича остановилась.

— Ну, ты, одер,—понукал Иван Иванович своего серого.—Не туда заехали,—сказал он. Но Никитич не отвечал. Иван Иванович обернулся и старался его рассмотреть, но никого не мог увидеть.

— Никитич, а Никитич,—закричал жалобно Иван Иванович, но ответа не было. Серый в это время взял налево, прошел несколько сажен и остановился, Иван Иванович его прищпорил, он сделал несколько шагов и провалился передними ногами. Пристав перевернулся через его голову носом в снег.

— О, господи, смерть моя,—взмолился он.

Серый стал освобождаться из снега, а Иван Иванович старался не выпускать поводьев.

— Ну, погода, прости господи,—проговорил Иван Иванович и кое-как вскарабкался на серого, который в это время повернул в обратную сторону.

— Ну, нет,—сказал Иван Иванович и повернул серого опять к зареву. Проехали опять несколько сажен, серый шарахнулся в сторону, Иван Иванович еле-еле удержался и закричал:—Кто тут? Перед ним была какая-то черная масса; он наклонился и увидел, что это пожарная бочка, брошенная в сугроб. Иван Иванович сообразил по положению бочки, что он на главной улице рудника, домов же не было видно, так как они были занесены снегом вровень до крыш. Проехав еще несколько шагов, Иван Иванович повернул было серого направо, но наехал на какой-то полуза-

несенный снегом дом; он повернул опять прямо, но серый опять утонул задними ногами в сугробе и Иван Иванович опять скатился в снег.

— Господи!—взмолился он и почувствовал всю безнадежность своего положения. В такую ночь можно было погибнуть. Оставалась одна надежда, что как-нибудь вывезет конь.

— Эх, серко, мой, серко,—обратился Иван Иванович к коню,—ты хоть вывези, и отпустил поводья. Серый как будто его понял, мотнул раза два или три головой и пошел твердой поступью. Иван Иванович совсем отдался на произвол коня. Проехали они шесть сажень, и без приключений. За несколько шагов впереди показалась серая масса.

— Кто тут?—закричал Иван Иванович.

— Мы, мы,—отвечало ему несколько голосов, и Иван Иванович узнал рудничных крестьян.

— Где мы теперь?—обратился он к говорившему.

— За рудником,—отвечал ему тот,—мы ведь тоже скружали.

— Не видали ли Никитича,—спросил опять Иван Иванович.

— Нет,—был ему ответ. Выехали на ровное место недалеко от пожара и теперь могли положительно определить, что горит дом Веселовского. Иван Иванович встрепенулся, пришпорил серого и полетел к пожарищу; дом Веселовского весь был объят пламенем и около него суетилось человека четыре или пять. Иван Иванович хотел проехать по улице мимо горящего дома, но так как улица была узка и дом весь объят пламенем, а ветер был от пожара на улицу, то пламенем опалило у Ивана Ивановича бороду, а у серого хвост и гриву.

— Где же машины,—кричал Иван Иванович. Где староста? Где старшина?—Да неужели только народа?—засуетился Иван Иванович и подъехал к группе человек из пяти, которые стояли у ворот и глядели на пожар.

— Братцы, помогите,—обратился он к ним, но никто не пошевелился.

— Не ездите, вашешкородие,—советовал отвечавший ему Никитич, следуя за ним,—ветром задует в огонь. И действительно, с наветренной стороны нельзя было держаться—ветер так и бросал коня и всадника в огонь. Иван Иванович остановился у угла горящего дома, а буря все бушевала и бушевала, разнося искры на ту часть рудника, которая была под ветром, почему на пожаре и мало было народа, так как каждый боялся, чтобы у него не загорелся от искры дом или сарай; счастье еще, что большинство крыш у домов и сарай были покрыты снегом.

— Ты где был?—спросил Иван Иванович Никитича.

— Заблудился, вашешкородие, попал за рудник. Кабы не конь привычный, погиб бы.

— Где же староста и старшина? Да отчего не бьют в набат,— говорил Иван Иванович.

— Ничего не слышать,—отвечал Никитич.—Ишь какая погода.

При такой буре и без народа ничего не оставалось Ивану Ивановичу делать, как только подъехать к группе из пяти или шести человек и смотреть на пожар; он покорился и был только немым свидетелем, как догорали остатки гостеприимного дома Веселовского. О причине пожара он ровно ничего не мог узнать. Стряпка Веселовского рассказывала, что она накормила Сидонского ужином и он лег спать в кабинете Веселовского, запершись, а нарядчик Пяткин, убравши все, лег в комнату около прихожей; потом, спустя часа два или три, она была разбужена стуком в кухню Пяткина, который кричал, что горят, и когда она впустила его в кухню и добыла огня, то увидела, что Пяткин был только в одном белье, перепуганный и кричавший, что горят; потом он надел на себя шубенку и старые сапоги и без шапки куда-то убежал, а когда она со стариком вбежала в прихожую, то там был дым, а Сидонского не было нигде и что они ничего не могли вытащить, кроме экипажей. То же самое подтвердил и старик, ее муж. Два или три соседа рассказали, что они начало пожара не видали, а вышли на улицу уже тогда, когда квартира Веселовского вся была объята пламенем. Начались предположения, толки, подозрения Сидонского в том, что будто бы он зажег дом, обокрал Веселовского и скрылся. Действительно его нигде не находили. Днем наехало рудничное начальство, прислали людей, чтобы разгрести пожарище, под которым нашли обгорелые кости человеческого черепа, ребра и проч., а также слитки серебра от столовой и чайной посуды Веселовского, слитки от медной посуды, обгорелое: белье, книги, минералогические коллекции и оружие. Кости принадлежали, повидимому, Сидонскому—он погиб, но причина пожара так и осталась тайною. Следствие, начавшееся по этому поводу, ничего не могло выяснить, как ни бился следователь. Веселовский же из города взял отпуск и уехал в Петербург, осталось только от всего этого—груда угля и кирпича на том месте, где жил Веселовский, да вырытые ямы в Коровинском Логу.

Кончалась бурная зима. Иван Иванович забыл тревожное происшествие. Он сидел под окном и чистил охотничьи принадлежности, собираясь закатиться в «чернь», в леса и подстрелить

мишку. День был праздничный, рудник гулял. По улице раздавалась песня. Ватага рабочих проходила мимо дома Ивана Ивановича. Он взглянул и увидел Буйволова крепко навеселе. Иван Иванович прислушался к песне.

Чуть насилу рассвело
С-рское село,
Прекрасно, весело.
Весело там в С-ре,
Но не в самой середине—
Край конце села (2).
Всем известно, братцы, нам—
На выезде к рудникам,
Тут стоял казенный дом,
Господин в нем жил притом
Пристав рудников (2).
Рудник был горнозаводский—
Господин жил Веселовский.
Прииска за ним (2).
Прииска те работали,
У крестьян их отбирали.
Вдруг крестьянам стало бедно—
Отобрали очень вредно.
Не знаю, как быть (2).
Вдруг случился им отъезд
В город Барнаул.
Как собрались в Барнаул—
Был жестокий караул

В одиннадцатом месяцу,
Было угодно так творцу,
Осенние дни (2).
Вот двенадцато число,
С гор ужасно снег несло,
Буря поднялась! (2)
Страшно буря разыгралась,
Все ужасно напугались,
Кто где мог спастись? (2).
Среди самой темной ночи—
Было около полночи,
Сиял белый свет (2).
Белый свет сиял, как днем;
На углу живет Ион,
Аристов дьячок (2).
Вдруг так сделалось светло,
А Ион смотрит в окно,
Видит, что пожар! (2).
Испугался, задрожал,
Поскорее побежал.
«На пожар!»—кричит (2).
Тут народ скоро собрался,
А дом кругом уже обнялся,
Нельзя подступить! (2)

Рабочие повернули за угол, а песня еще раздавалась; она с фотографической точностью передавала страшную и загадочную зимнюю трагедию рудника. В ней даже сквозили какие-то намеки.

— Темное дело, странное дело!—подумал Иван Иванович.

II. ПЕСНИ РАБОЧИХ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ТАЙГИ О РАЗГИЛЬДЕЕВЩИНЕ

1. БЫЛЬ

Как в недавних-то годах,
На Карийских промыслах
Царствовал Иван.
Не Васильевич царь грозный;
Инженер был это горный,
Разгильдеев сын.
В наказание сего края
Его бросили с Алтая
Видно за грехи.
Он с начального вступленья
Генералу донесенье
Сделал от себя:
«Кара-речка так богата,
В один год пудов сто золота
Я берусь намыть».
Им представлена и смета,
И с весны того же лета
Начался покат.
Со всех рудников, заводов,
На турецких, как походах,
Партиями шли.
Из Петровского завода
Пришло разного народа
Сот пять человек.

С Кутамары, с Акатуя,
Лишь беду эту почуя,
Много разбеглось.
С Алгачей, Клички, Дучару
Пили ту же горьку чару,
И шли на Кару.
С Благодатского и Горной
Власти был народ покорный,
Плакали, но шли.
Опустел завод Нерчинский
И промысел Култуминский,
Народ весь на Каре.
Завод Шилкинский народом,
Под Шилкинским небосводом,
Беспардонным слыл.
А лишь только услышали,
Что в Кару их назначали,
То поджали хвост.
Как зовут их «ухорезы»,
Перестали видеть грезы,
Как бывало встарь.
Лишь вода в Каре открылась,
Тысяч пять зашевелилось
Рабочих людей.

Разгильдеев всех ласкает,
 Всем награду обещает,
 Кто будет служить.
 Намекнул, за что награда,
 А другим того и надо,
 Для чего рожден.
 И действительно тем летом
 Оправдал себя он в этом...
 Чем же оправдал?
 Многих к званию представил,
 К плечам головы приставил,
 Сделал с животом.
 Кто с душою был чугунной,
 Получил галун мишурный
 Просто ни за что.
 Старик Пимонич¹ не льстился,
 То на деле отличился,
 Показал пример.
 И один сред многолюдства
 Показал свое искусство
 В деланье горшков.
 Он коренья, разные травы
 Давал дворне для поправки,
 Разгильдеевой,
 А другой совсем без толка,
 Уж не Фрол, а просто Фролка²
 Поощрен и тот.
 Прежде не было кормовых,
 Для семейства сырых вдов
 Он исхлопотал.
 За тюрмою и за пищей
 Он следил, как гривны нищий,
 Спасибо ему.
 В службе ввел строгий порядок,
 Каждый делал без оглядок,
 Чтоб не приказал.
 Но заглянем мы в разрезы,
 Где текли ручьями слезы
 В мутную Кару.
 В Нижнем промысле, как ныне,
 Управляющий был в чине,
 Полный капитан.
 Капитан имел опору,
 В надзирателе в ту пору
 Им Морозов был.
 Вот была его ухватка,
 С зарей каждой сверх десятка
 Подбивать плетями.
 То винит, что поздно встали,
 То, что мало сработали,
 То не так стоят.

От такой его ухватки
 Бежал в сопку без оглядки
 Рабочий народ.
 На разрезе соберутся,
 Слезой горькою зальются
 Лишь примут урки.
 Попадет сажень, другая,
 Одна галька лишь сливная,
 А урок отдай.
 Не берет ни клин, ни молот,
 А к тому ж всеобщий голод
 Сделал всех без сил.
 Отчего же голодали?
 Провиант им выдавали,
 Спросите меня.
 Если правда,—но чего?
 Целиком кругло зерно,
 Только лишь свистит.
 И еще скажу причину,
 Ели камень половину,
 Данный в провиант.
 Не один же надзиратель
 Был к несчастным сострадатель,
 Нашлись и еще.
 Борков штейгером считался
 И не хуже отличался
 Пашки-палача.
 Да и промысла смотритель,
 Сказать правду, был мучитель,
 Варвар, право, был.
 Он с бичом всегда ходил,
 Беспощадно им лупил
 До кого дойдет.
 Его звали зверем Рыком,
 Всякий раз ходил он с криком:
 «Съем я вас живьем!»
 Сильно машины гудели,
 А толпы людей редели,
 Мерли наповал.
 За работою следили,
 А в Ключевке положили
 Тысячи больши.
 Кто с печали, кто с заботы,
 Больше с тягостной работы,
 Вечный им покой!..
 Положенья не намыли,
 До трех тысяч схоронили,
 Вот были года!
 Исполнители угроз,
 Борков штейгер и Морозов,
 Ждали все наград.

¹ Купряков.

² Зарубин.

Из них первый удавился,
 А последний отравился,
 Вот награда им!
 Верхний промысел в те поры
 Там имел переговоры
 С Разгильдеевым.
 Кулаков был там смотритель,
 Службы тоже исполнитель
 Самый верный был.
 Он рабочему собрату
 Отпускал ярник в награду
 Завсегда весом.
 И вес этот полагался,
 Двадцать фунтов добивался,
 И до тридцати.
 Уставщик Павел Якимыч¹
 И за штейгера Панфилыч²
 Были чисты псы.
 Лучшев также забывался,
 Часто.....³ назывался,
 И господь терпел.
 Но терпел он лишь до время,
 Присобрав таких беремя,
 Должное воздал.
 Ходил в присмотре Шабанко,
 Что ни день, то и вязанка
 Выйдет батогов.
 Крауз был такой же хват,
 Говорил: «Хоть меня в ад,
 Я вас допеку!»
 И Душечкин туда же,
 Делал только, что лишь гаже
 Тем же беднякам.
 С кого рубль, полтину взяли
 И работу задавали
 В половину тем.
 Но хоть пар сейчас из тела,
 Им как будто и нет дела,
 Если кто не даст.
 Тем работы работали
 Зарывать не успевали
 Мертвые тела.
 Всяку ночь к белу рассвету
 И с работы, с лазарету
 Убыль велика.
 Трупы тел в амбар таскали
 И в поленницы там клали
 На обед мышам.

Мыши так их обедали,
 Что родня не узнавали,
 Кого провожать.
 Да и мертвых уже клали
 Ни в гроба, а зарывали
 Просто без гробов.
 Сказать еще, что власти
 При такой большой напасти
 Спутались совсем.
 Мертвых в табель отмечали,
 Содержанье назначали,
 А живых долой!
 Кузнецов тюрьмы смотритель
 На умерших удальцов
 Брал их провиант.
 А каналы комиссары⁴
 Мертвым, как живым, писали:
 «Выдана даба».
 Вдруг награда подоспела,
 В наказание губу съела
 Боль уставщику.
 Штейгер отставки добился,
 Но от мщенья не укрылся
 Общего судьи.
 Ему молотом врасквас
 По затылку восемь раз
 Ссылный отхватил.
 А Терентью той порой
 Продолбили лоб кайлой,
 Выбрали зубки.
 Лучшев был здоров—и что же
 Наказал всевышний боже,
 Издох параличом.
 Кулакова ж в Каре нет,
 Он теперь уж много лет
 Щупает гагар⁵.
 И один подлец Фомич
 Носит ныне прежний бич,
 Но уж не грозит.
 Где ж Шабанко и где Крауз?
 Там забились под пакхауз
 От большой беды.
 Разгильдеев ослаб духом,
 И не гонится за слухом,
 Где, что говорят.
 Он одно только мечтает,
 Тем себя он оправдает,
 Кого завинит.

1 Кузнецов.

2 Леонтьев.

3 Опушено редакцией газ. «Владивосток»—А. Г.

4 Мельников и Ковригин.

5 Выгнан со службы без пенсии.

Песков мало перемыто,
Но людей много зарыто,
Этим был смущен.
Но на этот раз явился
Арестант—и объяснился:
— Я вам помогу.
Я знакомый с чародейством,
И его сильнейшим действием
Золото найду.
Мне теперь даже известно,
Где скрывается чудесно
Самородков страсть!
Тут в Каре они под лесом,
Каждый в десять пудов весом,
Вот то благодать!
Только дайте мне свободу,
И рабочего народу
Шурф скорей копать.
Но лишь надобно сознаться
С тем, чтоб не ругаться
Вовсе никому.
Иван дела не заверил,
Арестанту он поверил,
К делу приступил.
Людей много отрядили,
К ним присмотры нарядили,
Начали копать.
Но копали цело лето,
Все не то, да все не это,
Ровно ничего.
Колдун стал от них скрываться,
Как бы, где ему убраться,
Наконец бежал.
Разгильдеев видит худо,
Провалилось в землю чудо,
Вот то где беда!
Напоследок ухитрился,
Генералу объяснился
Не было дождей.
И винит в промывке .....¹,
Что отнял народу много,
Сам был в стороне.
А сказать еще ведь к разу,
Тот, другой держали мазу,
Он оправдан был.
Генерал вместо презренья,
Об нем сделал представление
Батюшке-царю.
Подполковника чин дали,

И начальником избрали,
Снова зажил он.
Кому брюхо прежде пучил,
Тех он снова «заикрючил»,
Требовал в завод.
На базаре средь завода
Он собрал толпу народа,
Избранных своих.
— Я ценил заслуги ваши,
Дал вам пить из полной чаши,—
Он им говорил.
— Вы упились и забыли,
Кто вам жизнь дал, кем вы жили,
Стройтесь же в ряды.
Тут огнище раскладали,
И цирюльники срывали
С бедных галуны.
Не решил тем наказанье,
Он назначил их к изгнанию
В разные места.
Еще многое тут было,
Извините, слабнет сила,
Дайте отдохнуть.
Отдохнув писать решился,
Но на чем остановился,
Право позабыл.
Похороним же былое,
Время мрачное и злое,
Скажем, как живем.
Сжался бог над угнетеньем,
Он за слезы утешеньем
Дейхмана послал.
Он прошедшее все злое
Переделал на благое,
Нову жизнь нам дал.
Все нерчинские заводы
Дождались хороши годы,
Зажили опять.
Что Петровский или Усолье,
На Каре стало раздолье
Небывалое.
Там счастлив стал каждый житель,
Где Иосса управитель,
А он на Каре.
С ним герой неколебимый,
Шестаков всеми любимый,
Что за господа!
По наружности не судят,
Если кто, чего заслужит,
То и получай.

¹ Слово «бога» опущено редакцией газ. «Владивосток»—А. Г.

По работам ввел порядок,
Не берет уж присмотр взток,
Как бывало встарь.
Уставщик будто стыдится,
И понудить кто ленится,
Не смеет взыскать.
Не имей уж ту заботу,
Чтобы в праздник на работу
Кто тебя послал.
Кандалов и в самом лете
Не положено по смете
Содержащимся.

Плеть лежит не шевелится,
Палач взять ее стыдится.
То-то блажь, не жизнь.
Но нельзя же без угрозы,
Для острастки есть же лозы,
Но уже без форм.
Просим мы: творец всеильный,
Не лишай нас жизни дивной,
Дейхмана храни...
Где ж теперь Иван Великой,
Он в пустыне мрачной, дикой
Кается в грехах!..

2. ПЕСНЯ О РАЗГИЛЬДЕЕВЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧИХ НА НЕРЧИНСКИХ ЗАВОДАХ

1

В известной песне о деяниях Разгильдеева на Каре в 1850 г. сказано:

«И с весны того же лета
Начался поход.
Со всех рудников, заводов
Как на Турцию походы
Партиями шли.
Из Петровского завода
Пришло разного народа
Сот пять человек.
С Кутомары, с Акатуя,
Лишь беду эту почуя,
Много разбеглось.
С Алгачей, Клички, Дучару
Пили ту же горьку чару—
Все шли на Кару,
С Благодатского и Горной—
Там народ власти покорный—
Плакали да шли.
Опустел завод Нерчинский
И промысел Култуминский,—
Народ был на Каре».

К 1 января 1859 г. на Нерчинских золотых промыслах было учеников разных мастерств 26, мастеров и подмастерьев 56, служителей 1674, подростков, употреблявшихся в работы, 149.

Другим составным элементом рабочих в Нерчинских золотых промыслах были ссыльно-каторжные.

2

...На Нерчинских заводах мастеровым полагалось годовое жалованье и провиант, на золотых же промыслах мастеровые, а наравне с ними и ссыльно-каторжные получали еще кормовых или суточных по 5 к. в день, т. е. 18 руб. 25 к. в год. В известной нам песне о происшествиях на Каре в 1850 г. прибавка рабочим на золотых промыслах кормовых суточных денег объяснена хлопотами о том Разгильдеева:

«Прежде не было кормовых
Для семейств, сирот и вдовых,—
Он исхлопотал».

3

...В начале 50-х годов уроки были очень тяжелы, что видно из следующих слов песни, воспевающей действия на Каре Разгильдеева в 1850 г.:

«На разрезе соберутся,
Слезой горькою заляются
Лишь примут урок.
Попадет сажень, другая
Одна галька лишь слизная,
А урок отдай.
Не берет ни клин, ни молот,
Да к тому ж всеобщий голод
Сделал всех без сил».

4

...Провиант выдавался иногда в крайне неудовлетворительном виде. В известной песне о деяниях Разгильдеева, составленной Мокеевым, сказано:

«А к тому ж всеобщий голод
Сделал всех без сил.
Отчего же голодали?
Провиант им выдавали,—
Спросите меня.
Если правда, но чего—
Целиком кругло зерно
Только лишь свистит.
И еще скажу причину:
Ели камень половину,
Данный в провиант».

5

...Тяжесть работ на золотых промыслах вызывала побег с них, особенно ссыльно-каторжных. Так, в течение 1858 г. со

всех золотых промыслов Нерчинского округа бежало заводских служителей 77 (4,6⁰/₀ всего их числа), ссыльно-каторжных 488 (до 24⁰/₀) и «ссылных женок» 14 (10⁰/₀). Из всех бежавших поймано было 28⁰/₀. В песне Мокеева сказано, что как только Разгильдеев стал переводить мастеровых на Кару:

«С Кутомары, Акатуя,
Лишь беду эту почуя,
Много разбеглось».

А на Каре жестокости одного надзирателя, часто наказывавшего рабочих плетью, приводили к тому, что

«От такой его ухватки
Бежал в сопку без оглядки
Рабочий народ».

Побеги бывали очень часто, несмотря на то, что за три дня вторичной и последующих отлучек казенные мастеровые предавались военному суду и подвергались наказанию, которое вносилось в формуляр. Раз наказанный шпицрутеном, замаравший таким образом свой послужной список, навсегда лишался права на увольнение от работ, когда же был назначен срок службы, и по выслуге лет не получал пенсионна.

6

...Не ограничиваясь пассивным протестом в форме бегства, рабочие на золотых промыслах не отступали иногда и пред убийством лиц особенно им ненавистных. Так в песне Мокеева после описания тяжелых работ, разных злоупотреблений и жестокостей сказано:

«Штейгер отставки добился,
Но от мщенья не укрылся
Общего судьи.
Ему молотом врасквас
По затылку до трех раз
Ссылный отхватил.
А Терентью той порой
Продолбили лоб кайлой,
Выбрали зубки».

Да и немудрено: присиловские порядки могли довести до раздражения самых терпеливых людей. Горные чины составили себе такую репутацию, что, по словам Б. А. Милютина, Муравьев «с особенным недоверием относился к горному ведомству вообще, а к кабинетскому в особенности... Горный офицер или чиновник, в каком бы чине он ни был, не имел права подойти к

вашгерду и взглянуть на пробное золото, чтобы его не сопровождал казачий урядник, на лице коего ясно выражалось: «хоть ты и офицер, а все-таки причастен известной заповеди». По примеру высших чинов не клали охулки на руку и низшие. По словам песни Мокеева, «с кого рубль—полтину взяли», тем «задавали работу на половину».

«Но хоть пар сейчас из тела,
Им как будто нет и дела,
Если кто не даст».

7

«Канальи-комиссары» пользовались также смертностью рабочих и записывали выдачу дабы на мертвых, как на живых. Рабочие, как видно из песни Мокеева, думали, что только с помощью «маза» (взятки) удалось оправдаться и Разгильдееву, так что генерал (Муравьев) «вместо презренья, об нем сделал донесенье

Батюшке-царю.
Подполковника чин дали
И начальником избрали,
Снова зажил он..
На базаре, средь завода
Он собрал толпу народа,
Избранных своих.
— Я ценил заслуги ваши,
Дал вам пить из полной чаши,—
Он им говорил.
— Вы упившись забыли,
Кто вам жизнь дал, кем вы жили,
Стройтесь же в ряды.
Тут огнища раскладали
И цирульники срывали
С бедных галуны».

Может быть эта расправа с повинными в разных злоупотреблениях была произведена по приказанию Муравьева, как результат его собственных наблюдений или действия следственной комиссии, учрежденной на Нерчинском заводе. Это, впрочем, вполне соответствовало суровой дисциплине, не спасавшей, однако, рабочих от злоупотреблений начальства. На Нерчинских заводах и промыслах «не на редкость» было «штрафование розгами надзирателей рудников, нарядчиков из унтер-шихтмейстеров и столоначальников горных контор, а служащие и урядники (ныне канцелярские служители) посылались трудиться в разрезах наравне с рабочими. Мало того, при публичном сборе чиновников и служащих в Нерчинском заводе объявлялась одним бла-

годарность, а другим наказание с такою обстановкою, что опальных лиц цирюльники тут же садили на барабан и обрывали у них галуны, которые бросались в нарочно разложенный костер». Это свидетельство показывает, что картинка, нарисованная в песне Мокеева, могла быть верным отражением действительности.

Если так мало церемонились с разными чиновниками и надзирателями, то и мастеровые подвергались тем же суровым наказаниям, как на Алтае, а ссыльно-каторжные, клейменные по тогдашнему закону буквами: С (на одной щеке), О (на лбу), К (на другой щеке), что означало «ссыльно-каторжный», разумеется выносил еще более ужасные кары и эта, особенно суровая, атмосфера каторжных тюрем должна была вредно отражаться и на так называемых рабочих «честного имени».

Разгильдеев был очень жесток: случалось, что в виде простой административной расправы он приказывал давать по 300 розог в две руки. Грозно карая виновных, он для пущего эффекта хотел в тоже время казаться иной раз и милостивым. Вот что рассказывал нам Ю. И. Эйхвальд. Однажды был задан непосильный урок, так что каторжане возмутились. Смотритель работ наказал плетьюми троих собственной властью, но этим дело не кончилось. На другой день были выведены все каторжные, окружены войсками, призван палач и трое наказанных были еще раз жестоко высечены плетьюми, закованы кругом, т. е. не только по рукам и ногам, но еще руки и ноги были соединены железными перекладинами, так что они не могли повернуться, и отправлены в другое место. Но тут же по списку, предварительно составленному надзирателем, Разгильдеев выкликнул каторжных примерного поведения и выдал им награду в 25 руб.

Недаром песня под заглавием «Действия на Каре в бытность Разгильдеева в 1850 г.», сочиненная Мокеевым, начинается так:

«Как в недавних то годах
На Карийских промыслах
Царствовал Иван!
Не Иван Васильич Грозный,
Инженер-от был он горный
Разгильдеев сам!
В наказанье сего края
Его сбросило с Алтая
Видно за грехи и т. д.

Примеру начальника следовали и подчиненные: так на Нижне-Карийском промысле был надзиратель Морозов, который

имел «такую ухватку: каждую зорю из десятка подчивать плетью» за то, «что поздно встали» или «мало сработали», или «не так стоят». На Верхне-Карийском промысле в коллекции смотрителей и уставщиков, изображенных Мокеевым, был некий Шабанка, для которого в песне естественною рифмою служит «вязанка батогов». На Нижне-Карийском промысле

«Барков штейгером считался
И не хуже отличался
Пашки-палача.
Да и промысла смотритель
Превосходный был мучитель,
Барвар, право, был.
Он с бичом всегда ходил,
Без пощады им лупил
До кого дойдет».

Этот «мертвый дом» для казенных мастеровых продержался до 1861 г., а для ссыльно-каторжных и долее.

8

...Самое ужасное время пережили мастеровые и каторжные на Каре зимою 1850—51 гг., когда Разгильдеев хотел в угоду Муравьеву довести добычу золота на Нерчинских промыслах до 100 пуд. в год. Мы уже упоминали имя этого деятеля, оставшего по себе самую печальную память; нужно познакомиться с ним несколько подробнее.

Горный инженер Разгильдеев, как мы слышали, служил прежде на Урале, но его начальник пожелал от него отделаться. Разгильдеев приехал в Петербург и, как видно из официальных источников, представил проект об усовершенствовании золотопромышленности в России в техническом и хозяйственном отношениях. Ученый комитет корпуса инженеров нашел заслуживающими особого внимания изобретенную им золотопромывальную машину, разного рода снаряды, облегчающие добычу и перевозку песков и проч. и постановил поручить ему испытать их в каком-либо из горных округов, напр., в Нерчинском, где золотое производство начинало развиваться и где, по мнению комитета, всего удобнее применить на деле те из предположений, которые окажутся полезными¹. Министр финансов согласился с

¹ Описание Разгильдеевской промывальной машины см. Максимов—«Сибирь и каторга», III, 357—359.

этим предложением и решил отправить Разгильдеева на службу в Нерчинский округ.

В начале февраля 1849 г. он приехал в Иркутск и очень понравился Муравьеву, который, по его словам, в официальном донесении министру финансов тем более обрадовался приезду Разгильдеева, что «со времени личного обзора Нерчинского округа в августе и сентябре» 1848 года «получил сам твердое убеждение в возможности развития там золотого производства несравненно в большем противу нынешнего размера». Муравьев немедленно отправил Разгильдеева в Нерчинский округ с приказанием осмотреть россыпи, открытые по речкам Каре и Багаче, текущим в р. Шилку, по долине Лопатихе, находящейся близ Дучарского завода, и по речке Тайне, изливающейся в Газимур. В конце марта того же года Разгильдеев донес, что местность по ту сторону Яблонного хребта богата золотом, что месторождения осмотренной им Карийской системы мощны и обильны золотом, водою и лесом и сулят Забайкальскому краю великую будущность, что весь левый берег р. Шилки от слободы Куенгской до речки Горбицы, на протяжении 210 верст, золотосен, и что в первый же год своей службы, если ему будет дано достаточное количество людей, лошадей, машин и всего необходимого для горных работ, он надеется добыть от 100 до 125 пудов золота. Нужно заметить, что Муравьеву это обещание было особенно кстати, так как казна не могла дать в то время достаточно средств для его предприятий на Амуре.

По желанию Муравьева, Разгильдеев в июне 1849 г. был назначен управляющим Нерчинскими золотыми промыслами и непосредственно подчинен ему, а не начальнику Нерчинских заводов¹. Разгильдеев объявил, что ему нужно 3000 мастеровых. Объезжая разные горные селения Нерчинского округа, он проносил речи, возбудил охоту работать на Карийских промыслах и, кроме того, потребовал, чтобы ему дали более 600 каторжных. К осени 1850 г., по словам Ю. И. Эйхвальда, рассказывавшего нам это, было намыто около 60 пуд. золота. Разгильдеев уехал в Петербург, где тогда находился Муравьев, приказав продолжать работы. Между тем, теплых жилищ не было, мастеровые не имели и зимнего платья. Наскоро построили теплые промывальни; так как они переполнялись паром, то работать в них было очень тяжело. Начались болезни, тиф все более усиливался. Лазареты были так тесны, что больные лежали не

¹ Общий Архив Министр. Двора по описи № 478, связ. № 2506, дело № 21, л. 1—8, 16—31.

только на кроватях, но на полу между кроватями и под кроватями. Стены больниц так плохо защищали от холода, что волосы больных примерзали к подоконнику. Эйхвальд советовал помощнику Разгильдеева распустить команду, но тот не решился. Дали знать в Иркутск; приехал врачебный инспектор, пробежал по лазаретам и опять уехал. Смертность стала до того усиливаться, что едва успевали хоронить. Над изготовлением гробов постоянно работало 12 плотников; зарывать приходилось не особенно глубоко (и от этого впоследствии началась сибирская язва). Трупы сваливали до похорон без разбора, но солдаты изъявили желание хоронить своих с барабанным боем; приходилось вытаскивать наудачу любой труп и хоронить по-военному. На промыслах, по словам Эйхвальда, умерло от тифа около 1000 чел.; сколько погибло на пути, когда распустили команду, неизвестно¹.

По словам Д. И. Завалишина, «лишенные собственного крова, пригнанные в суровое время года туда, где для них ничего не было приготовлено, вынужденные жить в землянках, вырытых в мерзлой земле, люди подвергались всем последствиям холода и холода: развился сильный повальный тиф, унесший свыше 1000 чел. из самого лучшего здорового населения². По словам С. В. Максимова, на Каре погибло в 1850 г. более 1000 чел. в один год³.

В песне о деяниях Разгильдеева, сочиненной ссыльным Мокеевым и которую до сих пор поют ссыльно-каторжные, так говорится о смертности рабочих:

«Сильно машины гудели,
А толпы людей редели,
Мерли наповал.
За работою следили,
А в Ключевке положили
Тысячи больши:
Кто с печали, кто с заботы,
Больше с тягостной работы,—
Вечный им покой!
Положенья не намыли,
До трех тысяч (?) схоронили—
Вот были года».

¹ Б. А. Милютин в своих воспоминаниях о Муравьеве также говорит, что быстрое увеличение золота «достигалось ценою тысячи жизней, погибших от жара и истощения». «Ист. Вест.», 1888, т. XXXIV, 317.

² «Рус. Стар.», 1881, т. XXXII, 82.

³ «Сибирь и каторга», III, 359.

На Верхне-Карийском промысле по словам песни:

«Те ж работы работали,—
Зарывать не успевали
Мертвые тела...
Трупы тел в амбар таскали
И в поленницы там клали
На обед мышам.
Мыши так их объедали,
Что родня не узнавали,
Кого провожать.
Да и мертвых уже клали
Не в гроба, а зарывали
Просто без гробов».

Разгильдеев сумел обратить в свою пользу даже эту смертность, сославшись на нее, как на причину недомывки золота:

«И винил в промывке бога,
Что отнял народу много,
А сам в стороне».

Мокеев довольно верно передал тон донесений Разгильдеева, в одном из которых (от 23 апреля 1851 г.) сказано: «возвратясь из Петербурга на Карийские золотые промыслы»,—писал он Муравьеву,—«я к сожалению нашел, что рабочая команда на здешних промыслах, постигнутая во время зимы эпидемическою тифозною горячкою, потеряла много сил, вследствие чего и зимние промысловые работы были значительно ослаблены». По смете на 1851 г. на добычу 110 пуд. золота исчислено рабочих с присматривающими за ними—4560 чел., «с задолжением их в круглый год. В настоящее время считается на промыслах до 3478 чел.». Следовательно, убыло 1082 годовых работника¹.

3. СТРАШНОЕ И ПАМЯТНОЕ ДЛЯ КАТОРГИ ВРЕМЯ

Песен каторга поет много, но по большей части избитые, фабричные и очень немного народных или своих. Мне удалось подслушать только две, весьма характерные и чисто-народного творчества, песни. Одна из них начинается словами:

«Как в недавних годах,
На Карийских промыслах
Царствовал Иван!
Не Иван Васильич Грозный,—
Инженер-от был он горный,
Разгильдеев сам!» и т. д.

¹ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1638, № 1/8, л. 3—4, 6 об.

Песня описывает подробно, строках в трехстах, страшное и памятное для каторги время, когда еще каторжане находились в заведывании горного начальства и когда управляющим на Каре был горный инженер Разгильдеев, взявшийся утроить или учетверить количество добывавшегося на Каре золота, с тем непременным условием, чтоб его не стесняли в его действиях, и действительно добившийся этого блестящего результата, но какою ценой?.. По преданию и по рассказам очевидцев, так как это было весьма недавно, он забил плетью и розгами, в один год, до двух тысяч человек, так что каждый раз, когда ссыльные шли с работ в тюрьмы, то непременно несли на носилках несколько трупов товарищей, засеченных на разрезе. Так как забитых было ежедневно очень много, то их не хоронили на общем кладбище, на Среднем промысле, потому что не успевали отвозить их туда, а отвели для погребения позади лазарета, на Нижнем промысле, особое место, которое и до сих пор носит название «Разгильдеевского кладбища». В вышеприведенной песне эпопея эта рассказана подробно и не без таланта, причем все тогдашние карийские деятели названы своими именами. Автором этой песни называют одного каторжного, по фамилии Мокеева, ныне уже умершего.

Другая песня, чрезвычайно оригинального, заунывного мотива, полная поэтической прелести, начинается так:

«Как на дубе на высоком,
Над широкою рекой,
Одинокий думу думал
Сокол ясный, молодой.

* * *

«Что ты, сокол сизокрылый,
Призадумавшись сидишь,
Своими ясными очами
В даль родимую глядишь?» и т. д.

В этой песне под видом сокола изображен ссыльный, тоскующий по родине и в конце концов от тоски умерший. Когда ее поют много голосов, хорошо спевшихся, она производит потрясающее впечатление, особенно на новичков и нервных людей.

4. ПРО БЫЛОЕ НА КАРЕ

На недавних годах
На Карийских промыслах
Царствовал Иван (2 раза).

Не Иван Васильев Грозный,
Он—начальник власти горной,
Разгильдеев сын (2 раза).

В наказанье сего края
Его бросило с Ултая,
Верно, за грехи (2 раза).
Он с начала поступенья
К генералу донесенье
Подав от себя (2 раза).
«Кара реченька богата,
В один год сто пудов злата
Я берусь намывать» (2 раза).
Им представленная смета,
И с весны того же лета
Начался разрез (2 раза).
Со всех рудников завода,
Со турецких со походов
Партиями шли (2 раза).
Из Петровского завода
Пришло разного народа
Сто пять человек (2 раза)
Из Кумары, с Акатуя,
Лишь беду эту почуя,
Все шли на Кару (2 раза)
С благодацкой власти горной.
Но тот был народ покорный—
Плакали, да шли (2 раза),
Опустел завод Нерчинский
И промысел Култулинский:
Народ был в Каре (2 раза).
Завод Шилкинский народный
Под шилкинским небосводом
Беспардонным слыл (2 раза).
Так зовут их ухорезы,
Перестали делать грезы,
Как бывало встарь (2 раза).
Но как только услышали,
Что в Кару их назначали,
Все поджали хвост (2 раза).
Лишь вода в Каре открылась,
Тысяч пять зашевелилось
Рабочих людей (2 раза).
Разгильдеев всех ласкает,
Всем награду обещает,
Кто будет служить (2 раза).
Надмекнул, за что награду,
А другому чего надо,
Для того рожден (2 раза).
Кто с душою был чугунной,
Получил галун мишурный
Просто ни за что (2 раза).
Старик Пимонов листился,
Он на деле отличился,
Показал пример (2 раза).
Он один средь многолюдства
Показал свое искусство
В деланьи горшков (2 раза).

Для начальника лихого
Сделал латку для жаркого
Мерой шесть аршин (2 раза).
Еще к столу прибавил,
Тут же латку помуровил,
Получил галун (2 раза).
Он и корни, он и травы
Сбирал дворни для поправки
Разгильдеевой (2 раза).
Вот любимая ухватка—
На заре больше десятка
Потчевал плетью (2 раза).
Он винит, что поздно встали,
И что мало сработали,
То, никак, стоят (2 раза).
От его такой ухватки
Бегли в сопки без оглядки
Рабочий народ (2 раза).
На разрезе соберутся,
Слезой горькою залыются,
Как примут урки (2 раза).
Попадет сажень тугая,
Одна галечка сливная,
А урок отдай (2 раза).
Не берет ни клин, ни молот,
А к тому же общий голод
Сделал всех без сил (2 раза).
Кто с печали, кто с заботы,
Больше с каторжной работы
Мерли наповал (2 раза).
Верхний промысел в ту пору
Он имел переговоры
С Разгильдеевым (2 раза).
Уставщик Павел Икимыч,
А щегерь Панфилич
Просто были псы (2 раза).
Его молотком врасквас
По затылку один раз
Ссыльной отпустил (2 раза).
И Терентью той порой
Продолбили нос кайлой,
Выбрали зубки (2 раза).
Не один там надзиратель,
Но, конечно, сострадатель
Нашелся другой (2 раза).
Борков щегерем считался,
Но не мене отличался
Пашки-Палача (2 раза).
Исполнители угроз—
Борков—щегерь и Морозов
Ждали все наград (2 раза).

Вдруг награда подоспела,
В наказанье моль отъела
Нос уставщика (2 раза).
У них щегерь удавился,
А Морозов отравился—
Вот награда злым (2 раза).
Лучьев так лишь забывался,
Часто богом назывался,
Но господь терпел (2 раза).
Он терпел точно до время,
Принабрал таких беремя,
Бросил прямо в ад (2 раза).
Где Шабанко, где и Краус—
Все забились под чихаус
От такой беды (2 раза).
Но Краус парень хват,
Говорит: «Меня хоть в ад,
Я вас допеку» (2 раза).

Его молотом врасквас
По затылку десять раз
Ссылный отпустил (2 раза).
Отдохнув, писать решился,
И на чем остановился,
Право, позабыл (2 раза).
Мы забудем люто время,
Мрачное и злое,
Скажем, как живем (2 раза).
Где Иван нонче Великой?
Он в пустыне мрачной, дикой
Кается в грехах (2 раза).
Оправданье не примают,
Черти душу отнимают,
А он не дает (2 раза).
Встаньте, братья, помогите,
Отнять душу пособите...
Они не встают. (2 раза).

5. КАЗАЧЬЯ РАБОЧАЯ ПЕСНЯ

В шестьдесят девятом годе
При нужде такой народе
Ехал Воронцов.
Ехал Воронцов.
Подряжал он молодцов,
Суммы не жалел.
С казачком он пограничным
По правленьям по станичным
И по волостным.
Кто желает подряжаться,
Тот в правленьце являтся
И билет в руках.
У кого билета нету,
При себе таперя нету,
Атаман дает.
Атаман наш был Карелин,
Он нужде нашей поверил,
Билеты давал.
Мы билеты получали
И контракты заключали
Вплоть до октября.
Октября мы дожидались,
В Кудею мы отправлялись,
Партиями шли.

Шли мы с Клички, шли с Дучару,
Пилю горькую мы чару,
Плакали да шли.
В Кутамару мы пришли,
Ночевать мы тут должны
Со своим харчом.
Этот дикушный запас
Обессилил крепко нас
При дальнем пути.
Бутарин¹ наш престарелый,
Мы едим хлебец горелый,
То ли бы сырой.
В Кудею мы приходили,
Все инструмент получили
Кайлы и ломы.
Уж как наши-то ребята
Получили все лопаты
Больше топору.
Мерзлы каменны срубили
На носилках выносили
Вроде патаржной.
На носилках выносили,
Мы начальников просили
Об своих трудах.

¹ Пекарь.

Но у них плата убога.
Не сознали они бога,
Их господь нашел.

Вот мы корень подрубили,
Много лесу погубили,
Чистили разрез.

Нонче лето водяное
И ненастье дождевое,
Разрез унесло.

Живем суточки, другие
И идем оттуль нагие
С одной душой!

Бегат Торболов, ругатся,
Казаку велит седлаться
Нас в темну вести.

А Барбаков бегат, хлопочет,
Посадить нас в темну хочет,
Но мы им не даем.

Деньги на руки получим,
Босиком гачи засучим.
И бежим в Молки.

6. ГОРНОРАБОЧИИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Шинелюшка дыроватая,
За плечми мешок,
Еле жив, спина горбатая,
Ходит нищий старичок;
Христа-ради подаяния
Томно просит близ окон;
Стар, как старое преданье
И согбен годами он.
Лицо сморщенное, вялое,
Взгляд безжизненный, тупой,
Еле движет тело старое
Он неровною стопой.
Я слышал, что жизнь сложилась
Не на радость бедняку,
Много видеть приходилося
Ему горя на веку;
Много вынес он мучения:
Лет двенадцать, говорят,
Был по силе положения
На завод в работу взят.
В штат завода Кутамарского
Малолетком он попал
И, трудясь для блага царского,
В нем руду сортировал.
Восемнадцать только минуло,—
Стал пошире лишь в плечах,—
И тотчас в работу полную
Был поставлен при печях.
Потянулся труд томительный
День за днем для бедняка
В атмосфере отвратительной
Колчедана, мышьяка.

Отравлялась жизнь кипучая
Пред пылающим шестком,
И нередко розга жгучая
Расправлялась с бедняком.
Произвола бесшабашного
Были грозные года,
От ее знакомства страшного
Вряд ли спасся кто тогда.
Чуть лишь печка своеравная
В смену мало даст свинца,
И уж вот расправа славная
Ждет в конторе у крыльца.
Плавка же эта—вещь мудреная:
То в печи остынет жар,
То печь сильно раскаленная
И превыситя угар.
И за это опущение,
Не жалея «ерника»,
Барин сам иль «их почтение»¹
Больно секли бедняка.
Тут пора настала новая—
Приисковая пора:
Шахтама нашлась суровая
И страшилище—Кара.
Опустели шахты горные,
Опустел и наш завод,
И в Кару, в трущобы темные,
Отовсюду шел народ.
И вот в силу поведения,
Сын неволи и труда,
Полный рабского терпения
Наш бедняк пошел туда.

¹ Их почтением именовались тогда горные урядники.

Там с убийцею мучения
Одинакие сносил;
Тот страдал за преступления,
Он страдал за то, что жил.
Голод лютый, труд томительный
С вечным страхом жгучих лоз,
Весь гнет варварски мучительный,
Разгильдеевский гнет снес.
Хоть промчалось время строгое,
Рабство отжило свой век
И животное двуногое
Стало вольный человек;
Но сломали силу крепкую
Трудовые тридцать лет:
Тело стало ветхой щепкою,
На лице кровинки нет.
Сил нет, ноги подгибаются—
И свобода ни во что,
Вот сумою он питается,
Век трудившись ни за что.
И ведь нет ожесточения
К жизни полной злых обид.

Вспоминает он мучения,
Точно сказку говорит.
Речь ровна, лицо спокойное,
В тусклых взорах нету зла,
Точно жизнь ему достойное
По делам ему дала.
Вынося свое страдание
И обиды целый век,
Вряд ли он имел сознание,
Что он тоже человек.
Нет, способности мышления
Беспробудно спали в нем,
Усыпленные с рождения
Произволом и трудом.
И невежество спасением
Послужило для него:
В нем он мог снести с терпением
Иго рабства своего,
И не помня зла мучителя,
Не прокляв свою судьбу,
С теплой верой в спасителя
Ждет лишь отдыха к гробу.

III. ПЕСНИ РАБОЧИХ ЕНИСЕЙСКОЙ ТАЙГИ

1. О ЧЕМ ПЕЛИ РАБОЧИЕ

В Рыбном я в первый раз в жизни увидел рабочих, возвращавшихся с приисков. Это был народ бравый, видный, развитой. Познакомился я с ними в вольной продаже. Перед моим приходом я слышал песню на гслом:

За горами, за долами
Бонапарте с плясунами
Вздумал вровень стать и т. д.

Несколько слов, которые было можно разобрать, заставили меня вслушиваться внимательнее. Когда я вошел в просторную горницу со штофами и штофиками на полках, пение смолкло.

— Здравствуйте, братцы! Вы откуда?

— С приисков, в. в.

— Отчего же вы замолчали? Пойте себе на здоровье.

Песня не начиналась. Нечего делать, покупаю штоф, пью сам и подчую. Дело пошло веселее. Песню, по моей просьбе, повторили. Приводя ее, я ожидаю обвинений в сочинительстве, но даю честное слово, что она невыдуманная; хотя нет сомнения, что в составлении участвовали сильно грамотные личности, а их на приисках не занимать стать. Вот эта песня:

Молодцы от М.....а!¹
 С молодцами Г.....а!
 В кабачке сошлись.
 Они малость говорили,
 Очень много водки пили,
 Ну и подрались.
 Подрались и помирились,
 Опосля развеселились:
 Стали песни петь.
 Мы по собственной охоте
 Были в каторжной работе
 Во большой тайге.
 Там пески мы промывали,
 Людям золото искали,
 Себе не нашли.
 Присковые порядки
 Для одних хозяев сладки,
 А для нас—беда:
 Как исправник с левизором
 По тайге пойдут дозором,
 Ну, тогда смотри!

Иной спьяну, иной сдуру
 Так тебе отлудят шкуру,
 Что только держись!
 Там шутить не любят шутки:
 Там работали мы в сутки
 Двадцать два часа!
 Щи хлебали с тухлым мясом,
 Запивали жидким квасом,
 Мутною водой.
 А бывало хлеба корка
 Станет в горле, как распорка,
 Ничем не пропхнешь.
 Много денег нам сулили,
 Только малость получили:
 Вычет одолел.
 Что за бродни, что за трубку,
 Что за полы к полубубку,
 Что за табачок.
 Выпьем, что ли, на остатки,
 Поберем опять задатки,
 Да опять в тайгу.

2. ПРИСКОВАЯ ПЕСНЯ

Как рабочи Голубкова,
 С молодцами Толкачева
 В кабачок зашли.
 Они мало водки пили,
 Только много говорили,
 Да и подрались.
 Подрались и помирились
 И опять разговорились,
 Стали водку пить:
 «Мы по собственной охоте
 Были в каторжной работе—
 В северной тайге.
 Мы пески там промывали,
 Людям золота искали,
 Себе не нашли.
 Много денег нам сулили,
 Только мало получили:
 Вычет одолел.
 Щи хлебали с тухлым мясом,

Запивали дрянным квасом
 И мутной водой.
 Зачастую хлеба корка
 В горле станет как распорка,
 Что не проглотишь!
 Что за бродни, что за шубка,
 Что за табачок, за крупка,
 Эдакая дрянь!
 Присковые порядки
 Для одних хозяев сладки,
 А для нас горьки.
 Как исправник с ревизором
 По тайге пойдут с надзором,
 Вот тогда беда:
 Один спьяна, другой сдуру
 Так отлупят тебе шкуру,
 Что только держись!
 Давай выпьем на остатки
 И возьмем опять задатки,
 И айда в тайгу!..

3. ПЕСНЯ РАБОЧИХ

Кто на присках не бывает,
 Тот горя не знает;

Мы на присках побывали,
 Все горе узнали.

¹ Очевидно исполнители имели в виду Мясникова и Голубкова—
 енисейских золотопромышленников 40—50-х годов XIX ст.—А. Г.

Мы ко приску подходили,
На горку всходили:
Как на горке, как на Зинке
Стояла контора,
Как во этой во конторе
Живет наш прикащик.
Выходил он, вор-собака,
На ново крылечко.
Выносил он, вор-собака,
Перо и бумагу,
Рассчитал он, расписал
По разным работам:
Турфовые, каменные,
Третьи—песковые...

Мы, молоды ребята,
Запросили дорогие платы;
Выдавал он, вор-собака,
Кайлы и лопаты—
Кайлы и лопаты
Канавы копати.
Мы канавушки копали,
Судьбу проклинали!..
Доброй осени дождемся—,
Домой поплетемся,
В кабачок забьемся,
Все вина напьемся,—
Все вина напьемся,
И опять наймемся!

4. В ДЕКАБРЕ ТО БЫЛО МЕСЯЦЕ...

...Вот какой случай я расскажу вам. В феврале месяце, проездом через село Аскиз, по поручению редакции, мне довелось побывать в резиденции одного из крупных золотопромышленников. Любезный хозяин познакомил меня с своими гостями и, между прочим, с одним молодым человеком, который несколько лет прожил в тайге и успел вполне освоиться с приисковыми порядками. Узнав о цели моего путешествия, обязательный юноша принялась посвящать меня в тайны золотого дела и передал мне, записанную им со слов рабочего, не то песню, не то былинку новейшей формации, в которой затронуты современные интересы рабочего. Из нее вы увидите, что в глухую тайгу проникают слухи о значении печатного слова, и там возникает своя обличительная литература в стихотворной форме; произведения музы рабочего человека передаются из уст в уста, иногда записываются и распространяются по необъятной сибирской тайге, содействуя пробуждению самосознания в рабочем человеке. Вот самая песня.

В декабре то было месяце
Во селе было Азскизском.
Собиралися все приказчики,
Все приказчики, да подрядчики,
Мужики простые—возчики.
Собиралися поставлять провянт
В резиденцию Карыпанова,
На Кизис реку, быстротечную.
Были тут: Митяй из Казанцевой,
Белоглазовы из Означенной,
Из Шунер братья Николаевы,
Из Таштыпа села Дерезубовы

Говорили они о цене на хлеб,
О ценах на хлеб и о доставке,
И о том, о сем. Погугорили
О панах больших, прискателях.
Говорит тут Митяй из Казанцевой:
— Вот послушайте, други милые,
Что случилось с управителем
Прискателей, братьев Мединых.
Перестал он ноне обирать людей,
Обирать людей обсчитывать,
Молодых ребят обвешивать.
Побоялся он бога-господа,
Устыдился людей православных.

«Потому, говорят, он исправился,	Ты попробуй-ка привезти в резон
Что в газетах его пропечатали	Богача-купца Карыпанова—
И на всю Сибирь его ославили».	Перестал бы он в резиденции
Отвечал ему Белоглазов-сын:	Вести торг вином и напитками
— Хорошо бы так словом дей-	С сыновьями степей—инородцами.
ствовать,	Перестал бы он нагружать плоты,
Да не всякого проберет оно...	Разной рухлядью, не товарами,
Нет числа людей безбоязненных,	Зеленым вином, одурманенным,
Бедноту-народ обирающих;	Отправлять плоты Абаканом-
Не унять таких словом ласковым,	Отправлять плоты Абаканом-
Не собьешь с них спесь бранью-	рекой
руганью.	В степь привольную.

IV. ПЕСНИ РАБОЧИХ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

1. ПРО ЗАРАБОТКИ

Лет семнадцать парнишка
Хотел в городе прожить.
Не пожил он года два,
Отец пишет со двора.
Отец пишет письма строги:
«Приезжай уж, сын, домой,
Приезжай же, сын, домой,
Вези деньги за собой».
Он пошел тогда в контору:
«Пожалуйте мне расчет».
А в конторе рассчитали—
Ни копейки не пришлось.
Из конторы выходил,
Кулаком слезу утер.
Всю дороженьку он ехал,
О расчете тосковал:

«Где я деньги подевал?»
Вот приехал он домой,
Отец с маменькой бранят:
«Ой ты, сукин сын, мошенник,
Где ты деньги подевал?»
«Дороженька очень длинна,
Очень дороги харчи»,—
Захотел он оправдаться.
На него кричат: «Молчи!»
Он из хаты под забор,
А сестрица вслед за ним.
«Чего, братка, спустил нос,
Верно, денег не привез?»
Поживи, браток, в деревне,
Поноси рваных лаптей
Да покушай кислых щей».

2. ОТ ИРКУТСКА ДО ЯКУТСКА...

Местных, самородных сибирских песней почти вовсе нет или весьма мало, да и те, сколько мы знаем, не цельны, отрывочны и лишены всякой поэзии, даже слишком грубы и прозаичны. Например, в Иркутске мы слышали такую песню:

От Иркутска до Якутска
Великие версты:
Кто на приисках не бывал,
Тот и горя не видал,
А кто на приисках побывал,
Тот и все горе познал;
От Иркутска до Якутска
Великие версты:
Казаченки познобили
На правой руке персты.

3. ПЕСНЯ БАТРАКОВ-ПОСЕЛЕНЦЕВ

...Старожил гнушается поселенцем и делает для него исключение разве только в том случае, когда теребит нужда и поселенец стучится к нему в летнее время, когда на уборку хлеба нехватает хозяйских средств, а всю траву скосить ни у одного еще сибиряка-хозяина не доставало собственных, ненаемных сил. Летом сибиряк поселенца берет, зимой гонит, но и, принявши его в рабочую страдную пору, стесняет во всем и обижает чем ни попало,—старожил сибиряк за грех этого не считает, зная и тот коренной закон, что «посельщику нет веры и давать ему ее не велено». Условную заработную плату хозяин охотнее дает поселенцу перед праздником и на кабак, и притом с тем условием, чтобы и водку-то наймит выпил вместе с хозяином. На необходимое и полезное для работника хозяин давать не любит; но у него достает соображения, что если задавать деньги хорошему работнику из поселенцев исключительно на выпивку и задавать вперед этих денег больше,—поселенец запутается в тентах неоплатных долгов и долго удержится на одном месте при тех условиях, которые ему, разумеется, весьма не по вкусу, но для сибирского сельского хозяина весьма наруку.

В притеснениях подобного рода сибиряки-старожилы последовательны и форма эксплуатации чужого труда посредством чрезмерных и неправильных задатков является в Сибири особого рода законом даже и у золотопромышленников. Доказательства тому мы увидим ниже при последовательном разборе обоюдных отношений новых людей к старым, рабочего к нанимателю. У самих же поселенцев выразилось это в целой песне, которую, несмотря на ее искусственность, охотно распевают в Сибири повсюду:

Воля грозного монарха—
Мы спешим в восточной край.
Мы ко речке приходили,

И садились на песок;
Там увидели-увидели
Слепого старичка на бережке.
Неподалеку в лесочке
Посошок его стоял,
Хлеба черного кусочек;
В сумке положон лежал.
— Уж ты, старичок любезный
(Тут один из нас спросил),
Отчего ты такой бледный
Или свет тебе не мил?
— Ты, дитя ли мое милое!—
(Отвечал ему старик),
Уж я тридцать лет в Сибири
Я покою не имел:
Винокурные заводы
Все состарили меня;
Соловарные заводы
Скрыли белый свет из глаз.
От крестьянских савотеек¹
Все мозоли на плечах;
От пузастого начальства
Все здоровье растерял².

Эта песня едва ли не единственный гласный ответ самих поселенцев на все обвинения, возводимые на них, но, во всяком случае, она прямее и непосредственнее силится стать только за тот разряд ссыльных, которые вышли на поселение через все чистилище, нами уже описанное и для нас оставшееся теперь позади.

4. УЖ Я ТРИДЦАТЬ ЛЕТ, БРАТЦЫ, В СИБИРИ

Птички и зверечки
Забавляются в лесу.
Бедна Сашенька страдает—
Старичок на бережку:
Голова ево седая,
Ветхим рубежем покрыт.

¹ Савотейки в Сибири—небольшие круглые булки, серенькие на вид и дурные на вкус. Их выкладывают на окна для прохожих бродяг; их подают в окна прохожим и ими же кормят тех из бродяг, которые поступают на работу, оттого-то стрелять савотеек—выпрашивать их, на арестантском языке—значит бродяжить; оттого-то и мозоли на плечах, что только ими и умеют расплачиваться сибиряки с бродягами за тяжелые работы на займках.

² Песня эта, говорят, сочинена одним ссыльным, в 20-х годах XIX века, вскоре после учреждения этапов, по проектам и указаниям графа Сперанского.

(Примечания С. Максимова).

«Это, Сашенька, неправда»,—
Говорил Саше старик.
«Когда пройдут тихи воды,
Я спешу в восточный край...
Уж я тридцать лет, братцы, в
Сибирь»

И покою не найду;
От сибирских саватеек
Мозоли на плечах;
Соловаренные заводы
Состарили меня;
От иркутских дорожек
Померк белый свет в глазах.
Забайкальскими горами
И жисть свою скончал.

5. ФАБРИЧНАЯ ПЕСНЯ

...Вечорка кончилась. Все стали расходиться по домам. Но не скоро еще опустели фабричные улицы; подпивший народ бродил по ним небольшими толпами, припоминая любимые мотивы. Часу в пятом утра начинавший уже засыпать Светлов слышал еще, как мимо окон их комнаты, не запертых ставнями, прошла кучка фабричных, с шиком напевая самую лихую фабричную песню— надо полагать, произведение самородного, туземного поэта:

Уж как в фабрике у нас
Есть про всякого запас:
Ай ди-ди, перепелка,
Ай ди-ди, молода!
От фабричных кулаков
Возлетишь до облаков...
Ай ди-ди, перепелка,
Ай ди-ди, молода!

свободно и размашисто неслась по улице эта песня, и под ее разудалые звуки Александру Васильевичу стал сниться какой-то волшебный сон...

6. ПЛЯСОВАЯ

Что баклашински ребята—
Много мудреные,
Много мудреные,
Призакудревели.
Они сукна ткут
Во двенадцать рук.
Они сукна переткали,—
Все кафтаны перервали.
Заходили во кабак—
Наливали вина так¹.

¹ Т. е. даром.

7. ОНИ СУКНА ТКУТ ВО ДВЕНАДЦАТЬ РУК

Многомудренные, многокудренные,
Они сукна ткут
Во двенадцать рук.
Они сукна спотыкали,
Кафтанишки спшивали
Барским коням на препоны,
Мужикам на балахоны,
Курвам-дьяконицам
На повойнички,
Как поповским дочерям
На подвязки к рукавам.

V. ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ФОЛЬКЛОРА РАБОЧИХ

(Сибирские записи)

1. «ИСКРА», ИЮЛЬ 1902 ГОДА, № 22

(Забайкалье /1 мая/)

Волна рабочего движения перекинулась вместе с железной дорогой через Урал и разлилась по необъятной Сибири. Первый вал этой волны, еще слабый, уже начинает пугать наших правителей. Слишком уже необычная это вещь: вдали от культурных центров, в глуши Сибири, в горах Забайкалья слышится революционная песня, печатаются и распространяются прокламации, шевелится рабочий...

2. «ИСКРА», 1 ФЕВРАЛЯ 1903 ГОДА, № 33

(Иркутск)

...Вторая (прокламация)—«Еще о ростовской и тихорецкой бойнях» посвящена ростовским событиям. «Смотрите,—говорит прокламация сибирским рабочим.—Они (правительство и его слуги) напали на наших безоружных ростовских товарищей, и десять раз они, вооруженные, должны были позорно отступать. А ведь у рабочих были только голые, мозолистые руки да правдивое, смелое сердце. Но придет время, и в мозолистых руках рабочего люда окажется не камень, а оружие. Рабочий сумеет взяться за него и раздавить тогда своих убийц.

Товарищи! Готовьтесь же повсюду, где бы вы ни были, к великой, славной борьбе. Царское самодержавие должно пасть: русский рабочий, хоть он измучен и задавлен неволей, умеет бороться, как герой. Привет наш из далекой Сибири товарищам борцам! Вечная память погибшим в бою братьям! И будь же ты проклят, царь-убийца!

Но страшись, грозный царь,
Мы не будем, как встарь,
Безответно сносить свое горе;
За волною волной, поднимаясь от
сна,
Люд рабочий бушует, как море,
Твой роскошный дворец
Мы разрушим вконец,
И лишь пепел оставим от трона;
А порфиру твою мы отымем в бою
И порежем себе на знамена.
Фабрикантов-купцов,
Твоих верных сынов
Мы, как тучи, развеем по полю;
А на место вражды да суровой
нужды
Установим мы счастье и
волю.

3

Вековые устои качнулись,
Пошатнулся старинный уклад
С тех пор как от сна мы очнулись
И сбросили старый наряд.

Припев.

Встань-подымайся, рабочий народ,
Встань на врага, брат голодный!
Раздайся клик мести народа:
Вперед, вперед, вперед!
И сила и мощь капитала
По земле разлилася родной,
К фабрикантам дворянство
пристало,
Им служит сам царь головой.

Припев.

Всем им штыки и тюрьмы опора,
И невежество прочный оплот,
Все стеклися к подножию трона,
Все пируют они без забот.

Припев.

Но, стесненный кругом капиталом,
Стал умнее рабочий народ.

Вся клика в смятении немало,
Скоро песню не ту запоет.

Припев.

Бесплезное смолкнет проклятье,
Смолкнет плач наших жен и детей,
Все рабочие встанут, как братья,
За свободу отчизны своей.

Припев.

И поднимется красное знамя,
Не помогут тюрьмы и штыки,
Запылает мятежное пламя,
Побегут перед нами полки.

Припев.

4. ПРИЗЫВ

Нас много, нас много!.. Вставайте же, братья!
Не надо ни слез, ни бесплодной мольбы...
Проклятье насилью, тиранам проклятье!..
Мы долго страдали, вставайте же, братья,
И будем борцы—не рабы!

Глядите, заря занялася свободы!..
В ком сердце отзывно и ум не погас?
Кто весь исстрадался за черные годы?—
Сходитесь, вставайте под знамя свободы
И время и правда за нас!..

Пусть кровь наша льется, пусть в злобе бессильной
Державный убийца нас смертью казнит...
Но рабства позором, но тишью могильной
Ему не сковать уже волюшки сильной
Того, кто отмщеньем горит!

За счастье народа, за свет и познание
Подыдем мы много мозолистых рук!..
Проснулось работников—граждан сознание...
Довольно мертвящей нужды и страданья,
Довольно и крови и муки!..

Что создано потом, что кровью омыто,
Над чем, надрываясь, не спали ночей,—
Довольно вам, хищники, грабить открыто:
Веками вы кровь нашу пили досыта
Под гнетом жестоких царей!..

Нас много, нас много!.. Вставайте же, братья!
Не надо ни слез, ни бесплодной мольбы...
Проклятье насилью, тиранам проклятье!
Мы долго страдали, вставайте же, братья,
И будем борцы—не рабы!..

5. СПЯЩИМ

Против бар и царей,
За рабочих людей
Встаньте, братья, и гордо и смело.
Мы борьбою живем,
Мы к борьбе вас зовем
За народное правое дело!
Свора наглых попов
Чтит бездушных воров,
Чтить Романовых род призывает.
Говорит:—Всех людей,
Что идут на царей,
Убивать даже бог заставляет...
Нет, не верьте попам:
Не друзья они вам,
А поповская служба «святая»
И грешна и вредна;
Вам свобода нужна,
А не чары волшебного рая.
Эх, когда-то и мы
Жили словно средь тьмы,
Ни о злом, ни о добром не знали.

Посылали детей
Воевать за царей,
Их богами земными считали.
И коров и телят—
Все тащили в заклад,
Чтоб внести царю подати разом,
И чтоб мог наш «отец»
Украшать свой дворец
Пышным бархатом, ярким алмазом!
Но лишь только страна
Пробудилась от сна,
Как, столичные бросив палаты,
Шайка этих «богов»
Удрала в Петергоф
И дрожит, ждет народной
расплаты.
А расплата близка.
Уж идут облака
На когда-то прозрачной лазури,
Скоро грянет кругом
Оглушительный гром,
Гром последней, решительной
бури...

6. ВО СЛАВНОМ ПИТЕРЕ НА ТРОНЕ

Во славном Питере на троне
Николай сидит в короне.
Перед ним сидит мамаша,
Рядом с ним супруга Саша.
И ведут они совет:
«Дать свободу или нет?»
Николай сам дать бы рад,
Да ругает его мать:
— Эх, ты, глупая ворона,
Не к лицу тебе корона!
Ну, чего ты так размяк?!
Передумай так и сяк.
Ну, скажи, зачем народу
Дашь ты полную свободу?
Чтоб тогда свободный он
Нас с тобою выпер вон?
Отвечает Николаша:
— Ох, какая вы, мамаша,
Вы подумайте: теперь
Разъярен народ, как зверь,
Он готов, царица-мать,
Нас на части разорвать!
Если дальше его мучить,
Может то ему наскучить.

Слушать нас он не захочет,
На дворец он наш наскочит,
Спины вздует мне и вам.
Если ж я свободу дам,
То бумажечкой одной
Обеспечу всем покой!
Сосчитай-ка ты нам, сколько
Даст доходу монополка?
Винокуренный завод
Также даст большой доход,
Да и сахар-рафинад,
Это тоже чисто клад!
Да притом же я народу
Дам условную свободу.
Ведь народ-то наш дурак!
Манифест составить так,
Вите это все умеет,
Он над этим порадует,
Чтоб свободы был лишь след,
Будто есть она иль нет,
Будто правду все дано,
А рассмотришь—вот оно!
Делай все, но осторожно,
То нельзя, а то не можно...

— Молодец ты, Николаша!—
Говорит ему мамаша.—
Зря тебя я лишь ругала.
Так работай же скорей
Над свободою своей.

Так по милости царя
В половине октября
Манифест имел народ
С миражем семи свобод...

7. МАШИНУШКА

За годами года проходили чредой.
Изменилась родная картина
И дубина с сохой уж ушли на покой,
Их сменила царица машина.

Припев.

Эй, машинушка, ухнем,
Эй, железная сама пойдет.
Наладим, наладим да пустим!
Старый строй разрушил капитал властелин,
С корнем рвал он дворянские роды,
Мужиков и ребят из родных палестин
Гнал на фабрики, верфи, заводы.

Припев.

Где дворянская жизнь, что лилася рекой!
Уж не гнутся на барщины спины,
Правит Русью купец золотою рукой,
Мужиков превратил он в машины.

Припев.

Без дворян и бояр очутился наш царь,
Кто поддержит тебя, сиротина?
Кто опорой тебе будет в новой судьбе?
Кто заменит тебе дворянина?

Припев.

Но наш царь не сплосшал, он купца обласкал
И купец ему ныне опора.
А наш русский мужик уж к машине привык.
Его гложет купецкая свора.

Припев.

Но страшись, грозный царь! Мы не будем, как встарь,
Безответно сносить свое горе.
За вольной волной, подымаясь от сна,
Люд рабочий бушует, как море.

Припев.

Он разрушит вконец твой роскошный дворец
И лишь пепел оставит от трона,
И порфиру твою он отнимет в бою
И порежет ее на знамена.

Припев.

Фабрикантов, купцов—твоих верных сынов,
Словно пыль, он развеет по полю.
И на месте вражды, да суровой нужды
Восстановит он счастье и волю.

Припев.

8. СКАЗКА О ПОПЕ И ЧОРТЕ

В церкви, золотом облитой,
Пред оборванной толпой
Проповедовал с амвона
Поп в одежде парчевой.
Изнуренные, худые
Были лица прихожан,
И в мозолях были руки.
Поп был гладок и румян.
— Братья!—он взывал к народу,—
Вы противитесь властям,
Вечно ропщете на бога,
Что живется худо вам!
Это дьявол соблазняет
Вас за грешные дела,
В свои сети уловляет,
Чтоб душа его была.
Вот за то, когда помрете,
Вам воздасть по делам:
В пламен (ь) адский попадете,
Прямо в общество к чертям.
Мимо церкви в это время
Чорт случайно проходил,
Слышит—чорта вспоминают,
Ушки он насторожил.
Подошел он под окошко
И прислушиваться стал,
Все, чем поп народ морочит,
Чорт все это услышал.
Повалил народ из церкви,
Наконец, выходит поп.
Чорт к нему, сверкнул глазами
И попа за рясу цоп!

— А ну-ка, отче толстопузый,
Что про чорта в церкви врал?
Беднякам какие муки
Ты в том свете обещал?
Чортом вздумал ты пугать их,
Страшным адовым огнем...
Что им ад! Они и в жизни
Терпят тот же ад. Пойдем!
Чорт схватил попа за ворот,
Как щенка, его поймал
И, поднявшись он высоко,
В даль туманную помчал.
Не хватая только небо,
Он поднял под облака
И в дымну, мрачну мастерскую
Опустил он толстяка.
Где печи яркие горели,
Адский жар стоял от них.
Рабочи песни там не пели:
Духота кругом была,
В приготовленную форму
Лава жидкая плыла,
Где страданья и мученья
Проходили.
— Боже мой!
Слезно чорту поп взмолился:
— Отпусти меня домой!
Чорт, несколько не смутившись,
Бате в этом отказал:
— Мы пройдем вот в эти двери,
Скажешь там на новый лад,
Посмотрел ты очень мало.
Это ведь еще не ад!..

9. РАЗГОВОР УДАЛ-МОЛОДЦА ИВАНА С ЦАРЕМ

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел месяц погулять.
Шесть, семь, восемь, девять,
десять,
Царь велел его повесить.
Ох, ты, писарь, писарек,
Твой глупенький разумок.
Ты пиши, пиши, пиши,
Да печати приложи,
Чтоб царинушка потом
Не отперся бы во всем.
Никому ты не давай,
Лишь Ивана догадай.

Здесь Иван один вот есть
Невидимочку имеет
И к царю пройти сумеет.
Иван удал-молодец
Покатил к царю в дворец.
Это было той порой,
Там шел пир горой.
Все придворные девицы
Были голы до поясицы.
Был нимало удивлен
Деревенский парень Ваня.
«Что такое,—думал он
Не готовится ли тут баня?»

Да потом поговорю,
А теперь пойду к царю».
Сам себе благодаря,
Наконец нашел царя.
Невидимку шапку снял,
И всем сразу виден стал,
И царю он так сказал:
— Царь, скажу те напрямик,
Если б только не мужик,
Ты бы с голоду издох,
Ты ходил бы без сапог,
Ты на мой крестьянский грош
Так богато-то живешь.
Ты солдат от нас берешь

И на нас же их ведешь,
Все солдатушки твои
В нашей плавают крови.
Царь прикрикнул на Ивана:
— Увести отцель болвана!
Чей, откуда, кто такой
Нарушать пришел покой?
Иван смело отвечает:
— Я тот, кто пашет, сеет, жнет,
Медь, железо достает,
Добывает сталь, свинец,
Я твой выстроил дворец!
Тут Ивана увели
И следы позамели.

10. «КОЛЫБЕЛЬНАЯ»

Спи, голодная Россия,
Баюшки-баю!
Стерегут штыки стальные
Волюшку твою.

Я расставлю эшафоты,
Кровью все залью.
Спи, родная, без заботы.
Баюшки-баю!

11. ЧАСТУШКИ

1

Колька водочкой торгует,
Сашка булки продает,
А царица мать Мария
С Митькой Треповым живет.

2

Колька водочкой торгует,
Сашка булки продает,
Машка с Треповым живет
А Витте, Трепов, Дурново
Хуже чорта самого.

12. ПРОКЛЯТИЕ

Не спится тирану в постели пуховой,
Не может забыться спокойным он сном,
Насилия жертвы толпою суровой
Встают пред злодеем во мраке ночном.
Встают и подходят все ближе к тирану,
Их очи пылают зловещим огнем,
Преступную совесть, как гнойную рану,
Бередят злодею и ночью и днем.
Как волны прибоя они прибывают,
Как тучи несутся из северной мглы,
Проклятья их стены дворцов колыхают,
Звянут на них цепи, гремят кандалы...
— Мы гибли, царь-деспот, тебя проклиная,
Томились без вести в гранитных мешках.

В далекой Камчатке, в краю Турухана,
По тундре холодной, в сибирских лесах
Рукою твоею, рукою тирана
Раскиданы кости, рассыпан наш прах.
Последнее слово сурового мщенья
Сказать мы слетелись к постели твоей:
За рабство народа, за наши мученья
Будь проклят, будь проклят, будь проклят, злодей!

Не спится тирану, он жаждет забыться,
Преступной душою хоть миг отдохнуть.
Напрасны старанья: сон прочь сторонится,
И мечется деспот, не может уснуть.
Идут вереницы солдат изнуренных,
Погибших в жестоких японских боях.
Угрозы несутся с их уст искривленных:
«За что мы погибли в далеких краях?!»
Царю были нужны леса над Ялою,
Купцам было нужно в Китай—торговать,
А злым командирам, всей сворою злою,
Им нужно то ж было карман набивать.
За шайку злодеев мы шли, умцрали,
Для шайки злодеев царь начал войну.
Мы гибли без счета, они пировали,
В позор облакая родную страну.
Смотри же, царь-деспот, на гнусное дело:
Пришли мы с далеких манчжурских полей
Проклятье бросить в лицо тебе смело:
Будь проклят, будь проклят, будь проклят, злодей!

Ты помнишь ли, деспот, вампир кровожадный,
Кровавые жертвы и Зимний дворец.
Смотри ж: мы явились на суд беспощадный,
Явились, предвидя твой близко конец.
Безумную роскошь богатых и силу
Все создала наша рабочая грудь,
Оставив себе лишь сырую могилу,
Грошевую плату и каторжный труд.
Рабочей рукою заводы дымятся,
За труд наш тяжелый живут богачи,
За труд наш тяжелый над нами ж глумятся,
Пируют в палатах, в дворцах палачи.
С последней надеждой в последний раз мирно
Мы шли к тебе хлеба и правды просить.
Но ты нам ответил, скомандовал «смирно»,
Велел в нас из ружей и пушек палить.
Великую клятву друг другу мы дали
Бороться с тобою и сворой твоей,
И страшный завет наш сынам передали:
Будь проклят, будь проклят, будь проклят, злодей!

Не спится тирану, мрак вьется клубами,
Со злобой царь смотрит в полночную тьму:
Кровавые жертвы проходят толпами

И грозно проклятья бросают ему.
Землистые лица, согнутые спины,
Пропитанный потом в отрепьях наряд,
От хлеба с землею из горькой мякины
Безумьем голодным их светится взгляд.
Будь проклят ты, деспот, наш злостный убийца!
Мы мрем с голодухи и сходим с ума,
Твоею рукою, тиран, кровопийца,
Нас косит холера и валит чума.
Помещики взяли поля и уголья,
Чиновники властно забрали суды.
Нас грабят и судят все их «благородья».
Будь ниже травинки и тише воды.

Не спится тирану, а ночь все чернее,
Все гуще клубится кровавая мгла.
Но мглы той кровавой царь-деспот мрачнее,
Тревога на сердце злодея легла.
Насилье и ужас царят над странною,
Убийство, бесправье и наглый обман.
Проклятья вампиру несутся волною:
Будь проклят, царь-Каин, будь проклят тиран!

Тиран вероломный, когда мы восстали,
Мятежные силы хотел ты узнать
И дал нам «свободу», чтобы видны мы стали,
Затем как собак нас велел расстрелять.
Позорное имя царя лицемера
Пройдет в глубь потомства от наших детей.
С проклятием вспомнят они изувера:
Будь проклят, будь проклят, будь проклят, злодей.

Не спится тирану, мрак слабо бледнеет,
Кровавая рдеет на небе заря.
Лишь так же, как прежде, зловеще чернеет
Преступная совесть злодея царя.
Как лист, он осенний от страха трясется,
В очах воспаленных бессилье и гнев,
А эхо проклятий громовых несется,
Сливаясь в могучий народный напев.
Не нужно царей нам, не нужно тиранов,
Довольно ж, довольно от них нам страдать!
Не нужно нам ихних законов-обманов,
Свои мы законы сумеем создать...

VI. ПЕСНИ И УСТНЫЕ РАССКАЗЫ РАБОЧИХ ВИТИМО-ОЛЕКМИНСКОЙ ТАЙГИ

1. ФОЛЬКЛОР ЛЕНСКИХ РАБОЧИХ—В ПРОГРАММУ РАБОТ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

В 1912 году, в дни Ленской кровавой бойни, большевистская газета «Звезда» писала: «Трудно оставаться хладнокровными перед этой отвратительной по своей азиатской жестокости и бессмысленности бойней, трудно сдержать крик негодования перед грудой «невинно убиенных» и искалеченных русских рабочих, вся вина которых в том, что они мирными законными путями добивались сносного человеческого существования».

В памяти старых рабочих сохранилось много печальных песен о каторжной жизни в старой тайге. Каждая из них—это крик измученного кабалой рабочего человека.

Мы по собственной охоте
Были в каторжной работе
В северной тайге—

поется в одной из таких песен. По невольной «собственной охоте», гонимый голодом, нуждою, шел рабочий, бедняк-крестьянин к золотопромышленнику в тайгу, чтобы как-нибудь

помочь своей семье, хоть сколько-нибудь исправить свое нищенское хозяйство. Но как верно поется в рабочей песне:

Мы пески там (в тайге) промывали,
Людам золото искали,
Себе—не нашли!

То, что обещали хозяева при найме, совершенно не выполнялось, как только рабочие попадали в шахты, в постоянное распоряжение к эксплуататорам. Удлиненный рабочий день, низкая оплата, вместо высокой обещанной, обшеты, бесконечные штрафы.

Много денег нам сулили,
Только мало получили:
Вычет одолел.
...Все я лето проработал—
Об расчете толковал,
Я с хозяином расчелся,
Ничего мне не пришлось.
Из конторы я пошел,
Рукавом слезы утер.

Остатки денег от полочки предприниматели выкачивали повышением цен на все товары, которые были в принадлежавших им торговых лавках. За питание брали втридорога, а продукты были самые отвратительные. Вот как пели об этом рабочие в своей песне:

Щи хлебали с тухлым мясом,
Припивали дрянным квасом
И мутной водой.
Зачастую хлеба корка
В горле станет, как распорка,
Что не проглотишь.
Что за бродни, что за шубка,
Что за табачок, за крупка.
Эдакая дрянь!

Чем дальше, тем больше становилось ясно каждому приисковому рабочему, что

Приисковые порядки
Для одних хозяев сладки,
А для нас горьки¹.

Пронизывала мысль: или, попрежнему сгибаясь, молча работать на обогащение хозяев или бороться с ними, бороться орга-

¹ Вся цитируемая песня опубликована в „Сиб. газ.“—1896 г.; отрывок песни „Все я лето проработал“ записан В. Арефьевым, опубликован в газ. „Енисей“—1898 г., № 76.

низованно, добиваться законными путями сносно человеческого существования. Рабочие встали на путь борьбы. Они объявили забастовку, протестуя против произвола и насилия капиталистов. Хозяева Ленских приисков—Акционерное золотопромышленное товарищество—крупные русские и английские капиталисты, царские сановники: граф Витте, министр Тимашев и члены царской семьи—вместо улучшения положения рабочих послали в Ленско-Витимский горный округ своих преданных слуг с заданием расстрелять бунтовщиков. Палач Трещенко, который участвовал в карательных экспедициях 1905 года, залил кровью угнетенных рабочих приисковую землю.

История движения ленских рабочих изучается систематически и по литературным историческим источникам и по неопубликованным архивным материалам. Писались и пишутся все новые и новые страницы о Ленской забастовке. Не меньшее значение имеет и изучение фольклора этих незабываемых дней.

Но, к сожалению, фольклор ленских рабочих не стоял специальной фольклорной темой в программе работ фольклористов почти на протяжении четверти века. Благодаря большой политической ошибке теоретиков-фольклористов в Сибири—недооценки этого пролетарского революционного фольклора,—мы очень многое потеряли для нашей науки.

Такое отношение явилось не случайным, а логическим продолжением тех идей, которые осуществляла буржуазная фольклористика, игнорировавшая собирание и изучение рабочего фольклора как в центре, так и на местах.

Интересно привести здесь свидетельство П. В. Багашева (1876) в «Письмах из Приаргунья» об отсутствии собирателей одного из больших циклов сибирского рабочего фольклора—нерчинско-заводского, что является типичным в отношении не только рабочего фольклора, бытовавшего в Приаргунье, но ко всему рабочему фольклору в Сибири, к его сохранению и записи. Накопление общего фольклорного материала в том же Забайкалье уже тогда начинало осуществляться, но предания и устные рассказы заводских рабочих так и погибли в массе своей для фольклористики.

«Картина жизни нерчинских заводов во второй половине XVIII столетия,—писал П. В. Багашев,—сохранившаяся в преданиях народа и архивных делах, возбуждает наибольший интерес, а воспоминания 70 или 90-летних стариков воспроизводят еще живее заводскую жизнь начала настоящего столетия; но,

к сожалению, совершенно некому записывать эти рассказы»¹. (Разрядка наша—А. Г.).

...Пока исследователи и собиратели фольклора находились в стороне от участников Ленской забастовки и их фольклора, в этой среде создавались, хранились легенды и песни, устные рассказы об отважной борьбе рабочих на берегах Витима и Лены.

Среди них сложилось много интересных легенд о революционной солидарности между рабочими и солдатами, «вызванными для предотвращения беспорядков». Легенды эти сложились позже. Основа их исходит от 1905 года, когда «Позорная роль палачей свободы, роль прислужников полиции не могла не открывать постепенно глаза и самой царской армии. Армия стала колебаться. Сначала отдельные случаи неповиновения, вспышки запасных, протесты офицеров, агитация среди солдат, отказ отдельных рот или полков стрелять в своих братьев-рабочих. Затем—переход части армии на сторону восстания». (В. И. Ленин. Соч. Т. VII, стр. 379—380).

Как известно, администрация «Лензото» и правительство с 5-го марта 1912 г. лихорадочно готовило расстрел бастующих. Бесперывно шли телеграфные запросы о немедленной присылке на приiski из Киренска роты, а в крайнем случае не менее ста солдат для защиты спокойствия хозяев «Лензото». Требование было удовлетворено. Солдаты были посланы.

Легенда рассказывает:

«По распоряжению исправника Галкина солдаты должны были пострелять плетью и стрелять в рабочих, когда они собрания проводят. Киренский отряд отказался это делать.

В Киренском отряде были местные солдаты, родом из Бодайбо, Усть-Кута, Киренска, даже верхоленские были. В отряде также приисковых рабочих два или три человека были, которые выросли на прииске. Они были вызваны отрядом из Киренска для усмирения. Когда прибыли—с рабочими разговорились, дружбу завели.

Быстро этот отряд отправили обратно по распоряжению Галкина. Часть из них задержали. Было известно, что будут судить полевым судом командира и солдат за неподчинение. А часть растащили по другим воинским частям. Боялись, что будут разглашать, что не захотели выполнять приказ началь-

¹ П. В. Багашев—„Письма из Приаргунья“. Сборник газеты „Сибирь“, том первый. СПб., 1876, стр. 244.

ства. Домой из этих местных никто не явился. По разговору всех рабочих—их уничтожили. По истечении их срока наказания рабочие интересовались—вернулись ли они. Не вернулось ни одного!»¹

Как свидетельствуют следственные материалы, о подготовляемом расстреле говорили не стесняясь. «У Теппана Трещенко за обедом разъяснял, что есть сенаторское решение, допускающее стрельбу и по мирной толпе». Об этом Трещенко нагло говорил не раз при каждом удобном случае. Позже из уст в уста передавалась легенда о том, как кухарка Теппана 3 апреля просила Тульчинского предупредить рабочих о подготовляющемся расстреле 4 апреля 1912 года.

«Т-во просило рабочих приступить к работам, но рабочие отказывались приступать, пока правление т-ва не удовлетворит все требования.

Управляющий приисками стал говорить находившемуся там ротмистру Трещенко, что если рабочие долго не приступят к работам, то грозит застой дела. Ротмистр ответил, что вот рабочие принесут окружному инженеру заявления, мы против них вышлем солдат, постреляем немного, это на них воздействует и они приступят к работам. Этот разговор услышала кухарка управляющего. Чтобы избежать резни, она поспешила передать инженеру»².

Среди легенд участников Ленской забастовки особое место занимают легенды о том, как отдельные солдаты (иногда говорят об офицерах) отказались участвовать в расстреле рабочих в роковой день 4 апреля.

...«Ротмистр Трещенко стал приказывать офицеру, командующему солдатами, стрелять, но офицер отказался, с ним два солдата. Тогда ротмистр стал командовать сам»³.

...«Памятен отказ одного офицера, капитана Лепина, от командования солдатами во время расстрела. Впоследствии мне пришлось о котором говорить о причине его отказа, сославше-

---

¹ Легенда записана от Ф. К. Дружининой в 1935 г. ст. Кривошеково, Новосибирской области.

² Заявление в ротный комитет солдата 151-го пехотного Пятигорского полка—бывшего рабочего Ленских приисков 1912 г. „История пролетариата СССР“. Сборник десятый. Раздел IV „Документы и материалы“, стр. 175. Партиздат. 1932.

³ Там же.

гося на то, что он якобы не имел на то поручений и не подчинен был ротмистру Трещенко»¹.

...«Поперек линии ж. д. было выстроено 32 ч. солдат: 16 лицом к Надеждинскому и 16 лицом к Федосеевскому. Остальная команда находилась в резерве и нарядоме. Команде солдат Трещенко объявил, что немедленно будет повешан тот, кто посмеет не стрелять в рабочих по его приказу»².

...«Трещенко выстроил солдат и открыл по нас огонь. Они стреляли из винтовок. Солдаты все стреляли. Только не стреляли три человека солдат. И один офицер. Когда начали стрелять, то эти три солдата даже ни разу не выстрелили, а отошли недалеко в сторону, к линии железной дороги. Этот офицер был помощник Трещенко. И потом был разговор, что этот офицер совсем не стал народ стрелять и не стал командовать, просто отошел в сторону (фамилию я его не помню). А потом стал Трещенко командовать»³.

...«Трещенко стоял со своими солдатами. Их было человек 90—100. Этот сволочь выстроил своих солдат и велел по пачке зарядить по обойме, по пять патрон, и прямо в народ, в толпу, пять залпов дали. Народ упал.

Эти солдаты там раньше были привезены для охраны. Они как раз выстроились там, сволочи!

По слухам-то, один солдат не стал стрелять, так его тожно расстреляли. Он, значит, винтовку бросил и вышел из своего ряда. Говорят, что у него был брат-рабочий, работал здесь. Даже чья фамилия сказывали, да я забыл. Он не стал стрелять, он винтовку бросил. Там же его и расстреляли. Трещенко его расстрелял. Он же самый главный был управитель, под его руководством было. Раз уж он такую массу не побоялся расстрелять, а одного-то что ему. Раз солдат против пошел—расстрелял, а то скажут, остальные будут еще также делать.

Они бы все отказались стрелять, да народ темный был.

---

¹ Вост.-Сиб. обл. архив. „Воспоминания ленских рабочих“, № 1—3. Автор воспоминания не указан.

² Вост.-Сиб. обл. архив. И. Татушев. „Воспоминания о ленских событиях 4 (17) апр. 1912 г.“, стр. 34.

³ Легенда зап. т. Жуковой Т. И. в 1937 г. в Усть-Кутском районе В.-С. области, дер. Карпово от т. Карпова Г. Н.—рабочий, неграмотный, 58 л. (из материалов фольклорной секции Общества изучения Восточной Сибири).

Дураки! Одному человеку подчинялись. В беззащитную толпу стреляли, а одного не могли стрельнуть!»¹.

Как известно, палач Трещенко остался доволен солдатами Киренского отряда. Через два дня после кровавых событий он шлет телеграмму в Киренск воинскому начальнику: «Свидетельствую об образцовом и мужественном поведении команды при столкновении четвертого апреля с толпой рабочих, численностью около 4 тысяч человек. Начальник полиции Витимского и Олекминского горных округов ротмистр Трещенко»².

Параллельно с легендой и песня разрабатывает отдельные эпизоды из истории ленского движения рабочих, дает меткие образцы своих угнетателей.

Кровавый образ палача Трещенко особенно нашел свое отображение в устном творчестве. Из исторических источников мы знаем, что задолго до 4 апреля Трещенко бахвалился: «Ну, какая эта забастовка! И не с такими справлялся. Эту всю шваль я быстро призову к порядку». Действительно, царское правительство знало, что жандармский ротмистр Трещенко был специалистом по расстрелу рабочих. В 1905 г. Трещенко руководил карательными экспедициями в Сормово. Организовал артиллерийскую бомбардировку в Н. Новгороде.

«Он же известный был кровопивец. Когда ехали солдаты в 1905 году с фронта японского, то там восстание было в армии Николая. Трещенко там участвовал в расстреле, принимал восставших солдат.

Он вообще на восстаниях участвовал. Значит, был ротмистр и он уже вообще такой был кровопивец, для этого, наверно, и жил только, где бы народ расстрелять» (зап. от т. Комарова).

«Трещенко из Петербурга приехал. «Я, мол, путиловцам показал. Путиловцы знают, а вы будете помнить,—Трещенко сказал» (зап. от т. Дружининой).

«Апрельский расстрел ленских рабочих—писал рабочим Лены в 1927 г. великий вождь народов товарищ Сталин,—был одним из самых кровавых злодеяний царского самодержавия. Отважная борьба павших в далекой тайге от царских пуль товарищей не забыта победившим пролетариатом. Оглядываясь на пройденный путь, рабочие Союза могут сказать: ни одна капля рабочей крови бодайбинцев не пропала даром, ибо враги

¹ Легенда зап. нами от т. Комарова М. Н., опубликована в «Вост.-Сиб. комсомольце», 1933 г. 17 апр. Жур. «Сиб. огни», 1935 г. № 5, стр. 124—«Устный рассказ о Ленском расстреле».

² «Ленский расстрел». Альбом «Телеграмма Трещенко» (фотокопия). Огиз-Изогиз. М.-Л. 1932.

пролетариата получили возмездие, а пролетариат уже добился своей победы над ними. Ныне, свободные от царского и капиталистического гнета, на берегах Витима, вы имеете возможность добывать золото не для обогащения туенядцев, а для укрепления мощи первого в мире своего рабочего государства. Честь и слава павшим в борьбе за победу рабочего класса!»¹

Как мы уже выше сказали, ни в старой Сибири, ни позже, включительно до 1932 года, фольклор героической борьбы ленского золотопромышленного пролетариата не ставился специальной проблемой перед собирателями фольклора. Все внимание фольклористов сосредоточилось на изучении народного творчества деревни. Если и ставилась тема «Приискательская песня», то она охватывала собой лишь 50—90 года XIX столетия.

На территории Лены производились интересные общие фольклорные записи, но не выдвигалась необходимость организации сборов фольклора, рожденного мощным движением Ленской забастовки. В результате всех этих фактов мы очень многое потеряли из наличия фольклорных документов эпохи, которые подчас уже не восстановить совсем, хотя только четверть века разделяет нас от периода ленской трагедии. Многие из них сохранились весьма схематично. Необходимо удешевить энергию фольклористов по сбору фольклора ленских горняков. Еще и теперь есть полная возможность собрать ценные фольклорные материалы по выдвигаемой здесь теме.

Было бы ошибочно думать, что в этом отношении результативная работа будет только в районе Ленских приисков и только при наличии записей от участников Ленской забастовки.

Немалые результаты можно получить по сбору фольклора Ленской забастовки и от тех, кто не были ее участниками. Все приленские села хранят в себе богатейшие фольклорные материалы о ленской трагедии. Они ждут своих собирателей. Здесь надо обратить внимание не только на носителей русского фольклора, но и эвенкийского и бурятского, где пока еще в отношении записей фольклора ленского движения абсолютно ничего не сделано.

Наряду с этим нужно твердо помнить, что ни в коем случае нельзя суживать работу по сбору этого фольклора территорией Восточной Сибири. Как известно рабочие, участники Ленской забастовки, были из разных губерний старой России. И от них

¹ Приветствие товарища Сталина ленским рабочим. «Ленский шахтер» № 8 от 17(4) апреля 1927 г. Перепечатано в сборн. В. И. Ленин, И. В. Сталин «О ленских событиях». Огиз, 1939, стр. 54.

и их семей во многих местах нашей необъятной родины фольклористы смогут собрать еще и теперь значительный фольклорный материал.

Приходится глубоко сожалеть, что последний долго выпадал из теоретических курсов и программ не только теоретиков фольклористики Сибири, но и Союза, в то время, как изучение рабочего фольклора немыслимо без изучения фольклора участников Ленской забастовки.

«Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия—все это собралось в одном факте, в событиях на Лене»¹. Каждый устный рассказ об этих событиях является живым документом эпохи. Передаваясь из уст в уста среди рабочей колхозной массы, они воспитывают ненависть к палачам рабочего класса, совершившим кровавую расправу с забастовщиками на Ленских приисках, наглядно показывают, как и за что боролись труженики Лены со своими эксплуататорами.

Придавая большое политическое и общественное значение вопросам собирания и изучения фольклора ленского движения, мы глубоко убеждены, что к каждой новой годовщине памяти павших борцов за рабочее дело фольклористы придут со значительными новыми фольклорными записями.

2

Нас на прииски нанимали,
Нам задатки выдавали,
Нас, как каторжных, погнали,
Нас на прииски пригоняли,
Нам инструмент выдавали:
По лопате, по кайле,
По чугунной по балде,
По широким по бродням.
Погуляйте, девки, с нам.
Поглядите, щегоря²,
Как гуляют шахтера.
Они умеют гулять и работать,
А вы нас угнетать!

3. ПЕСНЯ РАБОЧЕГО СТАРАТЕЛЯ

Далеко в тайге Якутии,
Где золото роют в ключах,
Рабочий далекой России
Тащился с сумой на плечах.

Идет он звериной тропой,
Где съизредка пташки поют,
Мечты в голове за мечтою
Спокою ему не дают.

¹ И. В. Сталин «Тронулась!..» «Звезда» № 32 от 19 апреля (2 мая) 1912 г. Перепечатано в сборн. В. И. Ленин, И. В. Сталин «О ленских событиях». Огиз. 1939, стр. 21.

² Щегоря—десятники.

Оставил он дома далеко
Жену, малолетних детей,
Сам думает думу жестоку,
Скорее вернуться домой.
Идет он с кайлой и лопатой
И с парой мозолистых рук
В тайгу, где тунгус, да сохатый,
Ты встретишь не друга, но друг.
Я вижу, товарищ, вздыхаешь,
Не место здесь слабым в тайге.

Ты жизнью своей пострадаешь,
Отдавшись суровой судьбе.
Горела, погасла, остыла
Толдунь—золотая река,
Безумца пленить перестала,
Довольно и будет—пора.
Все в погоню за золотом мчатся,
Своей жизнью рискуют оне,
Оставляя жену, малых деток,
Отдаваясь суровой судьбе.

4. К ГАЛКИНУ ПОПАДЕШЬ—НЕ ВОРОТИШЬСЯ

Ты, картошка моя—
Сибирское яблоко,
Куда котишься?
К Галкину попадешь—
Не воротишься!
Галкин приставом был,
Рвану шляпу носил,

А исправником стал,
То касторову достал.
Савинова и Белозерова
Ей прикрывал.
Хоть и руки в крове,
Да морда в вине.

5. ПЕСНЯ О ЛЕНСКОМ РАССТРЕЛЕ

Терещенко—палач
Путиловской крови напился
И на Лену возвратился,
На Лене крови напился,
На путиловский возвратился,
А его за это наградили:
Бочку золота налили.
А что рабочих побили—
не беда:
Их снова народит земля.

Тут вся она была в рифму, как по Лене он (Терещенко)
ехал, как стремился, мол:

Рабочих разобью—
Себе славу приобрету.
В новый салон
Жену молодую приведу.

Ой, какая песня-то хорошая была, так уж прямо-а!.. Там
было еще о том, что

Со славой той
За границу поедем.
Ты, моя жена,
Дорога нам широкая.

Тут так рифма ловкая была.

Терещенко катился,
В Качуге остановился.

Белозеров не зевал—
Телеграмму посылал.
А Савинов старался,
Весь он отрепался:
Пекли пироги.
Справа, слева заходи!

Ой, какая она была хорошая песня, да в рифму!

Закатили мы пир
На весь мир.
Мы карымцев
Изведем,
Вновь рабочих наберем.

Старых присковых рабочих называли карымцами.
И Тоболь поминали. Много было тобольских участников.

Поселенцев нам не надо,
Нам и хватит чалдонья.
Мы чалдонов наберем—
С ними Каралон весь
разберем.

Тогда открылись Каралонские прииска.

Нам Терещенко поможет:
Всех карымцев в землю сложит.
Карымцы черные,
как звери,
Быстро в землю полетели.

А вот тут так:

А карымцы восстают.

Тут так получается, что

Все могилы взорвут,
Встанут мертвые
И вам не сдобровать!

Ох, песня-то была!

А с Терещенко первым
В могиле побывать.

Вот так вся в рифму, в рифму!

Это вам будет такой урок
И горький вам будет
Савиновский пирог!

Они пироги там пекли. Ох, какая она хорошая песня была!
Быстро-быстро вспомнишь, а потом опять забудешь.

От севера до запада
Песня прогремит.

Тут как раз задет самый момент:

Первый залп раздался...

Ужасно меня в жар бросает: обидно, что слов не помню.
Можно было кого-нибудь попросить, чтобы переписали песню,
но тогда страшно было!

От севера до запада
Песня прогремит,
В ней рабоча кровь бурлит:
И Терещенко, Савинова
И Белозерова
не пощадит,
С корнем вырвет
ихне кодла...

Кодла—значит всю родову, у нас говорят: «у, проклята код-
ла»—родова, значит.

И в могилу погрузит.
И на Лене, на могиле...

Тут как-то ловко про право рабочих, потом про умерших,
про убитых, что от праха их в сознании восстают.

От севера до запада
Победы громко песню
пропоют
От севера до запада.

Ох, какая песня была! Это же рабочие сложили!

От севера до запада
И на Лене на могиле—

Там же большая братская могила!

Ихни прахи.

Или:

Ихни мысли восстают
И громку песню
о победе
пропоют.

Вот как тут—гром победы... Тут еще поминается.

От Урала до Алтая,
До широкого Алдана...

Придется оставить ее. Может быть, кто-нибудь вам попа-
дет, полностью скажет.

Конец этой песни такой:

И внуки, правнуки
Имя Терещенко проклянут,
И вам, подлецам,
Не миновать (гибели),
Не вашим детям,
Так вашим внукам,
Не внукам,
так правнукам
Достанется пить
из этой горькой чаши,
которой вы поили
рабочих Ленских приисков.

Это последние слова этой песни.

Сперва в ней то, что Терещенко получил вознаграждение, а потом уже, как классовая месть в этой песне было.

Слышала эту песню я, когда возвращались приискатели с Ленских приисков, в Иркутске, в 16 году, на вокзале слышала ее. И так ее приходилось слышать. Ее пели.

Мотив у ней склонен был, как у русской песни «про долюшку женскую» и про «бедняка». Она длинная песня. Слышала ее я и в 17 году в Иркутске, и в 18 году. Муж мой выехал в 15 году с приисков. Он рассказывал эту песню. Муж ее полняком знал. Кто сложил? Рабочие сложили. Автора ее не было.

Не слышала ее я нигде, кроме как от ленских рабочих, ни в книжках, ни в брошюрах, ни в записях. Может быть, она и есть где, подберется в точности, полняком запишите.

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О ЛЕНСКОМ РАССТРЕЛЕ

6

Раньше в детстве мы в бедноте жили. Отец батраком был. Нам учиться некогда было. С восьми лет я пошел по чужим людям. Жил я у хозяина семь лет с отцом—пока не мог ничего соображать. Годов до семнадцати дожил—в город пошел. За десять рублей в городе был. Набыют, набыют, что и отцу боишься сказывать. Потом на ленские прииска прехал. Я там восемь лет работал. Поворочал земли!

Зарботки малы были, а работы хватало. Летом, как на пски выйдешь на работу, три лошади дается на восемь человек и семь кубометров должны вывезти на артель, на промывку туда, на машину. Должны их (семь кубометров) убрать. Вот мерит десятник. Наворачивает три лошади и три таратайки. Семь кубов должны выработать, а то не подсчитают ни чорта... Одним словом, было насильство подходяще! За семь кубов у них подсчет то был. Рубль, полтора на день зарабатывали. Рубль, полтора—

больше не подсчитывали на человека. Так в шахте работаешь, заработаешь по 70, по 60 копеек. Уйдешь с пяти часов и до шести вечера не выходишь из шахты.

Женщинам надо было куб моху надрать. Мох этот надо было на данбу. Мох ложишь, а потом камень кладешь, по нему городишь, обводишь в воду. Мы там, где электрическая станция была, вот такую данбу городили. Где копаешь, а где данбу городишь, с камня делали.

Так вот, должна женщина надрать куб моху. Если она не надерет, то ей не оплачивали. Ежели она не будет работать, то мужика увольняют с работы. Одним словом, было плохо. И в номерах жили—ой-о-ой! Один на одного!

Когда мы вышли из шахты 28 февраля 1912 года, пришли с работы на обед, то во время обеда нам показывают, что в пищу рабочим дают. Вот на тарелке показали. Рабочий Быков и потом еще собрали народ.

— Не пойдем на работу!

Гудок гудит—мы нейдём. Как раз на Андреевском стане. С Андреевского началось. Надворный приходит:

— Что вы нейдёте?

Там подходят выборные. Депутатами у нас были Быков, Петухов. Потом Громов был. Они поднесли надворному всю программу. Потом, глядим, становой едет.

— Что вы на работу нейдёте?

Не пошли работать.

Приезжает Белозеров, Савинов—это были управляющие. Тульчинский инженер был...

— Почему на работу нейдёте?

Тут уж им поднесли лист, что лучше некуда!

Они давай приказ строгий:

— Если не выйдете на работу, из номеров всех выгоним, в тюрьму посадим!

— Все согласны!—рабочие кричат.

Мы не пошли на работу. Остальные не пошли вечером. Ночная смена тоже в тот день не пошла по ближним станам, а в дальних станах через день сообщили. Мы только решили выполнять такую работу, которая бы шахту не топила. Чтоб в номера дрова возить. Воду возить. Вообще решили также, чтобы не было нарушений. Винополки были с водкой, их сами закрыли сразу. Могут рабочие напиться, плохо наделать. Закрыли, поставили караул. Назавтра вся тайга узнала о забастовке.

Потом, значит, дождались мы 4 апреля. Тульчинский нам сказал:

— Вы соберитесь все ко мне.

Он в Успенском стане жил.

— Вы приходите ко мне, я вам прочитаю телеграмму из Петербурга.

Тогда еще был Петербург.

А потом говорит:

— Вот что: соберитесь на Федосеевском все, которые поближе, я туда приеду и прочитаю телеграмму вам.

Мы пошли на Александровский. Кто у товарищей чай попил. Двинулись дальше потом толпой. Нас собралось тысячи четыре, а всего собралось человек тысяч десять. Рабочие с простыми руками все шли. Нигде никакого беспорядка не было. Шли телеграмму слушать, а что в телеграмме было, не могу сказать, народ впереди меня был. А вышло, что на битву пошли.

Сигналы сыграли в дудку. И сразу выстрелы. И ахнули рабочие, не предполагали, что будут стрелять, раз мирным путем шли. Рабочие с простыми руками все шли. Ничего не было в руках. Шли с разговором. Как толпой. Не на войну шли. Сколько дороги было от стана—вся занята была. Шли дорогой, большой толпой. А они нас угостили хорошо! Мы не знали, не ожидали. Потом разбежались все. Мы не знали, что будут готовить расстрел... Если бы мы знали, что стрелять будут, мы бы живьем взяли их. Такая масса! Не хотели рабочие этого делать. Рабочие по-мирному просили, вообще по-доброму.

Рабочие потом между собой говорили, что могли живьем взять и солдат, и Терещенко. Терещенко стоял со своими солдатами. Их было человек девяносто-сто. Этот сволочь выстроил своих солдат и велел по пачке зарядить, по обойме, по пять патронов, и прямо в народ, в толпу пять залпов дали. Народ упал.

Эти солдаты там раньше были привезены для охраны. Они как раз выстроились там, сволочи. По слухам-то, один солдат не стал стрелять, так его тоже расстреляли. Говорят, что у него был брат рабочий, работал здесь. Даже и фамилию сказывали, да я забыл. Он не стал стрелять, он винтовку бросил. Там же его и расстреляли. Терещенко его расстрелял. Он же самый главный был управитель, под его руководством было. Раз он такую массу не побоялся расстрелять, а одного-то что ему! Раз солдат против пошел—расстрелял, а то, скажет, остальные будут еще также делать.

Они бы все отказались стрелять, да народ темный был. Дураки! Одному человеку подчинялись! В беззащитную толпу стреляли, а одного не могли стрельнуть. Терещенко сволочь был.

Он же известный был кровопивец. Кажется, по Забайкалью был. Да, в Забайкалье он был. Когда ехали в 1905 году с фронта китайского, то там же восстание было в армии Николая. Он тоже там участвовал, там расстреливал где-то. Он же известный кровопивец! Тоже командующим там же был. После японской войны, когда ехали с фронта, то там взволновался наш Сретенский полк. Они все сидели арестованы. Терещенко там участие в расстреле принимал. Он вообще на восстаниях участвовал. Значит, был ротмистр и он уже вообще такой был кровопивец, для этого наверно и жил только, где бы народ расстрелять.

Взбунтовался целый Амурский полк, Сретенский полк, их там судили всех. В 1905 году много было восстаний. В Чите паровоз под откос пустили. Прекращали работу. Вообще бастовали, магазины также. Все требовали восьмичасовой рабочий день. Ходили также по улицам. Пели «Ставай, подымайся, рабочий народ!».

Потом, кажется, по слухам, Терещенко в военное время зарублен был. Что-то я слышал, в военное время где-то на него было нападение. Это во время военных действий было, в германскую войну. Это даже у нас на фронте было слышно про него.

После убийства рабочих на Лене, потребовали лошадей, давай возить раненых по больницам. Больниц маленько было. Вот возили, возили раненых, назавтра стали собирать мертвых. Вырыли им общую могилу. Хотели по отдельности хоронить, а Терещенко приказал в общую яму захоронить. Татары, правда, особо своим вырыли, а которые раненые поодиночке умирали, тех дали отдельно хоронить. Меня не шибко ранило.

После этого приезжали солдаты и наших депутатов по номерам искали. Вот раз они приехали на Андреевский к нам. Мы оцепили цепью стан и говорим: «Не дадим никого!». Они так и ушли, стрелять не стали.

Потом они (солдаты) с Федосеевского повезли наших депутатов. Мы вышли на станцию Васильевскую и закатали дорогу лесом.

— Зачем закатали? Стрелять будем!

Вот они бились-бились.

— Отпустите наших депутатов, мы очистим путь!

Отпустили. Они уехали. Потом после стрельбы такой приказ дали: больше трех человек не собираться на улицах. В номере ничего, а на улице больше трех не собираться. Как три-четыре человека—может стражник в любое время стрелять. Конечно, по

номерам все вместе, а на улицах, как три человека сходятся, четыре,—расходитесь скорей, раз такой приказ был. До этого собирались в деньги играть, в орлянку. Больше в орла играли. Делать-то в праздничные дни нечего было. А после стрельбища больше трем человекам на улице собираться нельзя было. Везде были про это бумажки наклеены.

После расстрела приехала комиссия обследовать дело. Приехал Керенский, Патушинский, Фризер—присяжные поверенные царской комиссии. Их много, человек десять, однако, приезжало. Все это облакаты, защитники! Мы вышли сначала работать. Три дня проработали. А потом, видим, подсчет одинаковый, что раньше был, до комиссии. Больше не стали работать. Они давай нас вывозить, а свежий народ навозить.

Тогда же слух пошел про события. В Рассее фабрики остановились на день или на два. Нам про это тоже было известно на приисках. Тогда чуть-чуть не загорелось все!

После германской войны записался я в Красну Гвардию. Всю гражданскую войну прошел. Теперь в своем государстве живу. Живу хорошо!

7

Это дело было в феврале месяце 1912 года. Начатки этой забастовки были на Андреевском прииске. Я жил в это время на Кулибразинике по реке Жуге. Это 280 км от Андреевского прииска.

Началась забастовка из-за худого питания. Служащим давали хорошее мясо, картофель, капусту, а рабочим—плохое. Утесненные плохие квартиры. Очень тесно. Так тесно жили до безобразия! Народу было много, а квартир—мало. Вот если дали уголок, то здесь и ребятишки, и ящик, и жена, и все. Ребятишек приходилось класть в просечку. Было тесно, все вместе—и чужие и свои. Причиной забастовки была ужасная жизнь, а тут еще на прииске Андреевском выдали мясо одному рабочему. Мясо это попалося конское. Это мясо было выдано задняя часть. И попал член конский.

Пошли к врачу, врач признал, что это мясо конское и член конский. Потом пошли к уряднику. А урядник сказал: «Выбросить, да и все!» Урядники защищали права хозяев, а не рабочих, я там тогда не был, а приезжали к нам на прииск делегаты из рабочих и рассказывали. Это были наши делегаты из рабочих. Потом пошли на Успенский прииск к горному инженеру Тульчинскому. Он сказал, что я, мол, привлеку их к ответствен-

ности. Но это просто обещание. Он был окружной горный инженер.

Какие порядки были в шахтах? В шахтах была темнота, сырость, старые отработанные шахты, был случай, когда в шахте лопались огнивы. Шахты на большой глубине часто садились. Были случаи—садились шахты и давили людей. Улучшения в шахтах не было. Под суд хозяев не отдавали. Все же это было ихно. Мало было защиты рабочим. Если обругнет рабочий за обмер, то тебя рассчитают за двадцать четыре минуты. И выгонят тебя и семью зимой и летом безразлично. У хозяев была черная книга и если кто-нибудь провинится, если скажет против того, что обмеривают, обвешивают, рабочий скажет в оправдание, в свою защиту, того снимали с работы и заносили в эту черную книгу и сообщали об этом по всем приискам, потом нигде не возьмут. На работу только может взять тот, кто рассчитал, из-за милости, если его упросить. Был случай, одного нашего парня выгнали, рассчитали его за агитацию. Говорил он в защиту рабочих, его и рассчитали. И он ходил два года, его нигде не принимали на работу. Хозяева говорили: «Каждый рабочий о людях говорить не должен, а только может говорить сам о себе».

Я сам пошел с восемнадцати лет работать. Я умел замерять землю, пески, умел считать. У нас норма была по полторы сажени на песках, а нам давали больше. Намеривали больше. Когда я проверю, все узнают, что тут больше нам намерено и поднимают гвалт.

После того, как смотритель нам отмерит норму и уйдет, я возьму да и проверю и просчитаю, а там лишнее намерено. Вот я скажу рабочим, что намерено столько-то, ну, потом поговорят рабочие, когда приходит смотритель, что почему лишнее нам намеряли. А их спрашивают: «Как вы узнали?» Они говорят, что нам Васька Черепов измерил. Меня за это лишали порции водки или спирта. И посылали под гальку, т. е. перемытую гальку из-под золота возить на отвал.

Первым долгом рабочие сделали собрания на Андреевском. А потом наши рабочие разослали делегатов по всем приискам. Это после собрания. И все рабочие выставили требования своим хозяевам:

- 1) Улучшения жилого помещения требовали.
- 2) Увеличения надбавки на зарплату рабочим 30%.
- 3) Восьмичасовой рабочий день требовали (а то мы работали с 6 до 6 и один час обед).
- 4) Просили смену, чтобы сменили хамов смотрителей и ста-

новых, (там был становой на Федосеевском Станетенас Иван Варфоломеевич) и других. Сволочь такая была! Ужас издевался над рабочими и был у него помощник надворный, тоже была сволочь, на каждом прииске был управляющий, станových 3, надворных 4, обходный. Это все начальство приисков. А у них были другие. Шахтовый смотритель и отвечает за шахту и потом смотрителя, которые следят за машиной.

Если, например, жена рабочего пойдет пол мыть, то смотритель изнасилует ее. И она не может жаловаться. А то рабочего снимут с работы.

В 1904 г., когда я приехал на прииск, там был управляющий Белозеров. Он приезжал каждый год на прииски, делал там большие гуляния для своих служащих. Потом его качают на кресле. И так уезжают. Однажды он задержал пароход на неделю. Он сам-то жил в Петрограде. Приезжал туда проверять сколько намыто золота. Он был уполномоченный всех приисков. Он был просто таежный царь. (Был случай—он сам изнасилвал девушку).

Когда сделали собрание, по всем приискам разослали делегатов. Рабочие забастовали, тогда стали посылать делегатов к управлению с требованием. Когда приезжали делегаты на прииски, то говорили рабочие так, чтобы никого не оскорблять: ни служащих, никого. Вино не пить. А если кто будет пьяный, то посадить его, чтобы протрезвился. Все винные лавки опечатать. Что на кухне надо рационально использовать продукт. Чтобы опечатать склады. Чтобы материальный получал продукты совместно с делегатами. У делегатов были ключи. Забастовка была поставлена образцово. Ведь в то время там были политические ссыльные, они тайно все организовались. Наш делегат должен присутствовать, когда получают продукты. Рабочие контроли были, чтобы не было пожара. Забастовка была образцово поставлена, а не так, что кто что мог, тот то и творил.

Послали со всех приисков делегатов на Надеждинский прииск, там было главное управление. Они пришли с бумагой. Вот что, вот что требуем. Если вы согласны, то, говорят рабочие, мы выходим на работу. Белозеров, это главуполномоченный, он нам, рабочим, определенно ничего не сказал. Все и тянул: погодите да погодите. А сам в это время послал телеграмму в Иркутск губернатору и сообщил, что у нас на прииске бунт, неблагополучно, высылайте отряд на усмирение. Сам сообщил одновременно правительству в Петроград. Ему из Иркутска выслали отряд под командой Трещенко. Отряд, помнится мне, человек тридцать пять, да своей полиции было человек сто. На

Надеждинском был отряд верховой кардонный, человек тридцать, примерно, и на прииске Верном и Тихо-Задонском в дальней тайге человек около сорока. А всех с такими стражниками больше сотни. В это время забастовали все прииски этого товарищества, т. е. все Ленского товарищества прииски. Эти прииски все добывали золота в год тысячу пятьсот и тысячу шестьсот пудов.

Вот приехал Трещенко с отрядом. К нему послали со всех приисков делегатов. А он что делал? Забирает этих делегатов, садит в вагон и увозит втихомолку, чтобы народ не знал, в Бодайбо, в тюрьму. Посылают делегатов второй раз и так же с ними делает. Арестует и садит в тюрьму. Теперь рабочие делегаты сообщают из Бодайбо, сообщают нелегально своим, что нас не ждите, что нас посадили в тюрьму. Тогда рабочие решают, что пойдёмте все. И решили отправиться всем. А то, мол, так они всех пересадят. Это было четвертого апреля по старому стилю. Рабочие собрались, пошли и по пути все прииска. Пошли с Андреевского, с Успенского, Благовещенского. Пошли на Пророк-Ильинский, Липаевский прииск, их набралось не менее тысяч пять. И пошли сверху, с Федосеевского шло и Весеннего, Загалдым, шло около двух тысяч. С Андреевского шло народу, помню, никто не считал, от Надеждинского до Александровского была растянута нить народа. По шоссе на дороге растянули километра на четыре толпу. От Александровского до Надеждинского. А по бокам шоссе стояли штабеля лесу—крепей. Если бы не эти штабеля, то бы убито было не 272, а больше. Тысячи две-три. У Надеждинского прииска были отряды Трещенко. Когда толпа приблизилась. Когда народ шел у Александровского прииска, к нему подъехал Тульчинский. А ему Трещенко и говорит, что народ идет с разбоем. Я им приготовился к отпору. Я сам не слышал, а слышала одна женщина—Татьяна, она лежала по другую сторону дороги. Тогда Тульчинский пошел, пошел—хотел их вернуть. Вначале он начал им махать платком, потом подошел к народу вплотную и стал говорить: «Вернитесь, ребятушки, дело плохо будет, вас перебьют». Выстрел раздался по народу. Народ закричал. Когда несколько залпов дали, народ свалился. Когда кончилась перестрелка, Трещенко сказал своим солдатам и стражникам (так рассказала эта женщина Татьяна). Трещенко велел ломать кирпичи, марать их в крови и бросать, таскать на дорогу. Палки марать в крови, как будто рабочие шли с разбоем: с кирпичами и палками, а вовсе рабочие шли мирно. Все шли в праздничных одеждах. Все шли во всем праздничном. Кровью было все

залито. Крови была уйма. Родных и знакомых не допускали до убитых. До убитых никого не пускали. А Трещенко послал свой отряд, чтобы погрузить на телеги этих людей. Он послал, чтобы они нажились. Они—эти солдаты Трещенко—сдирали кольца с рук, также персни. Вытаскивали часы из кармана. Обдирали хорошую одежду и все забирали себе. В общем они здесь нажились, мертвых собрали и свезли в холодильник, должно быть. А оттуда раздавали, должно быть, женам. Раненых отвезли в больницу.

С Федосеевского прииска рабочие не пострадали. Потому что когда они поднялись на гору и увидели, что стреляют и вернулись назад.

После этого отряд вместе с Трещенко уехали обратно в Иркутск.

Когда шла забастовка на Андреевском, мы в Светлово твердо не знали, хотя и шли слухи, что на Андреевском забастовка. Делегатов же не пропускала к нам полиция—кардон, который был с Верного и с Тихоно-Задонского. Этих делегатов ворочали назад: «Нельзя ездить, вернись обратно». А если они сопротивлялись, их сожали в тюрьмы. Делегаты к нам попали другой дорогой на оленях по речке Комолзе. Их привезли якуты. Приехали они ночью и проводили с нами собрание. Число не помню. Они нам говорили обстановку, условия рассказали, которые они предъявляют. Сушилки отдельно построить. Прачечные отдельно. Они провели первое собрание в номере, в помещении. А второе собрание на мосту, где собрались все рабочие. На речке Кулибряннике. Выбрали комитет—не помню сколько человек, примерно, семь или девять. Был человек в амбар, на кухню. И вообще люди были распределены, чтобы следить за порядком. И сами уехали. Я был конюхом, мне разрешили работать, лошадей кормить. Водовозы возили воду. А остальные работы были прекращены. Даже паровик, который качал воду из шахты, был остановленный. Вся работа была остановлена. Скандалов никаких у нас не было, со служащими не скандалили. Каждый рабочий следил за порядком. Каждый был предупрежден, чтобы следить. Чтобы не было пьяных. Так мы и забастовали.

8

Я приехал в 1905 г. на Бодайбо, на Прокопьевский прииск. Долго жил на Александровским. Нас не уболаговоряли жильем, помещением. Из-за денег тоже было плохо. Приходишь в контору: надо денег, а там дают билет—тоже неудовольствие, а его—весь билет—не можешь по расчету забрать. А там в мага-

зине, когда покупаешь что-нибудь, на вес подгоняют. Тоже это неудовольствие. И было грубое обращение начальства, становых—тоже вникало на рабочую голову. Не улагодворяли питанием. Приходишь на кухню, мясо нехорошее—бери: любо-не-любо, рабочий, дескать, все съест.

Как-то нам попадали листовки и раньше (о забастовках). Ну, поднимали их, и народ-то уж был немножечко подвострен. Да и на всех станах по одному (человеку) было, которые рассказывали, как и что, на кого робим. Вот Петухов был, потом Вязовых...

...Меня перевели на Ново-Васильевский прииск. Перед масленой это было. И как я—кузнец, нам спонадобилось железо, вот становой говорит:

— Поедешь, Мартынов, на Андреевский. Дал тут он мне, записку и что по этой записке наберешь все, что надо. Я утром стал, взял с конного двора коней, а там не шибко далеко: версты три-четыре. Еду мимо номеров, а меня ожидают как раз земляки, свои рабочие.

— Ты куда едешь?

— В механическу,—говорю.

— Тебя не пропустят: на мосту караульные.—Но я поехал все-таки. Главно, коней взял. А на мосту опять меня остановили, это уж караульные.

— Куда едешь?

— В механическу за железом,—говорю.

— Не надо бы ездить. Ну, это незначительно.

— Езжай, бери, да скажи рабочим, чтобы не выходили на работу,—это они мне сказали.

Ну, съездил, набрал, приехал и сказываю рабочим, что ходить не велено, и у нас не пошли, а немного, которые пошли. Да и то из-за станового. Он пришел и (этот хороший был, один такой, наверно, на все прииски) предлагает пойти работать. «А что если будет,—говорит он.—Так я скажу вам».

Рассказывать из-за чо это?

А это раз рабочий пришел на кухню и взял мясо и принес и отдал матери варить.

А там—она женщина не знала—член оказался. Ну, и все узнали и заговорили еще больше. Вечером собрались.

— Ну, ребята, не выходить: будем вырешать дела. Потом нас вызывают на Андреевский стан. Там кухня была и склад. И туда приехал управляющий Цимберг и он начинает спорить с народом: ему притащили и показывают, что, мол, чем нас кормят, а он говорит:

— Не то это. Это ваше, вы это подстраиваете.

Ну, так дней несколько прошло. Тульчинского, окружного инженера, не было дома. Потом он скоро приехал и созвал нас на стан и велел написать жалобу. И все мы тут заявления писали и приключения все выставили. Прибавку просили и ублажить питанием просили.

Теппан (зам. управляющего) отказал всем нашим требованиям. Белозеров в то время жил в Иркутске (он по зимам не жил на приiske). Ему Тульчинский отбивал телеграмму о прибавке. А он ответил: «Никакой прибавки, и что,—душа из всех вон, должны работать». А стражники это ходят и грозят прямо, что не дадим хлеба и из помещений выгоним. Но выборные говорили нам, что из номеров не пойдем и будем ждать разрешений: куда мы пойдем зимой.

А Тульчинский все потихоньку уговаривал. Сначала прислушивались, а потом уж не стали слушать. Сначала общее заявление писали. А потом выборные сказали, чтоб написать отдельно по листочку каждому и подать прокурору.

Потом Трещенко приехал. Он ездил по станам и не разговаривал с рабочими. Как зверь. Прокатится только.

Раз утром слышу шумят. Я утром рано соскочил с постели и прибегаю к дверям. Тут стоят два солдата. И нас не пускают до ветру. Потом заходит к нам в номер полный конвой, как следоват, и кричат: тот вставай, другой вставай... Рядом со мной выборный спал, его взяли. Двух человек взяли: с каждого номера по два человека взяли и увели в вагоны, и посадили, и увезли.

А выборные эти наши к Тульчинскому ходили и он Трещенке выписку-то и дал. Ну, народ-то тут и поскакали: что делать теперь будем? Собрались все в кучку и сдумали пойти на Андреевский. И пошли. Пришли на Андреевский. Там тоже такая же штука творится. А выборных с нами уже тех нет. Оттуда решили итти на Успенский к Тульчинскому. Это версты четыре. А снег глубокий был, только что выпал. Пришли на Успенский и давай звонить в кнопку у дверей ему. Он встал и в халате, ночном что ли, вышел. Мы говорим:

— У нас выборных взяли, а за что—мы не знаем?

Он нам сказал:

— Идите по номерам, я разберусь делом и приду объясню вам.

Что делать? Пошли обратно по номерам. И давай опять думать, что делать, что написать. Потом решили итти на Пророк-Ильинский: там будет собрание у нас. Туда мы пришли с трех

станов: с Успенского, с Ново-Васильевского и с Андреевского. Тут присоветовали итти на Александровский, где был депутат Вязовых. Александровский стан больше всех был. Пришли. Все собрались там. Вязовых выходит к народу. Подошел и говорит.

— Давайте писать общее заявление опять.

Народ согласился. Покуда он писал, народ ждал. Написал, прочитал и сказал:

— Пойдемте к прокурору налицо с этим заявлением.

Тут, которые не хотели больше никуда итти, ну, раз сказали итти и пошли, раз ничего еще не узнали. Идем и идем. Попадает нам Савинов на паре коней белых. И у нас ни у кого, кроме табаку, ничего не было. Иду слушаю: слушать любил. Иду впереди. Там, значит, так было: железная дорога так (показывает рукой) была, а народ стоял так (опять показывает рукой), а видим там перебегают (солдаты). Тут саженой на сто народ стал сгруппировываться.

А я, как бывший солдат, понимаю, что это солдаты выстраиваются. А во главе кто-то ходит, машет, машет. И нас саженой на сто не подпускают. И мы своих товарищей ждали, чтоб задние подошли. Только слышу рожок проиграл и флячком махнул раза два. На это мы не обращали внимания. Слышали выстрелы. Залпом: раз, потом—два, когда второй раз выстрелили, то закричали наши, что надо падать. А возле меня товарищ повернулся и пал и я увидел как у него зубы вылетели. Тут и я пал. И кто в табора (лес, шпалы), а кто на дорогу прямо падали.

Как окончилась стрельба, мы хотели собирать раненых. Нам закричали стражники, что уходите, а то снова стрелять будем. Ну, мы сбежали. Тут кони откуда-то скоро взялись: подготовлены верно были. Сами стражники подбирали и клали на сани убитых и раненых и кони обирали, кольца были золоты, часы тоже у некоторых.

У них был здорный разговор—у командира роты с Трещенко. Ведь командир роты должен стрелять, он отказался, что «я в мирных людей не буду стрелять» и объявил это солдатам: «Кто не хочет стрелять, выходите». Трое, кажется, вышли. Их арестовали и отправили всех на Бодайбо. Этот командир роты был не собака. Он ходил по номерам когда, так все добром с рабочими обращался, а если бы сам Трещенко ходил по номерам, то он многих рабочих побил бы.

Я не попал домой после этого ночевать, а остался на Александровском ночевать, тут знакомый был, да и я побоялся, что

в номерах опять будут ходить и забирать. На утро пошел, как раз итти мимо больницы. Больница была на Липатьевском прииске. Ну, я подхожу к ней, где успокоительна считается и тут около нее навалено, как дров, нашего брата. Тут, которы бабы плачут, ревут, смотрят. Я посмотрел знакомых наших. Потом в больницу зашел тоже знакомых посмотреть, на полу лежат: коек нехватает. Тут меня одна знакомая баба увела и сказала:

— Петр Егорович, иди домой: там у тебя баба ревет, думает убили. Да и ребята плачут.

А у меня робят двое было. Ну, я и пошел домой, а баба меня встречает и осматривает: не ранен ли.

До нас он (Трещенко) федосеевских хотел теревить. Но там рабочие пришли к конторе, а контора среди общежитий, где служащие жили. А уж служащим он приказал убираться из помещений. Поутру стали служащие убираться, но рабочие ушли победать. Ему делать тогда нечего стало и он на Надеждинский отправился с отрядом. А после, когда оне (федосеевцы и другие) услышали выстрелы в нас, оне пошли к нам.

После этого нас начали поодиночке вызывать и посьмать на работу. Сколько ни выгоняли, но не шли.

Потом приехали чиновники особых поручений. Собираться больше четырех человек запрещалось. Мы в баню шесть человек пошли, нас и то разогнали. Потом обьяснили, что больше оцеплять не будут. Приехала комиссия Манохина.

Призывает нас Манохин на общее собрание. Собрались мы со всех станов на Надеждинский. Народ, когда начал собираться, то увидели, что стражники шныряют во время сбора народа и застрашшивают, что кто пойдет на собрание, то тому плохо будет. И когда поднялось начальство на трибуну и когда ему депутаты сказали об этом, то жандармский ротмистр—какой-то из-за Байкалу был—как цыкнул на стражников и оне как скрозь землю провалились и не стало их. Тогда народу больше подвалило.

Вот Манохин начинат рапортовать, чтоб с божьей помощью выходить на работу всем рабочим. Он много говорил, но рабочие знают свое: улагодворите сначала.

А Петухов—депутат все время скрывался и все где придется жил, а тут с Манохиным рядом стал и приехал в фургоне.

А Трещенко арестован сразу был, как только комиссия приехала. Он ей как только начал докладывать, то генерал-губернатор Князев ему и докончить не дал, а сказал:

— Вы—арестованы. Уходите!

Петухов на собрание после Манохина все рассказывал так, как было. Хорошо говорил. Подробно рассказывал.

Потом приехали из Думы депутаты, потом приехал как ево... заместитель-то царя?.. А, да Керенский приехал.

А генерал-губернатор и доктор, и жандармский офицер какой-то, оне втроем все ходили—осматривали все помещения и погреба, и склады, и колодцы, и в шахты спускались. И по ночам ходили по номерам: смотрели, как народ спит. И уговаривали рабочих, чтобы шли на работу. А депутаты наши говорили, чтоб мы не ходили на работу, а сначала чтоб устроили наши требования. Ну, и сопротивлялись. Потом уговорил Манохин, чтоб вышли все на работу, чтоб рабочих на работе видно было. Ну, наши депутаты сказали, что выйдем, но не надолго. И вышли—проработали, кто 10, кто 15 дней, больше 20 дней не работали. И закончили.

А на Федосеевском прииске, там управляющий был Самохвалов, он подкупил некоторых рабочих. Да и нанял других. Потом он таку штуку удрал (устроил). Подкупил рабочих некоторых, чтобы сами себя побили, поцарапали. И так проделали некоторые и идут жаловаться, что забастовщики побили. А чиновники особых поручений за расследование берутся. И которых рабочих укажут, что вот оне были, а их-то и не было дома, то никаких таких и не окажется. Ну, сколь раз так было. А после Самохвалов раньше время скрылся.

Керенский и Исаев стали уговаривать, чтобы работать, хоть немного да поработать. А летом оне всех переписали и сказали, что будет суд, и вам,—сказали оне,—вырешат, что забастовка была аккуратна. И уехали. И не слышали о них ничего больше.

Потом начали нас отправлять. Нагонят сначала много на баржу, как огурцов в кадушку. Это администрация так распорядилась и в грязны баржи садили. И жалобы пошли, опять расследования. Заставили грязны вычистить. Да и когда придет комиссия, посмотрит, о ужас, кто, дескать, вас посадил, вылезайте. И потом садят только столько, сколько можно—было бы не так тесно ехать. Администрация заявляет, что у нас барж нехватит.

— Найдем барж. Хватит,—комиссия говорила. Ублаготворили деньгами кормовыми—по 50 коп. налицо каждый день.

Когда мы приехали в Усть-Кут, то 9 дней стояли: не везли нас. И нам тут хотела администрация за один день отдать кормовых. Но опять чиновники заставили заплатить сполна. И до самого Иркутска все заплатили.

Трещенко был человек грубый, к народу не подходил. Как

зверь все равно. Здоровый из себя был; его кормили видно, чорт знает как.

Он не подчинился генерал-губернатору, когда Князев был на Амуре в отъезде. И приехал Князев генерал-губернатор и осердился и он Трещенко арестовал. Князев весь китель белый заелозил, когда втроем оне все обходили.

Я сам видал не раз Трещенко. Боялся его, как ножа. Только его чиновники поддержали, то бы от него беда. Он ездил в отдельном вагоне. И как только узнают, что Трещенко едет или приехал, то в окошко никто не взглянет.

Раз мы были на Ново-Васильевской станции, ходили в баню и остановились на станции под крышей. Тут Трещенко приехал в вагоне и прямо с площадки увидел нас и закричал:

— Што опеть собрались?! Стрелять буду!..

Ну, тут кто куда бежать: он думал собранье. Шибко чорт не любил собрания.

Во время хождения на станах его два жандарма охраняли. После один-то жандарм удавился. На вышке, на больнице. Как он там остался, не знаю. Он служащим был при больнице, сбросил с себя военну одежду. Ну, почуял видно, что ему не сдобровать: он тоже стоял в ряду с солдатами и стрелял.

Я в 1905 г. туда приехал, потом в 1912 г. выехали. И в 1914 г. туда я уехал и там жил до 1927 г.

9

Я приехал в Бодайбо в 1909 г. Мне было тогда 17 лет. И сначала не принимали в шахты работать по молодости: с 18-ти лет только принимали. Потом через одного знакомого Шелковникова упросили кого надо, и я устроился на работу в шахту Александровского прииска. Это в конце 10 года было. И тут, на Александровском, я проработал до 1912 года. Сначала попервости слухи пошли, что стали обмерять все больше и больше. Мы и на себе это проверяли не раз. Ходили и в контору, нас артель была 4 человека.

В конторе нам сказали, что если не хотите работать в шахте, то можете работать на поторжнении (разных работах). Даже так бывало: две артели рядом работают, по-одинакову вырабатывают, а замеряют по-разному. И были случаи такие: нас работало две артели рядом, по 4 человека было в артели. И не раз мы вырабатывали больше, а они—меньше, а имя больше замерялось, а нам меньше. И тот же самый, т. е. один обмерщик. И сколь ни спрашивали, не могли добиться, почему так выходит. Мы уже хотели уходить, да куда деваться: опять стали рабо-

тать. Теперь я уж помощником работал, учился буры рвать.

И вот пошел я рано утром на работу. Отошел с версту от своего барака и стоящих встретил трех рабочих. Они меня остановили и предупредили, что сегодня работать больше не будем.

Оне сказали мне, что довольно нам работать, что продукты плохи и обсчитывали, обмеряли. А я в тот момент не знал по молодости, малограмотности и еще недавно из деревни приехавши, кто их какая организация.

Ну, пришел в барак, сказал остальным, что сегодня работать не пойдем. Это в бараке. Которы из них поверили, а часть тоже не поверили: пошли на работу, но их тоже вернули.

А у нас в номере, в бараке по-теперешнему, как я пришел обратно, не пустили работать, один рабочий, по фамилии Селянин, пояснил, что это давно организуется, чтобы улучшить рабочему квартиру и продукты. Но рабочие некоторые не поверили, что организуется и пошли. А он в этот день определенно тоже не знал, я после спрашивал у него.

Так пять дней жили, никуда не ходили. Расспрашивали об этом. А темных рабочих много было и никто не мог объяснить твердо об этом. А уж через пять дней пошли выборы депутатов. Разъяснения пошли. Пришел один рабочий в барак и сделал собрание. И сказал, что нужно от вас одного человека, который участвовал бы на всех собраниях и следил бы за порядком в бараке и вообще на стану. И выбрали меня депутатом. Я пошел на первое собрание на Федосеевский прииск. Там собрались депутаты из других баракон. Собралось человек до 200.

Собрались ночью. Собрались тайно. Один был, кажется, по фамилии Петушинский и рассказал, значит, требование рабочих и рассказал, как нужно вести самим себя за этот период, пока забастовка. И чтоб была тишина, чтоб никаких картежных игр не было. Чтобы депутаты за этим следили. Были ораторы, кроме Петушинского, и другие, но фамилий я не запомнил, да и фамилии не объявляли, а просто так. А Петушинского я знал еще раньше. Теперь оне нас предупредили, чтобы прикрыть монополию винну. Нас человек 10 ходило в контору. А вечером же того дня все пришли, после этого не раз были собрания, просили добавок жалованья, улучшения продуктов и житья в бараках. Так длилось до 4 апреля. Хоть нам и сулили прибавку жалованья, но не давали, и мы не выходили на работу.

На 4 апреля ночью сделали собрание депутатов.

Тогда нам сказали, чтобы каждый направил своих рабочих

из своего номера в главную контору. Приехал какой-то генерал, Тульчинский и пойдем с ним договариваться и требовать. В конторы приисковые ходили, но ничего не было, не выходило. А потом услышали, что приехал, из Москвы что ли, генерал Тульчинский. Теперь 4 апреля собрались всем страном и с делегатами во главе пошли. Пошли сначала на Надеждинский. Теперь подходим, а там уже несколько тысяч стояло рабочих. Потом сказали нам, что здесь этого генералу нету и пойдемте к большому дому (Народный дом), в котором обнаковенно собирались служащие на свои собрания. Тут какой-то общественный дом был. Не доходя этого дому сажен сотню, и началось. Нас несколько тысяч шло народу. Шли просто мирным трудом. Ни у кого не было никакой палки, разве у кого тросточка была. Несли вперемежку продукты—мясо с половым конским членом и с бычьим. А в хлебу запеченный навоз (навоз). Как мы хотели показать этому Тульчинскому и из-за чего мы сделали забастовку. Хотели этим ему объяснить.

Не доходя, как я уже говорил, сажен 100 до этого до дому, навстречу нам едет Тульчинский с двумя казаками. Теперь толпа передняя его окружила. Она верхом втроем середь толпы на конях. Теперь он давай рассказывать на наше требование, что давайте, ребята, пойдемте на работу и что я все ваши требования улажу, исполню.

Это слухи были про эти слова, а я сам не слыхал, хотя и близко в передних стоял, а заинтересовался солдатами, как они делали упражнения стоя, с колена, лежа. А командовал ими Трещенко. Теперь немного промедлилось времени и он надо быть начал командовать по рабочим стрелять, а это было сажен за 25. Команду слышно хорошо было. Когда он скомандовал стрелять, двое с правого флангу солдат винтовки повернули, штыками в землю воткнули: не стали стрелять. Эти солдаты так и простояли. А остальные залп сделали сразу по рабочим. Но эта стрельба шла минут 10.

Рабочие побежали которые, которые пали, за лес которые спрятались. В этой толпе был Тульчинский, он сразу, как началась пальба, соскочил с коня, казака одного тут ранили, который охранял этого генерала. А этот Тульчинский, как соскочил с коня, упал на землю и тут на него упали человека 4 рабочих. В это время, когда упал, махал платком лежа, фуражкой Трещенко, чтобы тот не стрелял. «Что ты,—говорил он,—делаешь, зачем стреляешь?» А я тут тоже побежал. А вернулся после стрельбы смотреть и искать среди убитых и раненых то-

варища. Когда подошел к убитым, стал рассматривать убитых и раненых, солдаты оттуда на меня закричали:

— Уходи, а то стрелять опять будем!—Нас человек 10 рассматривали всяк своего товарища. А когда оне скричали, я убежал. Теперь, значит, пришли в номер и пришли рабочие из других номеров и стали организовывать, чтобы ехать собирать рабочих пострадавших. Когда запрягли мы коней с конного двора казенных и поехали подбирать убитых. Когда на место приехали, то солдат уже в это время не было. Только часть рабочих подбирали уже. Теперь, значит, мы как шли с голыми руками, тут между убитых и раненых оказались камни, камни натасканы, что, дескать, оне шли не с простыми руками, а обвужены стягами и всяко. У некоторых рабочих были отрублены пальцы на руках у мертвых: кольца не могли золотые содрать. Часы тоже сдирали у всех почти. Ну, собрали мы рабочих и увезли в больницу. Мне пришлось караулить ночью у больницы.

Утром я прихожу в свой барак, стал завтракать, как с караула пришел, как заходит Трещенко и двое солдат с ём. Сразу приходит к первому ко мне—тут я сидел с краю у столика. Сначала скомандовал, как зашел он: «Смирно!» Потом вытащил наган, солдаты обнажили шашки. И стал наставлять на меня наган и спрашивать:

— Пойдешь, нет, на работу?

Но у нас, как на собрание было, что хотя и будут страшать, но не выходить все-таки до тех пор, пока не удовлетворите наших требований. Это было крепко сказано на собрание. Сперва было я испугался, как он наставил наган на меня, да потом вспомнил о наказе и сказал ему:

— Не пойду, хоть убей на месте!

Он теперь от меня отошел и к другому и так ко всякому подходил у нас в бараке и всем наставлял наган и всех спрашивал, как меня. И все отказывались, глядя на меня. И ушел.

Шибко он тут не ругался.

Дальше не стали работать. Начали увозить, а нас, как депутатов, в наказание правление отправляло последним пароходом уж осенью. А жили там все лето не работавши.

Белозеров и другого начальства много ходило по баракам и уговаривало итти на работу. Он гладко не разговаривал с нами.

Трещенко звероватый человек, он был подпоручиком полка. много раз я его до стрельбы видел, да и тут. С рабочими он почти не разговаривал. Теперь я не знаю где он. Потом слухом

пользовался, что будто его расстреляли—царское же правительство. Этот слух был в Иркутске.

А когда я пошел на службу в 26-й Сибирский полк в первую роту в 1914 году по призыву, то как раз из этой роты были эти солдаты, которые расстреливали нас. Но они были уволены уж. У меня была самородочка золота с собой, а командиры ящики и сундуки осматривали и увидели ее у меня и стали спрашивать, откуда она у меня взята, ну, я им сказал откуда. Этот командир взвода и сказал, что маленько ты их (солдат, которые расстреливали) не захватил: они как месяц уволились. Был целиком взвод взят.

10

Приехал туда я в 1911 г. В июле нанялся в Ленское золотое промышленное товарищество. После наемки, как уже нас приняли на работу, после первой командировки нас командировали на выемку проводимой канавы. По этой канаве принималась вода на Андреевский прииск. На старом стане «Нижном» в период работы стало сразу видно, что смотрители работ говорили в процессе работы, что мы заработали по 5—6 рублей, а когда в конце месяца получили книжки, то там пришлось только по 1—60, 1—75, и мы тут почувствовали, что нас обманывают. А доказать нам это очень трудно, да что там, невозможно никак: рабочие не имели силы при самодержавии.

Жили в бараках, некоторые из нас наверху, на вышке многие помещались. Квартир нехватало и многие лазали на вышки по простым лестницам, наспех сбитым, и с кипятком, и семейные и с детишками, и даже беременные туда лазали. Отношение со стороны администрации было с работниками чрезвычайно грубо. Я помню хорошо, когда работали на канаве и приезжал на прииски управляющий Белозеров, то к нам попутно заходил. А было много безработных семейных (семейных мариновали: в первую очередь одиночек принимали на работу). И вот рабочие семейные, когда у нас по канаве проходил Белозеров, на колени вставали с протянутыми руками, в которых они держали заявления о приеме на работу. И Белозеров на некоторых обратит внимание, а на некоторых совсем не обратит, и пройдет, как будто мольбу рабочих не слышит и слез и протянутых к нему рук с заявлениями не видит. Пройдет. Он выезжал на прииски ежегодно весной. Для его приема украшалось все. И его называли «таежный бог». Потому что он делал все по своему усмотрению. Пожаловаться на него нельзя было: сразу выгонит. И тут фирма одна, рассчитают, так итти совершенно некуда.

Вся тайга была занята одной фирмой. Такой создан был режим, и Белозеров все говорил, что плохо работаете, это на работах он. «И надо вас,—говорил он,—отправить в деревню рожь жать, если не будете лучше и больше работать. А то сделаем так, что у лошади оставим хвост да гриву, а у рабочего зубы да глаза». Эти его слова до забастовки еще были. Все нажимал. Все ему было мало. Он не щадил никого из рабочих. Режим такой был.

В сентябре выемка канавы закончилась, нас перевели на станы по жеребьям: кто куда угадает. К зиме переводили. Я угадал на Федосеевский (Артемовский) прииск.

Сперва работали на поторжных (верховых) работах. Потом в шахте стали зимой работать.

Условия в шахте были плохие: вентиляции, какой надо, не было и зачастую тяга морозу перешибала и делали примитивные хмары (котлы с огнем), чтобы перешибить струю холодного воздуха, идущего сверху в шахту. Ну, тут, там внизу дым скопляется и рабочие тут задыхаются. Освещение недостаточное было, плохое. В шахтах давали свечки—восьмерки тоненькие,—где нет электричества. Провода электрические голые были, как прикоснулся, так и трясет всего тебя. В мокрых забоях никаких спецовок не давали, никаких сагир (кожаная спецовка на ноги от воды) не давалось. Промокнешь сразу как опустишься, а вода шахтовая, она сразу проходит насквозь. А если кто поспорит с начальством на работе, то смотритель сразу выгонит вверх на мороз, где—50°. Студились многие. Чересчур грубое отношение было. До мордобоя дело доходило, а оскорбление, это на каждом шагу было. Договор все же был, но по договору не выполнялись условия найма. Вместо расценок 1—50, платили 1, а при 1—90, платили 1—10 и 1—20, а вместо прибавки на плохом грунте, никакой прибавки не платили.

При забойной работе, при просечках в шахте, где рабочие при подвеске огнив и подаче выработки из забоя песков, вместо 5—6 рублей получали 2—3 рубля. Тут и обмер и обсчет явный производился. Наверху тоже плохо было.

С помещением условия плохи. Если человек семейный заехал из России на прииски за 10 тысяч верст, то семейному работы не дают и квартиры не дают. Тогда он вынужден копать землянку. А потом он нанимается как холостяк, и продукты тогда ему дают на одного, а семья—как хочет. И это по отношению к заезжим было часто. Помещают холостых и женатых в одно помещение без перегородок. И если у которого найдется завеситься и все. А холостые спят открыто и тут же готовили.

Тут и ругань, и брань, и драка, и пьянство, и плач, и смех.

Вот каковы бытовые условия были. Были случаи со стороны администрации и нередко, когда видят, что жена у кого-нибудь красива, то начальник делает наряд особый или полы мыть или что. И она когда придет, то подвергается насилию. И если женщина самостоятельна—отпор дает, то подведут так, что зимой мужа рассчитают, и тогда иди да у собак куски отбирай.

Итти зимой так вовсе некуда, а выехать нельзя.

Питание. Согласно договора существовала кондиция, но она нарушалась. Хлеб должен был выдаваться сеяный, а выдавали несеяный и там попадал всякий сор: остатки мышей, конский кал...

Мясо скотское должны были выдавать, а выдавали часть конского, у якутов покупали со сбитыми плечами худых лошадей. Сбой-голову, осердие принудительным порядком давали—записывали и все. А жаловаться итти некуда.

Расчет. Должны были ежемесячно рассчитывать. А вместо денег давали талоны, а с талонами не пойдут к частнику. Тут тоже притеснение: только в их магазинах иди и бери, что дают.

Вот такой гнет, ужасная бесчеловечная эксплуатация, варварские условия довели рабочих до того, что нельзя жить.

И вот один рабочий получил конский член, жил он в землянке, фамилию не помню, работал в ночь, получил мясо утром, принес домой, хозяйке отдал сварить. Хозяйка взяла, а разрезать не может: жилистое. Пошли с мясом рабочие к врачу и врач признал, что это корень члена конского. На Федосеевском приiske это было. Тут и возмутились все: создалось недовольство. Рабочие Андреевских приисков приостановили работу. После Андреевского передалось на Пророк-Ильинский, с Пророк-Ильинского на Александровский и они стали, потом на Надеждинский прииск и на Федосеевский и те стали.

Мы как раз работали в ночь. Потом делегаты пришли из тех приисков, а у нас тоже было недовольство. Ну и также прекратили работу. И прокатилась волна на 250 верст кругом. Прииски все стали. Работы прекратились. Рабочие прекратили работу потому, что администрация сама нарушила условия найма. И стали варварскими, зверскими отношения, что она нас обчитывала, обмеривала, творила над нами беззаконие. И рабочие предъявляли требование, чтобы улучшить наше положение рабочих. Что мы приехали за 10 тысяч верст не бастовать, а работать, но вы вынуждаете. И давайте надбавку к зарплате 30%. И при суровых условиях зимой наверху при 60° и в шахтах работать 12 часов в день. Зверских служащих и смотрителей удалить. Улучшить продукты и жилища. Ввести вентиляцию.

Правильно и точно вести замер и подсчет. Вежливое обращение. Выдача на руки деньгами, а не талонами.

Если не улучшите, пока не удовлетворите наши требования, мы на работу не пойдем.

С первых же дней забастовки выставили свои караулы, чтобы охранять лес, штабеля, шахты, магазины, жилища, конторы, чтобы ничего не громили. Чтобы все было спокойно.

Вот дни идут. Рабочие лежат в казармах. Хозяев начинают задевать за карманы. Они сначала смешком, насмешками, что де чо у них тут будет? Да мы их заставим как баранов залезти в шахты, как во хлев.

Проходит неделя. Администрация начинает принимать меры, сначала угрозами, что если через три дня не выйдете на работу, то будете рассчитаны. Потом вторично угрозы, что если не выйдете на работу, то будете осуждены к трем годам каторги.

— Ну судить, так судить всех,—так решили рабочие.

Потом администрация предложила нам выбрать из своей среды представителей, с которыми она будет разговаривать.

В это же время администрация начала отказывать некоторым рабочим по кухне. Тогда рабочие стали организовывать пункты помощи. Администрация стала арестовывать выборных наших и сажать и грозить, что ваши выборные бунтовщики, государственные преступники. Это все для виду, чтоб под этим видом наших выборных забрать. Арестовывали полиция и жандармерия. Потом судить стали. Приходят мировые суды в номер и присуждают сначала к высылке из барака. А куда пойдешь. Рабочие настаивают, что судить—так судить всех и вывозить в жилое место. Рабочие дружно встали: администрация забастовку сорвать не может. И на большую сплоченность рабочих администрация устанавливает репрессии. Вызвали войска, что рабочие бунтуют, необходима военная помощь на усмирение.

Приехала военная сила, начала разъезжать, смотреть. А на самом деле ничего нет. Рабочие сами охраняют важные пункты, вежливое со стороны нас обращение.

Полиция усилила аресты. Дело затянулось до марта.

Тут приехал жандармский полковник Трещенко. Как приехал, так в ту же ночь ходил по номерам, стаскивали с постелей рабочих и полусонных спрашивали:

— Пойдешь на работу?!

Рабочие отказывались, потому что раньше проработано было: отвечать как одному. Некоторых схватывали и увозили. И арестованных не знали, где взять. Трещенко так ходил и говорил:

— Сукины сыны, мерзавцы, с вами так ничего не сделать, придется у вас кровь пустить.

С 3-го по 4-е апреля усилены были аресты и всех арестованных увозили неизвестно куда.

На Федосеевском прииске в это время с 3-го по 4-е было дадено распоряжение станкистом—старшим стана—Иваном Варфоломеевичем и управляющим Всеволодом Ивановичем, чтобы рабочие к 9 часам 4-го апреля пришли все к конторе за расчетом.

Ну, расчет, так расчет—все собрались. А Федосеевский прииск был самый большой—2 тысячи рабочих и стачечный комитет стоял тут же. Мы все две тысячи собрались к конторе. А в конторе никого, никакого штату: ни управляющего, ни станового, ни конторщика и никаких других сотрудников, а только одни стражники перебегают с берданами.

Прошло полчаса, рабочие давай искать администрацию приисков и не нашли. А управляющий угнал на Весенний прииск (Рожневский), соседний с Федосеевским. Там его нашли. Пока искали, пока нашли, пока он приехал, прошло часа два.

А когда управляющий приехал к конторе, то сразу в толпу рабочих не заходит. А перед этим, пока искали, с Надеждинского прииска команда вооруженных прошла по руслу реки, мы видели. И когда она поверсталась, поравнялась, подалась команда по направлению нас. Ну, мы смотрим, тут много жило служащих и они галопом уезжали от нас. А военную силу так понимаем, что думают хозяева, как бы мы не посягнули на контору. Потом раздалась команда «к ноге», а они уж наизготове винтовки держали.

Потом опять раздалась команда наизготовку. А у нас было проработано, что хоть и мирная забастовка, экономическая, но могут поугавать, и если будут выстрелы, то надо ложиться.

А Всеволод Иванович, управляющий прииска, сначала как приехал, не выходил к нам. Потом делает какие-то условные знаки команде и только тогда подходит к нам.

Поздоровался, рабочие никто не поздоровался, а сразу вопросы:

— Почему призвали за расчетом и никого в конторе нет?

— Почему арестовали рабочих?

— За что? Что они убили кого?

— Али ограбили?

— Где арестованные?

— Где расчет?

А он нам отвечает:

— Насчет расчета мы подали телеграмму в Иркутск к генерал-губернатору и ждем ответа, когда вам дать расчет и какой расчет, а по части арестованных тоже получим телеграмму.

— За что арестовал рабочих?

— Это не я арестовал, а это они арестованы по указаниям вашего Тульчинского. Тут сразу рабочие потребовали переговорить с Тульчинским по телефону, за что он дал распоряжение арестовывать рабочих. Тогда управляющий прииском пошел говорить по телефону, а часть рабочих за ним следить, что он будет передавать. Теперь он передал, что столько-то рабочих пришли к конторе и требуют расчета и что послана телеграмма об этом в Иркутск. А об арестах ничего не говорит. Скоро после этого смотрим: Тульчинский быстро катит на тройке вороных к конторе. Смотрим, подъезжает он с фланга к военной силе, сперва с емя переговорил и едет к нам. Когда приехал к нам, сразу тоже не входит в толпу, а делает условный знак военной силе и военная сила ушла на Надеждинский прииск. Тогда он зашел в толпу, также здороватся, а рабочие опять расспросы:

— Где арестованные?

— Почему нет расчета?

— Почему сказали, что идите за расчетом?

— Почему, за что приказываешь арестовывать?

Он нам начал отвечать, что насчет расчета телеграмма подана телеграмма. Ждем ответа, как получим, сообщим, а насчет ареста сказал, что «я никаких прав арестовывать не имею, не судебный следователь, а арестовывает судебный следователь».

— А почему Всеволод Иванович сказал, что вы арестовали?

В ответ он говорит:

— Администрация на меня сердится, что я, как горный окружной ревизор, их за беспорядки в горном деле на тысячи штрафую. Поэтому и на меня вину за арест сваливает. А я не арестовывал. И вы разойдитесь все по казармам.

Ну, нам делать нечего и пошли, рассыпались. Кой дошли, кой не дошли до своих номеров. Кой начали чай пить. Вдруг тревога, что стрельба. Выстрелы по направлению на Надеждинский, на Алексеевском де стреляют. Ну, рабочие собрались и пошли.

И вышло так, что мы на Федосеевском только стали расходиться, а с других станов рабочие шли на Надеждинский прииск. А военная сила от нас-то уж туда прибыла. Тут близко, около 3 км. И военная команда встретила там тех рабочих с тех приисков.

А военная сила там помещалась в народном доме. Там рабочих около 4 тысяч было.

Когда эта толпа рабочих стала подходить к речушке Гачинской сажен 70 до мостика, Тульчинский тоже на тройке туда уехал. Километра 3 тут, не больше. Когда первые рабочие стали подходить к мостику и военные силы сразу рассыпались. И Тульчинский пришел со стражником.

— Вы, ребята, сюда не ходите,—сказал он. Там тоже многие арестованы, многим по кухне отказали.

Тульчинский взял от рабочих прошение и стал читать, а рабочие подходят и подходят вокруг Тульчинского. Многие уж спинами к военной силе стали. А тут в это время раздается команда залпом в рабочих стрелять. А рабочие стояли, разговаривали, кто закуривал.

Тут по одну сторону дороги городьба была, по другую лес, штабеля леса, бежать некуда. При залпе народ лег. И по лежачим дальше началась стрельба. А перемежалась стрельба, пока обоймы переключивали. Выстрелили по три обоймы, это по пятнадцати патронов каждый солдат выпустил. А военной силы было человек сто. Вот подсчитай, сколько патронов всего выпущено.

Тут так сообщалось, что Тульчинский Трещенко укорял за то, что Трещенко побил мирный народ. И Тульчинский после этого проехал прямо в Бодайбо. А на месте расстрела кто побит, кто ранен, кто знакомых разыскивает, а Трещенко кричит:

— Разойдись! Стрелять буду!

С убитыми и ранеными пятьсот двадцать человек. Больше двести убитых. Потому рабочие посыпались, что ведь не с тем шли, чтобы воевать с ним, а шли с прошением... После этого рабочим администрация разрешила запрягать коней и убирать раненых и убитых. Только рабочим не разрешали самим складывать на дровни, а полиция брала из рук рабочих коней и сама наваливала.

И возили и сваливали на Нижний прииск. Сперва убитых в кучу одну сваливали, а раненых по станам развозили. К нам на прииск 42 человека раненых повезли и дорогой—тут 3 км—2 человека умерли.

В больницах уже бинты и все было приготовлено: готовились к расстрелу.

В больнице—лыва крови набежала; ходить—так прямо хлюпает. Кто из раненых стонет, кто охает, другой на глазах доходит (умирает). На другой день я рано побежал в больницу. К утру из 40 только 20 человек в живых осталось, а 20 сконча-

лось. А подлечились и домой поехали только 12 человек. Всего из партии 30 человек умерло.

Утром убитых из кучи разложили по рядам. Когда пошли смотреть, так сначала карательный отряд не допускал.

А на месте расстрела кровь со снегом увозили и пеплом засыпали. Якутов со стороны нанимали.

А в штабеля, в лес тут пули посадили, так стражника посадили, он не допускал рабочих смотреть.

Вот какая расправа была. И рабочие после этого еще больше закалились. А нас держали после этого как в осадном положении и почти ничего не допускали. И только после расстрела пошли письма, пошли телеграммы по стране и о событиях.

А Трещенко сразу телеграмму в сенат передал, что такового числа «толпа вооруженных пошла и я не допустил и убил столько-то и ранили столько-то».

После этого рабочие потребовали комиссию. И был командирован отставной министр юстиции Манохин и с ним ряд чиновников и адвокатов и Керенский приезжал туда—вот бывший во Временном правительстве—будто бы в защиту рабочих.

И как Манохин заявился в Бодайбо, то сразу телефонограмму по приискам, что «я прибыл расследовать ваши нужды и печали и хочу видеть вас на работе, а не праздными». А рабочие, что «ничего не знаем, сначала удовлетворите наши просьбы, требования, тогда выйдем». Созвал митинг на Надеждинском приiske—прииска там 4 и тут докладывал, кто он такой. И для того, чтобы показать труд, как мы работаем в шахтах и наверху, мы решили показать, но не отказываясь от своих требований. И он только два раза приехал на золотопромывальную машину, где за одну смену снимали пуда по 3 золота на Федосеевском приiske. Тут интересно самородки попадались.

И в конце концов то, что комиссия признала, что нарушило товарищество договор. А присяжные взяли доверенности от рабочих ходатайствовать, выхлопывать уплату рабочим по срок найма по 10 сентября.

В результате побили, поранили, поиздевались, вдовы остались, сироты остались.

А новый договор когда выработали, то где на неважных работах было мало рабочих, там добавили, а где основные работы, то там опять повысили норму выработки, с 3 до 4 выработывать заставляли и тут для виду как-будто прибавка жалованья.

Просьбу не удовлетворили. Рабочим пришлось поехать.

Только часть шатких рабочих осталась. В июле месяце уж начали выезд.

И когда по Лене ехали, то навстречу еще подкрепление, эскадрон солдат ехал. А в Жигалово повстречалась просто команда солдат.

Рабочим все это дало понять, что где же это наше право. Ничего не дали.

Трещенко раньше заведывал по политическим ссыльным с Манзурки до Усть-Кута. Жандармским охранкой был. У него морда была красная, кровожадная.

А когда он проезжал снизу после расстрела, то уж под другой фамилией был: боялся. Югов об этом знает (Югов Дмитрий Устинович был волостным писарем в Качуге. Теперь в Якутске бухгалтером работает, не знаю, в каком учреждении, он видел Трещенко).

Трещенко зверь прямо настоящий. Слухи ходили, что его в Германскую на фронте убили, со своей стороны щелкнули.

Потом слух был, от рабочих же, что будто бы в какой-то гостинице князь Юсупов,—когда Трещенко расхвастался подвыпивши, что он справился с рабочими на Лене—ему ранение нанес саблей.

Потом слух был, что он сделал превышение по службе власти: лежачих людей расстрелял, то вместо того, чтобы наказать, его назначили в южную Расею главным каким-то начальником сыскного отделения.

Солдаты не все стреляли в народ: пули пересекли телефонные и электрические провода тут. И несколько солдат, были слухи, отказались стрелять и взяли «к ноге». Их подвергли аресту. После будто бы их выпустили.

Команда была киренская, которы стреляли, а родиной не знаю откуда были.

Ехали оттуда мы, и везде все рассказывали об этом.

11

Я приехал на прииск в 1908 году в Бодайбинский район. Сначала был у Сибирякова, потом на Александровском прииске. Позднее меня перевели с Александровского на Федосеевский.

В 1912 г. рабочие получали хлеб и мясо с конским калом, и даже конский член раз в мясе попал. Мы в то время в шахте работали в ночной. А когда утром выходим из шахты и видим: рабочие не идут, свистки не гудят. Мы думали: «што такое, в чем дело», потом пришли в номера (бараки). А раньше о забастовке поговаривали, что жалованье мало, которые рабочие сами

себя только кормили, а на семью почти нехватало: низки ставки. День рабочий был длинный, целых 12 часов в шахте, и вылезали на 1 час на обед только. А пускали слух через росейских рабочих, которы работают на фабриках, заводах меньше. А потом с нам ишо работали московски, петербургские (сосланные) рабочие. На вид рабочий человек, а говорил умно и речами сенатора Манохина даже перешибил, как вот Петухов Андрей Гаврилович. Когда расстреляли, то рабочих оценили в 400 р., тогда Андрей Гаврилович задает:

— Ваше превосходительство, мы бы от себя по сотне добавили, т. е. заплатили бы по 500 р., да убили бы некоторых служащих, а вы нашего рабочего ничем не считаете, а на 400 руб. пособия за убитого, што может прожить женщина без мужика.

А сенатор ему:

— Этого нельзя,—говорит,—делать.

— А мы чем виноваты,—опять Петухов ему говорит,—и раз расстрел произвели, так увозите нас домой.

Ну, вот, пошли мы в номера и узнали о забастовке и мы тоже на другой день уже не стали работать, раз наши товарищи не работают. А потом выбрали депутатов, устраивали собрания около народного дома на площади. Бочку поставят, залезет оратор, публика вся слушат и на их мнение соглашается. А депутаты настаивают, просят публику, чтобы ничего худого не делали: тихо, чтобы смирно. Тысяч по пяти собирались к народному дому. А когда произвели расстрел, то нельзя было никак собираться. Опять по номерам разойдутся и ничего не делают. А в номера от правления опять приходят и зовут на работу. Ну, рабочий без прибавки не идет. Потом оне (правленцы) депутатам обещают прибавку жалованья и 8-часовой рабочий день. Вышли. Неделю одну поработали и опять ничо не оказалось. И тогда постановили уже больше не ходить: обманывают.

Когда дня за 2, т. е. 4-го постановили вывоз и расчет, как неприбавка жалования и 8-часовой рабочий день, в жилое место вывоз. И были составлены прошения к товарищу прокурору и с этим прошением все рабочие решили пойти.

Сначала Трещенко на Федосеевский прииск приехал, с командой солдат для того, чтобы расстрел рабочим сделать.

И приехал он к конторе, а команду выстроил по линии железной дороги, а сам пришел к конторе. Мы его спрашиваем:

— Когда нам расчет выдадут и вывоз?

— Я вас рассчитаю пулями,—сказал он. Мы все рассмеялись: за что он будет нас расстреливать. Мы думали, что он шутит. Его помощник ему отсоветовал, что, «ваше высокоблагос-

родие, у нас в уставе нет, чтобы расстреливать в жилом месте: мы тут побьем детей и жен невинных». А то он совсем уж собирался тут нас расстреливать. И вот они отставили этот номер: тут были корпуса общежития рабочих, в каждом корпусе человек по 150 и по другой сторону общежития служащих конторы. Ну, и оне уехали на Надеждинский прииск—главный стан.

Когда они уехали, тогда мы все разошлись по номерам. Кто успел уж чаю попить, кто еще не успел, а подают повестку, что бьют товарищей. Делегаты наши по местам в свои ряды и мы все собрались и опять побежали туда. И добежали до маленького Александровского прииска и тут остановили наши делегаты и сделали собрание. Выбрали 3 человек, чтобы спросить его, Трещенко, можно ли туда на Надеждинский.

Он емя сказал, что не ходите сюда, а то покладу также, как этих баранов (рабочих) поклаа.

Когда воротились эти три человека и сказали, что нельзя ходить и мы опять разошлись по своим номерам.

А потом видим, раненых везут. Развезли по больницам раненых, а убитых в одно место на площади наклали к больнице. А потом, когда вышло разрешение, то по 20 человек в одну могилу.

Когда толпа шла к Надеждинскому стану, не допуская сажен 75 до отворту к Надеждинскому стану, тут он поставил цепь солдат человек 75 с казаками.

Тульчинский попался ей (толпе) навстречу. Рабочие вытащили прошение и подали Тульчинскому и он стал читать это прошение, а Трещенко распорядился в это время стрелять.

Бежать рабочим некуда было: по обем сторонам лес, крепи были наложены.

А ряд с ним делегаты стоят. Делегатов которых поранило, которых убило.

После расстрела взяли с конского двора лошадей и стали развозить раненых по больницам по всем, и к нам на Федосеевский прииск привезли, и на Нижний, и на другие. Два солдата рядовые отказались в рабочих стрелять и он, Трещенко, вывел из строя и они простояли в стороне, а после их он арестовал и увез в тюрьму в Бодайбо. А как приехала комиссия, их освободили. Рассийски как-то ребята, солдаты-то эти двое были, фамилии не помню.

А после расстрела Трещенко организовал отряд таежных казаков числом человек 15—16 верхами. И оне ездили и разгоняли, чтоб толпой не собирались, разгоняли. А кто не подчинялся, тех плеткой наказывали: плетка во-всю шла.

Когда реки вскрылись, комиссия приехала. Манохин речь проговорил на том месте, где расстрел был. Ему площадку устроили. Он просил, што брось, ребята, все это, а что приключилось, так за это заплатим.

А в ответ говорил Петухов, что ни за что жизнь рабочих ставят, дешево ценят. Он говорил как следует—все рассказывал.

До комиссии всех депутатов ловили и в вагонах глухих увозили в Бодайбинскую тюрьму. Только один Петухов отвертелся как-то. После расстрела жить стало страшно из-за того, што сборы группами рабочих разгоняли и били плетями. А как у урядника таежного, так и у Трещенко взгляд был прямо страшный, звериный. Я в ряд с ним стоял, когда спрашивали мы у него о расчете и выезде. Суровой, нехороший взгляд.

На तरрасках, на крыльце сидели свои караулы поочередно каждую ночь: охраняли свои корпуса рабочие, кабы провокацию каку не пустили. Могли бы что-нибудь сделать, а свалить на рабочих. А когда Лена скрылась, нас зачали партиями отправлять человек по 700—800.

Зам. управляющего был Теппан, а управляющий Белозеров приезжал в год раз на прииски, и делали ему стретины (встречу): вагоны украшали цветами, электричеством пузырьками (лампочками) разными этакими, такими цветными.

А народный дом тоже украшали всяким разным, венки навязут, и огни всяки разные, как царя встречают. Приедет—вечера устраивают. Служащим награду давал, станovým тоже и жалованья добавлял, а рабочим только изредка сотка вина перепала.

12

Меня туда сманил Петухов. Мы с ним дружили: я был молод, он меня поддерживал. Уехал я в 1908 г. в возрасте 17—18 лет. Уехал одиноким, несемейным. Работал на Александровском прииске до 1912 г. А Петухов (депутат) на Федосеевский после перешел.

У нас на Александровском 2-го марта не вышли на работу. Забастовка с Андреевского стана началась, где я работал. После были выбраны уполномоченные товарищи: Андреев, Петухов А. П. и Соловьев, не я, а другой. Пробыли мы месяц в забастовке до 4-го апреля. Нам отказали в продуктах.

После собрания митинги всех станов, чтобы итти. Решили итти в главную контору к управляющему Белозерову и Савинову. Когда шли в главную контору на прииск Надеждинский,

нам попал навстречу заместитель управляющего Савинов на паре лошадей. Мимо проехал, не разговаривали. Не доходя до главной конторы прииска Надеждинского метров 400, нам попадает навстречу инженер Тульчинский.

Когда он зашел в нашу толпу, его, значит, окружили наши уполномоченные. Они шли впереди. Шли организованно. В это время в главной конторе против клуба вдруг видим, выстраиваются солдаты под командой ротмистра Трещенко, некто был. И сразу вскорости открылась стрельба по рабочим.

В это время его три рабочих схватили, а тут лежал камень пудов 50, завалили за этот камень и навалились на него. На нем одного убило, одного ранило, а Тульчинский и один рабочий невредимы остались. Это было сделано для того, чтобы на рабочих не подумали, что шли с разбоем. Поэтому его сохранили. То бы в то время могли все присоединить.

Когда стрельба кончилась, он встал и побежал туда же. В это время каждый рабочий хотел подобрать своего товарища, но стражники не подпустили в это время. Спустя несколько часов, около 4 или как, запрягли лошадей рабочие и стали раненых подбирать со станов.

В это время, за 4 часа, стражники обобрали рабочих, с кого часы, кольца золотые у кого были.

И возили и собирали этот народ до 2 часов ночи и часть еще осталась.

Возили и складывали в больницы.

После разошлись мы все по номерам—по баракам. Опасаясь, чтоб не получилось такой казни еще завтра. А назавтра уже собрались и начали с митинга, где прорабатывали, как хоронить расстрелянных. Семейных хоронили жены отдельно, а остальных в братские могилы по 25 гробов.

После похорон хотели арестовать наших уполномоченных, как Петухова, Соловьева, но они сбежали в гольцы (горы) и проживали до Манохина, хотя и приходили ко мне в номер; хотели их схватить, но Петухов был сильный, отбросил урядников, тужурки сбросили и скрылись. Потом тужурки им унесли тихим образом.

Когда приехал сенатор Манохин, он собрал всех уполномоченных и с ними он говорил, о чем началась забастовка. Это все больше началось из-за обмера забойных и плохой пищи.

Дальше Манохин попросил выйти на работу для проверки чтоб.

Наши уполномоченные дали согласие выйти на работу на 18 дней.

Для этого опять собрали митинг, и каждый после этого пошел на свою работу.

Работа показала, что мы раньше зарабатывали 2—3 рубля. Больше выработать не могли и выпускали по 3 огниву, а во время комиссии Манохина по одному огниву выпускали, а подсчет был теми же шахтовыми служащими произведен—мерщиками и оказывался гораздо больше—в двойном и даже в тройном размере, т. е. в 6—9 рублей. Раньше мерщики много скрывали для наживы.

После отработки 18-ти дней к работе больше не приступали, ввиду того, что администрация не пошла на наши требования.

И потребовали, чтобы вывезли с приисков за счет товарищества.

В первую очередь вывозили жен пострадавших. Некоторая часть рабочих согласилась выйти на работу, но малая часть.

Тульчинский перед стрельбой сказал:

— Братья, завтра будут выдавать продукты сполна,—нам ведь вовсе запрещали во время забастовки выдавать продукты. Я был близко в головном отряде. Первый Алексеевский станшел. После стрельбы были арестованы ротный командир и взводный, так как они отказались стрелять. И были они посажены в Бодайбинскую тюрьму до приезда Манохина. А после не знаю, куда их отозвали. А командовал сам Трещенко и у него в руках была автоматическая винтовка. При выезде нас при первой партии выехали наши уполномоченные—Петухов и Андреев, хотя их и хотели арестовать, но рабочие не дали. Может быть, после их арестовали, в Иркутске.

После расстрела они, стражники, собрали 4 вагона камней, палок, кайл и наложили в вагоны и их запечатали до приезда Манохина, чтобы убедить его, что рабочие шли с разбоем, с нападением. После расстрела мало пришлось производить митингов. А Петухов по профессии был столяр. Попали под расстрел 12 станов и не участвовали только с трех, с дальних: Утесистый, Ивановский и Гореловский, с Федосеевского участвовало немного.

Отправка началась с открытием Лены и протянулась до сентября. Рабочие за это время почти ничего не делали. Я тоже вернулся обратно в Качугский район.

После забастовки всю испорченную продукцию вывезли в отработанную шахту и в нее свалили: колбасу, ветчину, рыбу, мясо. Перед комиссией Манохина это было. И забили шахту, накатали два ряда бревен и полосовое железо.

Но наши уполномоченные во время свалки успели взять

часть, что и показывали на митинге перед Манохиным: кал конский, мыши и другие. На это Манохин объяснял, что мелочь попала случайно, а испортились продукты и их в шахту свалили поэтому.

А в лавку частную, он объяснил, из-за золота не пускали.

Отряд, который расстреливал, молодой был. Были наряжены в Киренске. И отказались стрелять лишь командиры, в том числе и отделенные. Но когда он навел на них свой ручной пулемет, они сдрейфили и начали стрелять.

Я был тоже в голову ранен, но легко, и была перевязка мне и из памяти тоже вышибло, как меня ранили.

После расстрела кучами не разрешалось собираться. Что велось до самого последу.

После расстрелу многие жаловались, што с мужа или с брата сняты золотые часы и кольца, то перед приездом Манохина связали на веревочку часы, кольца и таскали по баракам, кто узнает. А если с холостяка сняли, или муж постоянно носил, то кто узнает, так и осталось у них.

Манохин приехал в мае с первым пароходом.

13

Туда я приехал весной в 1911 г. и жил в Бодайбо, тут и работал, а в 1912 г. 24 февраля нанялся на прииск Андреевский. Когда я нанялся на стан, то настроение было уже, говорили кое чего, что надо что-то сделать, как бы утешали друг друга в номерах. Жизнь была плоха, жить в номерах тесно. Сушилок не было, и даже в коридорах жили. Зарботки верховые были 1—25, а низовые 1—50—недостаточны были.

Накануне обошел конский член в мясе, и пошло неудовольство и раньше неудовольство было, но тут возмутились. Рабочие из своей среды предупреждали друг друга, чтобы не ходить на работу. Сами поставили караул, чтобы народ не стал пакостить. Винополку закрыли, стояли рабочие у магазинов, кладовых хозяйских—охраняли.

Вечером Трещенко приехал и поставил караул по всем номерам Андреевского прииска. Сообщения из номера в номер прекращали.

Трещенко—киренский полицмейстер он назывался—и был очень строгой, из себя высокой, черноватый, настойчиво дерзкий, на вид грубой. Бывал ли он весел?

Был обыск во всех номерах с целью найти документы. На утро он караул снял, и народ остались, а взяли двух депутатов, одного, как я помню, фамилия Панов и увезли на Надеждинск.

Когда на Надеждинск увезли, то наши узнали, что их привезут в Бодайбо и для этого выходили на линию жел. дор. и хотели остановить марокоз (паровоз). Но он не остановился, народ развалился на стороны, и он прошел. И предполагали, что на этом марокозе везли наших депутатов.

На работу не ходили на горные работы, кроме больницы, конюха, водовозы. С разрешения масс приходили обходные в номера. Дальше делали митинги раза три. Писали заявления от имени каждого по несколько пунктов и я писал несколько заявлений неграмотным. И вот решили, всем ли итти подавать эти заявления или депутатам—это было на последнем митинге. И верх взяла та сторона, которая говорила, что надо итти всей массе.

Назавтра пошли. Первый пошел прииск Утесистый, наш Андреевский, Александровский дальше примкнул, и пошли к главной конторе Надеждинского прииска. А Федосеевский шел нам навстречу для присоединения с нами. Но не успели.

Не доходя до Надеждинского, где желоба (для проводки воды), где мы остановились и предполагали пойти одним делегатам или всем.

И в это время получился залп. Первый пустили по верху, а вторым по людям. Когда пустили по людям, то люди стали падать и прятаться за таборы (клетки) леса, которые были возле дороги. Когда получились убитые и раненые, то народ ошалел: не ожидали ведь этого.

Одни говорили, что стрельба проходила залпами, а другие говорили, что стреляют из барака пулеметами. Барак тут недалеко стоял. Правда, я задний был, но непонятна нам картинка в книге, что Трещенко перед солдатами на коне командовал.

Говорили после о том, что стрелял пулемет. И стрельба была как бегучий огонь.

Тульчинский шел впереди шеренги.

Разговор такой был, что он поднимал руку—будто бы махал не стрелять, а может быть, маячил стрелять.

После этого вскоре пришли поезда, откуда они скоро пришли, я не знаю. И, немного тут постоявши, пошли по своим станам. С поездами приехали люди, и наши остановились собирать убитых и раненых. Там больницы были, куда и увезли.

После расстрела стали жить и продолжать забастовку, хотя и предлагали выполнить кое-какие условия.

Приехала комиссия, стала делать митинги и стала упрашивать стать на работу. На работу не пошли, дожидались выезда, семьям убитым и раненым были пособия от 400 р. и ниже. Боль-

шая часть уехала, а которой части не было возможности уехать, осталась.

И я остался. Но долго не мог наняться на работу: была отметка на паспорте «забастовщик».

Правда, я после забастовки не надолгое время уезжал, а как приехал вторично, тогда только нанялся.

14

Нарушение договоров было все время хозяевами. Тяжело жилось рабочим на ленских приисках. Причин много было для забастовки, а началась она вот из-за чего: заместо скотского мяса, привозили конину выдавать рабочим. И в конине был невырезанный конский член. Рабочие его обнаружили. В сыром виде на кухне он был. Сразу сказали:

— А, вы нас вот чем кормите!

С этого и началось. В шахты спустились, объяснили: «Все уйдемте с работы». И вышли с работы—забастовали.

Со дня забастовки закрыли монополки. Были трезвы люди все. Организованные. Выбраны были депутаты. Вот Петухов был такой молодой парень, красивый, рослый, бойкий. Может быть, под кличкой был, а, может быть, это его настоящая такая фамилия. Я его знаю потому, что с ним для связи был поставлен. Со мной посылали письма с одного прииска на другой. Просили: «Пускай пропишут, в каком виде идет забастовка». Я от Петухова приносил Шестопалову и другим, фамилию-то забыл. Когда они прочитывали письма, их заинтересовывало, они меня просили приносить еще. Я приносил, а потом, когда депутатов арестовали, прекратилась переписка.

Рабочие все пошли просить, чтобы облегчение сделали и чтобы депутатов освободили. Тульчинский, это инженер был, он передовых людей остановил, спросил: «Куда вы, ребята?» В этот момент Терещенко, сволочь, дал сигнал своим солдатам. Сигнал был тревожный. Рабочие, которые раньше были в солдатах, узнали этот боевой сигнал, узнали, что подается боевой, начали ему кричать:

— Мы идем мирно!

А Терещенко дал второй раз сигнал. После второго сигнала получилась стрельба. Начался кровавый расстрел. Стоны, крики. Раненые лежали на дороге, рабочие попрятались за штабеля леса. Оставшиеся в живых задумали спасти своих раненых товарищей. Терещенко увидел, что хотят помощь раненым оказать—«Уходите, собаки, всех перестреляю!» Это был его крик.

Пришлось уйти. Терещенко был полковник. Красный, как бурлак. Кровавый человек был.

Одна пуля в такой массе рабочих по 7—8 человек низала. Убитых и раненых много было.

По слухам-то 2 человека солдат было посажено в этот же день после стрельбы. Терещенко на правом фланге стоял, рядом как раз с ними и видел, как они вверх стреляли, этих-то двух заметил и приказал арестовать.

Солдаты из нашего же брата были. Из киренского отряда их привезли. Местные, здешние были, только в Киренске служили.

Про ленские события всегда помню. Как сейчас все перед глазами.

VII. ТАЕЖНЫЕ СКАЗКИ, ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ РАБОЧИХ СТАРОЙ СИБИРИ

1. ЗОЛОТО ИСКАЛ—КАК ИЗ ЯЩИКА БРАЛ

Был один простой человек, мужичок—ну, золото искал паразитально—как из ящика брал. Пока он на прииске—кипит работа, как ушел—все стоит. Сотни людей роют землю, моют пески—нет золота.

Один промышленник осердил чем-то старика—обидел. Он взял да ушел; уехал в Россию. Потом промышленник за ним по всем городам бегал, искал, упрашивал, страшные деньги предлагал, чуть в ноги не кланялся. Уговорил все-таки старика. Привел.

— Ну,—говорит хозяин работникам,—теперь, ребята, заживем.

А сам к старику.

— Уважь, дедушка, найди золото!

— А много ли?

— Ну хоть с полпуда.

— Ну ладно.

Посмотрел и говорит:

— Копайте тут!

Около самого прииска. И нашел. Так и пошел каждый день полпуда да полпуда, так и пошел пудовать.

2. САМОХОД И ДЕВАХА

Собрался добрый молодец итти счастья искать, а сборы недолгие: паспорт в чемодане, а чемодан в кармане.

Под левой сумка, а в той сумке—еще девяносто девять сумок.

Уложил добрый молодец чемодан, взял сумку и отправился.

Долго, нет ли путешествовал,—пришел в новые места.

Смотрит: горы, горы, да все лесистые.

Тайга, дебри, да все непроходимые.

Реки, ручьи, да все быстрые.

Поздоровался добрый молодец с каким-то встречным, спрашивает:

— Какие места, добрый человек.

— Сибирь—ответствовал добрый человек.

— Вишь ты,—говорит добрый молодец,—Сибирь. Я думал, она на краю света, а она вот где. Ну, буду золото искать.

Стал добрый молодец искать золото.

Посмотрел в одной заброшенной канавке—не пахнет самородками.

Посмотрел в какой-то ямке—то же самое.

Пошарил в песке возле горного ручья—хотя бы дресва заблестела.

Позеленел весь добрый молодец:

— Ну,—говорит,—люди! Наврут, будто в Сибири золото по колена валяется, а тут на! Один камень. Да и камень хотя бы камень, к месту лежал бы что ли, а то и направо и налево. Одно каменное навождение. Тьфу...

Пошел добрый молодец дальше.

Приходит в воскресенье добрый молодец в одну падь между горную.

Лежит через эту падь из городов в города большой сибирский тракт, от которого на весь свет дороги расходятся.

Находится на тракту село. У самого края села изба заезжая, и видит добрый молодец возле этой избы кралю-деваху.

Стоит, алеет у нее в косе ленточка ярмарочная, красуется за поясом платочек вышитый. Жует деваха пахучую серу древесную, держит наготове орешки кедровые и размышляет, за кого замуж выйти.

А это у девахи вышел случай такой.

Всю неделю она хозяйствовала, стряпала, мужиков, какие есть в доме, в порядке держала.

Утром скот выгоняла, да печи нагревала, да коровок в постельки спать укладывала. Всю неделю маялась.

Так до самого воскресенья.

А в воскресенье после обедни съехались вдруг ни с того, ни с сего молодые люди свататься к девахе.

Вошли, поздоровались, задымили цигарками и спрашивают:

— Говори, за кого замуж пойдешь?

Деваха туда-сюда, видит—дело плохо, вышла подумать на улицу.

Увидел ее тут добрый молодец, увидела и она его.

— Пусти,—говорит добрый молодец,—меня, землячка, на покой.

Пустила землячка. Пошел добрый молодец в избу.

Пошел он в избу, а она думает:—варнак или приискатель.

— Ох, варнак!

— Ах, если бы приискатель!

И пошла тем же следом в избу.

Входит, здоровается в избе добрый молодец и видит—народу полно.

— Кто такие добры люди?

— А мы, так и так, свататься.

— За нее?—спрашивает.

— За нее.

— Что же так много?

— Да что же. Деваха клад. Сирота, а свой постоялый. Лестно.

— Ну,—говорит добрый молодец,—буду и я свататься, коли такое дело. Всем можно?

— Да чего нельзя. Что она скажет.

— О, говорит,—она скажет, тоже и я не дегтем моюся, не по миру ходить собираюся, на одном месте полчаса посижу,— семь дыр проверчу. Поесть пока можно тут что-нибудь?

— Чего нельзя. Дунча даст самовар.

Положила Дунча хлеб на стол, стала самовар ставить.

Увидал добрый молодец хлеб, стал в сторону, начал сумку развязывать.

Развязал одну, вытаскивает из нее другую.

Развернул эту, вытаскивает третью.

Переглянулись между собой челдоны, крикнули: мол, спрятано.

А деваха... выглянула, увидела все это и догадалась сразу:

— Значит—приискатель: золото!

Подумала, подумала, что ей делать, заявляет женишочкам:

— Я,—говорит,—пойду замуж за него.

— Надумала,—говорят те, косятся и на нее и на добра молодца.

— Надумала, а вы мне что сделаете?

— Делать—ничего не сделаешь.—Видят женишки, не ко двору пришлись.

Уходят, надулись.

А девахе не терпится похвастаться скорей. Увидела в окно подруг, зовет будто чай пить.

— Пусть,—думает,—увидят.

Вошли подруги, услышали уже про прискателя от женихов.

— Он?—спрашивают.

— Он.

— Золото?—указывают на сумки доброго молодца.

— Ну, уж, конечно, не песок!

Стали ждать, пока не развернет молодец последней сумки.

Вот развернул он ее.

Девки глядь туда—и рты разинули.

Одна деваха от смеха присела. Другая от неожиданности плюнула.

Третья от злости чуть не лопнула.

А добрый молодец ничего,—в сумке у него соль, сахар и ложка.

Вынул, мигнул девахам: мол, будем кушать на доброе здоровье.

И начал чай пить.

3. ЗОЛОТАЯ КАРТЕЧЬ

На одном прииске жили два друга, одного звали Карачун а другого запомывал. Карачун это не имя, а просто так, прозвище. Имя его-то, бог знает, кто и знал. Карачун был мужик не жадный, когда что попросишь у него, он всегда дает, только пьяница был, чорт знает, какой. Когда пропьется, так в одних подштанниках домой придет. Ну, зато уж и мастер своего дела: как зимой нет работы,—он в тайгу, да к весне фунта два золота и тащит. Мужичонка был приземистый, крепкий. Другой раз идешь,—мороз, а ему—море по колено. А другой, наоборот, скупердяй да и мало зарабатывал. А все-таки к концу месяца у них одинаково оставалось: тот пропьется, а этот проживется. Так и жили понемножку дружки. Только интересно, как они

жили. Какая пара белка и волк? Белка все запасает, а волк наестся да и дай бог ноги.

И вот однажды на прииске не стало работы. Зима уж больно холодная была. Как плюнешь, так плевков до земли не долетит, а замерзнет и падает уже замороженной кулдышкой.

Вот Карачун и говорит своему другу: «Пойдем, мол, счастья искать в тайгу». А тот хоть не шибко охотник был до ходьбы, до тайги, да уж шибко верил он в карачуново счастье, взял да и согласился. На завтрашнее утро они и отправились, захвативши с собой все, что полагается, чтобы жить таежному человеку.

Вот вышли они. Мороз-то, чорт знает, какой, и солнце как в тумане. Одели лыжи да и пошли. За Карачуном след ровный,—сразу видно, что человек привычный,—за другим-то что твоя дуга, то туда повернет, то туда повернет, то свернется где-нибудь с лыж да и уткнется в сугроб.

Шел, шел он так, падал, падал да и давай дружка просить: «Науцц!»—говорит. Тот, конечно, быстро растолковал ему всю махинацию—так-то и так да и тот пошел.

Вот шли, шли они, видят: полузамерзшие тетерева сидят, хоть руками бери, как сонные. Видят они, что мороз все сильней и сильней да и давай искать себе ночевку, ну и нашли в скале ямину. Натаскали дров, разложили костер да и давай тетерей жарить. Жарят да едят. Наелись. Карачун-то спать улегся, а тот догадался, потеплее устроился, взял да и нагреб углей около стены каменной. Костер-то был у них на песке.

Стена грелась, грелась, да как начала лопаться, точно с пулемета и поливает по другой стене, а камни отскакивают да опять обратно летят. Дружки-то еще успели выскочить, а вещи-то не вытащили,—так у них много убытка стало. Погнуло камнем берданку, мешки порвало, манерки искалечило. Как будто пустяки, а таежному человеку без этого никак нельзя жить. Починились они, поругались, от Карачуна дружку досталась оплеуха, другая да и пошли дальше путь продолжать.

Вот идут, идут, да и пришли к тому месту, где у Карачуна давно на примете золото было. Честь по чести устроили балаган, денек отдохнули да и принялись за работу. Первым долгом забили шурф на косогоре и давай золотишко пробовать. У Карачуна лоточек маленький с собой. Нагреб он в него песку да и давай смывать. К этому времени как раз оттепель и началась. Вот смывает он, а дружок его тут же сидит, посматривает. Сыплет он песок, а золото так и заблестело на лотке. Да не то, что-

бы мелочь, а большие самородки—по грамму, по два. У обоих глаза разгорелись. Карачун-то еще ничего, а дружок-то его совсем зверем стал: то засмеется, то заплачет от радости. Подумать только—с одного лотка столько золота!

Вот пожилы они там недельки полторы. Золота намыли подходяще да и стали собираться домой. Вот Карачун спросил дружка:

— Ты,—говорит,—куда золото денешь?

А тот отвечает:

— А что?

— Я знать хочу.

— Лавку открою, торговать стану.

— Нашего брата обдирать?

— А тебе кто не дает заняться тем же?

— Не хочу. Перво-наперво, приду, отложу безногому нажить. Потом на всю братию: ведра три горькой, такой пир устрою, что чертям душно станет.

Тут-то дружку карачунову и стало не по себе.

— Все зря распустит,—подумал он.

— А дальше?

— А дальше, как бог даст.

«Дурак,—подумал дружок.—Зачем ему тогда и золото». Поговорили они так да и пошли домой. Шли они первый день, Карачун видит, что дружок его что-то задумывает, насутился, и как бы борется с самим собой. Он немного стал поосторожнее, впереди не идет, а почаще посматривает на дружка своего. Тот, видно, тоже заметил да и давай запутывать свой грех, повеселее стал, поразговорчивее, а сам все-таки думает как бы его хлобыснуть. Дело к вечеру подвигается, собрались они ночевать. Постлали веток, костер разожгли и начали мясо жарить. Нажарили, стали закусывать. Тут-то дружок и вынимает спирт, который припрятал раньше. У Карачуна глаза разгорелись, а все-таки смекнул, что не ладно. Ну, начали они выпивать, нальют да и оба выльют в снег, а вид подают, что как будто пьют. Один одного обманывает. Встали они после выпивки, шатаются, как будто пьяные, а на самом деле ни-ни. Вот дружок увидел, что не удалось ему обмануть Карачуна, взял да и лег спать, как будто пьяный.

Карачун сидел, сидел, да и тоже начал дрыхнуть. Дружок-то увидел, что Карачун заснул, подтащил к себе берданку да и

пальнул по Карачуну. Тот схватился, простонал, перевернулся и затих. Дружок вскочил, схватился за мешок Карачуна и начал из него все вытряхивать. Нашел золото и склаал все себе в мешок. Тут-то его и взял страх: куда ни взгляни, везде ему Карачун ворочается, ворочается и затихнет. Схватил он со страху монетки да и дунул, да так дунул, что на коне не догонишь. Бежит, бежит, упадет, отлежится да опять бежит. Наконец, до того себя измучил, что заснул.

Добрался он домой. Первым долгом пришел, наелся, выпил немножечко и дрыхнуть. Выспался, встал, пошел продал золото и начал мороковать до зимы магазинишко, чтобы зимой были денежки, на случай, чтобы за золотом итти. Летом нельзя—так забереешься и не выберешься.

Так оно и вышло: до зимы торговал, людишек собрал, да и за золотом. Нанял мастеров и инженеров. И что же? К концу зимы там уже прииск расстроился. Хозяин ходит с большим брюхом. Не сотни, а тысячи каждый день в карман ложит.

А Карачун после того, как его дружок стукнул, притаился и лежал, как будто мертвый. Дружок ушел, а он после того встал—у него только рука прострелена была—и пошел.

Шел, шел да и упал. Это от крови у него слабость сделалась. Полежал, встал да так несколько раз. Идет. Слышит—дым. Пришел на дым, подошел к балагану да и свернулся около него, а проснулся через три месяца, начал помаленьку выздоравливать.

Выздоравливает он, а сам думает, как бы ему отомстить своему дружку, да и надумал. Собрался он, взял ружье, зарядил патрон и пошел на прииск. Пришел туда, расспросил про хозяина и стал ждать удобного случая.

И вот идет однажды Карачун, увидел своего дружка, тот в баню пошел. Увидел да и чуть узнал: растолстел, осанистый стал. Карачун и думает: «Обожди, узнаешь ты у меня, как за чужое добро-хозяином быть». Дружок в баню пошел, а он около бани ходит, посматривает, как бы не проворонить. Вот выходит хозяин из бани. Карачун тут же, посмотрел на него, прицелился да и стукнул из берданки. Хозяин застонал и повалился. Карачун скрылся, а здесь закричали: «Доктора, врача да-вайте!» Пока врач приехал, хозяин умер. Его положили на телегу и увезли резать. Стали врачи пулю вытаскивать, а там вместо пули да золотая картечь. Говорят, врачи чуть из-за нее не подрались.

А Карачун скрылся, и никто больше о нем не слышал.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

1

Золото мыть—
голосом выть.

2

Есть на лопате—
будет и в колоде¹.

3

Ну, как, ребята,
промышляете?
— Да, что промышляем,
моем да воем.

4

На Еловках—жить неловко,
Пеледуи—милодуй,
А в Витим—сами полетим.

5

Сибирь—золотое дно.

6

В Сибири золото гребут
лопатами,
А соболей бьют ухватами.

7

Подкладывай пятитки под
ноги—
вишь итти грязно!

8

20 лет—тайга!

9

40 лет—тайга!

10

Куда пойдешь, кому
скажешь?
Лес, тайга, хромушка умерла².

¹ Колода—золотопромывательный прибор.

² Вдова, жившая в южной тайге на золотых приисках.

ПРИМЕЧАНИЯ

Общие теоретические вопросы по теме «Рабочий фольклор» см. в очень интересной учебной книге академика Ю. М. Соколова «Русский фольклор», М. Учпедгиз, 1938 г., гл. «Фольклор фабрик и заводов», стр. 430—453. Там же приводится библиография основных материалов по фольклору рабочих Европейской части России, Урала и Сибири. Первую библиографическую сводку приискательского фольклора Сибири см. проф. М. К. Азадовский—«Приисковские песни», «Сибирские темы в изучении русского устного творчества». Сборник трудов Ирк. гос. унив. «Вопросы новой школы», вып. IX, Иркутск, 1925 г., стр. 153—154.

I. ПЕСНИ РАБОЧИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1. О песнях горнозаводских рабочих алтайских заводов. Из статьи А. Лозановой—«Фабрично-заводские песни крепостной России». Жур. «Литературная учеба», № 7—8, 1935 г., стр. 158—175.

2. У истоков рабочего фольклора. Из статьи А. Дымшиц—«Из истории рабочего фольклора дооктябрьской эпохи», опубли. в сборнике А. Дымшиц—«Литература и фольклор», М. 1938 г., стр. 101—103.

Мы не включаем в этот раздел сборника сказы алтайских мастеровых, т. к. они сравнительно недавно вышли в специальном сборнике «Легенды и были». Записи, статья и примечания А. А. Мисюрева, предисловие проф. М. К. Азадовского, Новосибирск, 1938 г. К этой интересной книге мы и отсылаем нашего читателя.

3. История одной песни. Из очерка Д. Нелюбинского «Сибирская Калифорния». Газ. «Восточное Обозрение», 1882 г., №№ 39—40, стр. 15—17.

Перед нами один из немногочисленных примеров, помогающих нам уяснить историю создания одной из рабочих песен. Близкое к этому раскрытию творческой истории рабочей песни мы встречаем в воспоминаниях рабочих на Воткинском заводе на Урале. См. Е. М. Блинова «Литературная хрестоматия». К истории Урала. Том I, 1936 г., стр. 334—347.

II. ПЕСНИ РАБОЧИХ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ТАЙГИ О РАЗГИЛЬДЕЕВЩИНЕ

1. Быль. Текст песни опубликован в газ. «Владивосток», № 37, № 40, № 43, № 44, 1893 г.

Редакция газ. «Владивосток», помещая на своих страницах текст песни о разгильдеевщине, сообщила своим читателям о ней следующее: «Это было нам передано одним знакомым сибиряком, выехавшим за границу. «Быль» принадлежит перу неизвестного ссыльного, непосредственного участника описываемых им событий—подпись от рукописи оторвана. События, здесь описываемые, относятся, кажется, к 40—50 годам и составляют теперь историческое воспоминание, дающее нам возможность печатать без сокращений. Эта «Быль», в свое время, имела успех и из нее сложена песня, которую местные ссыльные поют и до днесь».

Газ. «Владивосток», 1893 г., № 37, стр. 10.

Имена, встречающиеся в тексте песни—имена «сподвижников» Разгильдеева.

2. Песня о Разгильдееве, как исторический источник изучения положения рабочих на Нерчинских заводах. Из книги В. И. Семевского—«Рабочие на сибирских золотых промыслах». Историческое исследование. Том I, СПб, 1898 г., гл. VIII—«Мастеровые и ссыльно-каторжные на Нерчинских золотых промыслах с начала 30-х гг. до 1861 г.», стр. 295—328. В настоящем сборнике указанная глава дана с сокращениями: опущены места, главным образом не связанные непосредственно с текстом песни о Разгильдееве.

3. Страшное и памятное для каторги время. Из книги Мишля (М. И. Орфанов) «В дали» (из прошлого), «Рассказы из вольной и невольной жизни», 1883 г., стр. 418—419.

4. Про былое на Каре. Текст песни записан тов. Тяпкиным со слов своего отца. Быркинский район, Читинской области, 1936 г. Впервые опубликован в сб. А. Гуревича—«Фольклор Восточной Сибири», ОГИЗ, Иркутск, 1938 г., раздел VIII—«О тяжелом прошлом рабочих Сибири», текст № 425, стр. 121—122.

5. Казачья рабочая песня. Текст песни записан К. А. Дмитриевым со слов казака-колхозника, сторожа колхоза им. Кирова, Саввы Федоровича Лапердина, 67 лет, села Урулюнгуй, Быркинского района, Читинской области, 1936. Из фольклорного архива, фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

В 1937 г. учителем т. Марковцевым В. В. записан следующий вариант этой песни:

В семьдесят девятом годе
При нужде большой народа—
Ехал Воронцов.
Приезжал к нам Воронцов,
Подряжал все молодцов—
Суммы не жалел.
С казаком ездил с граничным
По правлениям все станичным—
Все по волостным.
Он с таким обнаковеньем:
Как является в правление—
Известье дает.
Кто желает подрядиться,
Чтоб в правление то появиться,
Билеты в руках.
А у кого если билету
При себе тапери нету—
Атаман дает.
Атаман-то был Карелин.
Он нужде нашей поверил—
Билеты давал.
Нам билеты там вручали,
Мы задатку получали
Шестьдесят рублей.
Вот мы деньги получали,

Тогда сроки назначали
 С перво февраля.
 Мы задатку получали,
 Тут контракты заключали
 Вплоть до октября.
 Февраля мы ждали,
 В Кудию мы отправлялись—
 Партиями шли.
 В Кудию ту приходили,
 Там струменты получили—
 Кайлы и ломы.
 А такие были хваты,
 Брали и лопаты—
 Больше топоры.
 Они корни отрубали,
 Много леса погубили—
 Делали разрез.
 Поутру рано вставали,
 Там работы задавали—
 Вскрытие шурфов.
 Мерзляком шурфа мы били,
 Все канавы проводили—
 Больше поторжной.
 И канавы проходили,
 Тогда русло проводили,
 Плотинки кругом.
 На носилках выносили,
 Мы начальника просили
 О своих трудах.
 Нам расплаты-то убогой.
 Ниспознали они бога—
 Их господь нашел.
 Шли полевые водяные,
 Все ненастья дождевые—
 Разрез унесло.

Текст записан со слов бывшего приискового рабочего т. Козлова Владимира Кирилловича, 68 лет. Село Доно, Биркинского района, Читинской области, 1937 г. Из фольклорного архива фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

6. Горнорабочий после освобождения. Из материалов Иркутского областного архива. Текст был опубликован в одной из газет старой Сибири с кратким примечанием от редакции: «Нам доставлена рукопись, принадлежащая перу народного поэта Масюкова, уроженца Забайкалья, видевшего собственными глазами царивший в освободительное время ужасный произвол и много вынесшего от тогдашних властей за свои обличительные стихотворения, которые он распространял среди знакомых. Для составления исторического очерка о крепостном праве в Забайкалье эти стихи могут послужить ценным материалом».

Дополнительные варианты песен о разгильдеевщине см. Ядринцев Н. М.—«Русская община в тюрьме и ссылке». СПб. 1872 г., гл. VII—«Острожная поэзия, музыка и тюремное творчество», стр. 126—128 текст песни о разгильдеевщине; К. Платонов—

«Беседы о борьбе с уровской болезнью», ОГИЗ, Иркутск, 1935 г., в гл. «О том, как раньше боролись с уровской болезнью», отрывки из песни о Разгильдееве, стр. 14; газ. «Вост.-Сиб. Правда», 24 сентября 1937 г., № 222, отрывок песни о Разгильдееве напечатан из списка Облархива Иркутской области; сб. А. Гуревича—«Фольклор Восточной Сибири», ОГИЗ, Иркутск, 1938 г., стр. 123, записи т. Баранова С. Ф., тексты № 426—«Вот в недавних годах на Карийских промыслах» и № 427—«Во недавних годах на Урюмских промыслах», эти варианты записаны в г. Петровско-Забайкальске, Читинской области, в 1936 г.

Из новых записей, неопубликованных, свидетельствующих о бытовании песни и характере сокращения стихов песни, приводим следующие тексты:

На недавних годах
На Карийских промыслах
Царствовал Иван.
Не Иван Васильич Грозный,
Он начальник был сурьезный—
Разгильдеев сын.
Кара реченька богата,
В один год пудов сто злата
Вызвался намыть.
Мяса тухлого получим,
Всю-то ночь о том проскучим,
Каждый поблюет.

Текст песни записан Дмитриевым К. А. от Мироманова Виссариона Садонеевича, 69 лет, казак Быркинского района, Читинской области, 1936 г. Из фольклорного архива фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

На недавних годах
На Карийских промыслах
Царствовал Иван.
Не Иван Васильич Грозный,
Он начальником был горный—
Разгильдеев сын.
Он в начале наступления
Муравьеву донесенье
Сделал от себя.
Кара реченька богата,
В одно лето сто пуд злата
Я берусь намыть.
С Алгачей, Клички, Дучару
Все мы пили горьку чару—
Все шли на Кару.
Для начальника лихого
Сделал латку для жаркого
И к тому еще прибавил:
Эту латку омуравил,
Получил галун.
Он служил душой чугунной,
Получил галун мишурный
Просто ни за что.

Текст песни записан А. Гуревичем со слов т. Зарубина, Борзинский район, Читинской области, 1936 г.

Одновременно с песенными текстами среди рабочих и колхозников Забайкалья сохранилось много устных рассказов о разгильдеевщине. Один из них мы приводим ниже:

«Дело это было в августе и сентябре месяце по старому стилю 1850 года на каторжных промыслах Нижняя Кара, Средняя Кара и Верхняя Кара. В июне, июле месяцах стояла невыносимая жара, отчего и небольшая речка Кара, по которой велась добыча золота, совсем насухо пересохла и дальше работать было невозможно, так как речка Кара, водой которой пользовались для промывки песков, вся пересохла. В это время каторжникам и ссыльным был отдых, и они жили ничего, так как без работы пайка хватало, но в начале августа месяца пошли сильные дожди, и в это время Разгильдеев дал приказ, чтобы промывку производить день и ночь. И с этого время жизнь каторжных и ссыльных была невыносима, они работали день и ночь, силы их постепенно ослабевали, чуть не до нуля. Пайка этого, который выдавали на день не стало хватать, так как энергии и силы для этой работы требовалось больше, но паек оставался тот же самый, отчего каторжники и ссыльные стали заболевать и умирать в очень большом количестве; когда работая какой-нибудь каторжник или ссыльный вдруг ослабевал и падал на землю, если он вскоре не умер после того как упал, то его или добивали совсем или закапывали полуживым в землю. И за эти 2 месяца, август и сентябрь месяц 1850 года, умерло 1500 человек каторжных и ссыльных».

Текст устного рассказа записан т. Пляскиным со слов рабочего т. Корешкова, Нерчинский район, Читинской области, 1937 г. Из фольклорного архива фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

Первые записи устных рассказов о разгильдеевщине см. Л. Мельшин «В мире отверженных», т. I, изд. 4, СПб, 1907 г., стр. 93—94.

III. ПЕСНИ РАБОЧИХ ЕНИСЕЙСКОЙ ТАЙГИ

1. О чем пели рабочие. Из книги Турбина С.—«Страна изгнания». СПб, 1872 г., отрывок из очерка—«От Красноярска до Бирюсы», стр. 169—170.

2. Приисковая песня. Текст песни впервые был опубликован в газ. «Сибирская Газета», 1886 г., позже перепечатан с сокращением в сборнике стихотворений разных авторов. «Отголоски Сибири». Изд. Ю. П. Матвеевой, под редакцией Ивана Брута, Томск, 1889 г., стр. 85—86.

Вариант этой песни опубликован В. И. Семевским в его книге—«Рабочие на сибирских золотых промыслах». Историческое исследование. СПб, 1898 г., гл. V—«Общеконтрактные и отрядные рабочие на промыслах Енисейского округа с 1870 г. до начала 1890-х г.г.», стр. 207—208; вариант этой песни см. также в «Русской жизни», 1894 г., № 50.

3. Песня рабочих. Текст песни опубликован в сборнике стихотворений разных авторов. «Отголоски Сибири». Изд. Ю. П. Матвеевой, под редакцией Ивана Брута, Томск, 1889 г., стр. 83—84. Песня записана в Томске от крестьянина Верхотомской волости, из-под Кузнецка. Фамилии исполнителя и собирателя не указаны.

4. В декабре то было месяце... Из ст. Консерватора—«Сибирский музей», «Сибирская газета», 1884 г., 6 мая, № 19, стр. 9—10.

IV. ПЕСНИ РАБОЧИХ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

1. Про заработки. Текст песни записан школьниками, членами фольклорного кружка НСШ с. Куйтун со слов колхозников с. Куйтун, Куйтунского района, Иркутской области, 1935 г. Песня «Про заработки» является весьма популярной и имеет значительное число вариантов. Неоднократно записывалась собирателями на протяжении нескольких десятилетий. Так, например, в России была записана в 1864 г. В. Александровым, опубликована в жур. «Современник», 1864 г., № 7, том III, стр. 172; в 1892 г. была записана и опубликована Е. Ф. Будде—«К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора», Варшава, 1892 г., № 21. Интересный шахтерский вариант этой песни записан в Никополь-Мариупольском руднике, см. текст в ст. А. Лозановой—«Фабрично-заводские песни в крепостной России», журнал «Литературная учеба», 1935 г., № 9, стр. 125—126. В Сибири песню «Про заработки» записал В. Арэфьев. Опубликовано им в газ. «Енисей», 1898 г. № 76; А. В. Адриановым в дер. Жилиной, быв. Барнаульского уезда, также записан вариант этой песни, но он, как правильно замечает проф. Н. П. Андреев в хрестоматии «Русский фольклор», Учпедгиз, 1936 г., стр. 160, приобретает совершенно иной характер, чем все другие варианты подлинно рабочей песни «Про заработки». Текст его см. «Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела русского географического общества. По этнографии», т. I, вып. I. Красноярск, 1902 г., стр. 151—152, № 34.

2. От Иркутска до Якутска... Из ст. А. П. Шапова «Общая характеристика физического и психического типа сибирского русского населения» («Известия Сиб. Отд. Р. Г. Об-ва, № 5, Иркутск, 1872 г., стр. 243—274), опублик. в сб. А. П. Шапов—«Собрание сочинений. Дополнительный том». Иркутск, ОГИЗ, 1937 г., стр. 161.

Во вступительной статье к названному тому т. Гудошников М. А., цитируя текст песни, записанной А. П. Шаповым, ошибочно утверждает, что здесь мы имеем одну из ранних записей сибирских частушек. Песня «От Иркутска до Якутска» представляет собою соединение двух рабочих песен. Первая и заключительная части песни, составляющие самостоятельный текст, записаны Г. Н. Потаниным в юго-западной части Томской губернии. Вот этот текст:

От Корякова до Актава
семисотны версты,
Прознобили казаченьки,
у рук, у ног персты,
у рук, у ног персты,
считаючи версты.
Мы к Актаву подходили,
на гору всходили.
Что на той ли на горе
стояла палатка,
Как из этой из палатки
выходил молодчик,
Выходил молодчик,
анджинер поручик.
Выдает он расплату,
керки и лопаты.

Уж мы керки получали,
 сашенцы копали,
 Землю выкидали,
 дерном устилали,
 Дерном устилали,
 житье проклинали.
 Распроклятое житье,
 все казачья доля!
 Над рекою Монакою
 выросло древо,
 Выросло древо,
 березанька бела.
 Как на этой на березе
 сидит птица пава,
 Кричит пава:
 «Запропала вся казачья слава.
 Господа вы, казаченьки,
 где же ваши дома?»
 «Наши дома—круты холмы
 в широком раздолье».
 «Господа вы, казаченьки,
 где же ваши матки?»
 «Наши матки—сосны гладки
 во сыром борочке».
 «Господа вы, казаченьки,
 где же ваши отцы?»
 «Наши отцы, мореходцы—
 копаны колодцы».
 «Господа вы, казаченьки,
 где же ваши жены?»
 «Наши жены—заряжены,
 в штыки присажены».
 «Господа вы, казаченьки,
 где же ваши братья?»
 «Наши братья—пистолеты
 на правом бедерке».
 «Господа вы, казаченьки,
 где-то ваши сестры?»
 «Наши сестры—шашки остры
 на левом бедерке».
 «Господа вы, казаченьки,
 где-то ваши детки?»
 «Наши детки—пули метки
 в сумках отдыхают».

Г. Н. Потанин—«Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении». «Этнографический сборник». Изд. Русск. Географ. Об-ва. СПб, 1864, стр. 114—115.

Серединная часть—вариант рабочей песни, приведенной в настоящем сборнике в разделе «Песни рабочих Енисейской тайги».

Как известно, А. П. Шапов недооценивал наличие фольклора трудящихся масс Сибири, поэтичности сибиряка и записанную им рабочую песню он также охарактеризовал, как факт грубости сибиряка, лишенного всякой поэзии, Об ошибочных взглядах А. П. Шапова по

вопросам фольклора в Сибири см. подробнее М. К. Азадовский—«Эпическая традиция в Сибири», Чита, 1921 г., стр. 3—8 и «Беседы собирателя», Иркутск, 1925 г., стр. 21—25.

3. Песня батраков-поселенцев. С. Максимов—«Сибирь и каторга», часть первая, «Несчастные», гл. I—«На поселении». Максимов неверно обобщает терминами «сибиряк-хозяин», «сибиряк-старожил» всех трудящихся старой Сибири. Речь идет об отношении сибирского кулачества к батракам-поселенцам. Бедняки-сибиряки сами батрачили на своих местных кулаков. О своей тяжелой жизни у этих эксплуататоров они сложили очень интересную песню, опубл. в сб. А. Гуревича—«Фольклор Восточной Сибири», Иркутск, ОГИЗ, 1938 г., стр. 126, текст № 432—«Песня батрака».

4. Уж я тридцать лет, братцы, в Сибири. Текст песни записан А. А. Макаренко со слов С. Е. Латынцева, 65 лет, дер. Павлошина, Красноярского края. Песня опубликована в ст. А. Макаренко—«Сибирские песенные старины», жур. «Живая Старина», СПб, 1907 г., стр. 63.

5. Фабричная песня. Приводимый текст песни включен сибирским писателем Омуревским (И. В. Федоровым) в его романе—«Шаг за шагом» (Светлов, его взгляды, характер и деятельность). Роман в трех частях. СПб. Изд. П т-ва А. Ф. Маркса. VII глава «Вечерка у старосты Семена», часть вторая, стр. 300.

6. Плясовая. Текст песни записан в 1886 г. Иркутским краеведом В. И. Вагиным в с. Баклаши, Иркутского района, Иркутской области. В конце песни собиратель сообщает: «Продолжения певича не знает. Эта чисто местная песня,—произведение баклашинских девок. Напев плясовой; стихи повторяются». Новые записи этой песни свидетельствуют, что это произведение принадлежит не только баклашинцам, но что оно было популярно далеко за пределами Иркутской области.

«Плясовая» опубликована В. М. Вагиным в его ст. «Баклашинские народные песни», газ. «Сибирь», 1886 г., № 22, стр. 9, текст № 11 и в ст. того же автора «Нынешняя деревенская песня». «Известия ВСОРГО», т. XVIII, 1887 г.

7. Они сукна ткут во двенадцать рук. Текст песни записан т. Барановым С. Ф. со слов т. Колобовой У. К., 63 лет, г. Петровск-Забайкальск, Читинской области. Опубликован в сб. А. Гуревича «Фольклор Восточной Сибири», ОГИЗ, Иркутск, 1938 г., стр. 126, текст № 433.

V. ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ФОЛЬКЛОРА РАБОЧИХ (СИБИРСКИЕ ЗАПИСИ)

1. Из газ. «Искра», июль 1902 г., № 22 перепечатано в сб. «Сибирские корреспонденции в ленинскую «Искру», Иркутск, ОГИЗ, 1939 г., раздел II «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов», стр. 15.

2. Из газ. «Искра», 1 февраля 1903 г., № 33. Перепечатано в сб. «Сибирские корреспонденции в ленинскую «Искру», Иркутск, ОГИЗ, 1939 г., раздел—«Из нашей общественной жизни», стр. 47.

3. Вековые устои качнулись. Текст песни опубликован в газ. «Забайкальский Рабочий»—орган Читинского Комитета РСДРП—9 января, 1906 г., № 5, стр. 4.

4. Призыв. Текст песни опубликован в песеннике—приложении к программе РСДРП, изд. Читинского Комитета, 1905 г., стр. 19—20.

5. Спящим. Текст опубликован в газ. «Вост.-Сиб. Комсомолец», 1936 г. Публикация Ф. А. Кудрявцева. Из материалов Облархива Иркутской области.

6. Во славном Питере на троне. Песня опубликована в сб. А. Гуревича—«Фольклор Восточной Сибири», ОГИЗ, Иркутск, 1938 г. Текст песни был напечатан по списку Читинского областного краеведческого музея. Текст был найден на чердаке в кузнечных рядах в г. Чите в 1936 году вместе с другими документами (прокламациями, листовками и пр.), относящимися к периоду революции 1905 года.

Вариант этой песни записан А. Гуревичем от Дружининой Ф. К.—бывшей работницы Лензото на ст. Кривощёково, Новосибирской области, в 1935 г. В памяти Дружининой вариант сохранился только в отрывках. Вот этот текст:

В славном Питере на троне
Николай сидел в короне.
Тут сидит его мамаша,
Рядом с ним сидит супруга Саша.
И ведут они совет:
Дать свободу или нет?
Николай бы рад бы дать,
Да ругает его мать.
— Эх ты, глупая ворона,
Не к лицу тебе корона.
Нашему народу
Дашь ты полную свободу,
Чтоб свободный народ он
Нас с тобою выпер вон.
— Нет не то все, Николашка,—
Говорит супруга Сашка.
О народе ты радеешь,
А меня ты не жалеешь,
Мне ведь у Красного Креста
Распродать бы дочиста.
Да сосчитай-ка, Колька, сколько
Нам дохода дает монополька
И сахар рафинад—
Это тоже чистый клад.
Знашь, как тетка Лизавета
Наживалася на этом.
— Но уж оставь,
Знай свое бабье дело:
Щи варить,
Да в рубахе блох давить.

«После этого начинается на мотив Саратовских частушек—«Колька водочкой торгует». Припев: Калина-малина. Всю песню пели на мотив «Камаринского»—вспоминает Ф. К. Дружинина.

7. Машинушка. Текст песни опубликован в газ. «Забайкальский Рабочий»—орган Читинского комитета РСДРП—9 января, 1906 г.,

№ 5. Эта песня была популярна не только среди читинских рабочих, но и среди иркутских рабочих, о чем свидетельствуют архивные материалы. Отрывок иркутского текста приведен в ст. Г. Колодинского, П. Яснева—«Ленинская «Искра» в Сибири», в газ. «Вост.-Сиб. Правда», № 283, 1938 г.

8. Сказка о попе и чорте. Текст сказки записан А. Гуревичем со слов быв. рабочего Якунина П. А.—колхозника Заларинского района, Иркутской области, 1935 г. Сокращенный вариант «Сказки о попе и чорте» см. в кн. М. Шахнович—«Пословицы и поговорки о попах и религии». ОГИЗ, ГАИЗ, 1933 г., гл. «Безбожие в рабочих песнях», стр. 102. Там же приведены библиографические сведения о бытовании этой сказки в рабочей среде.

9. Разговор удал-молодца Ивана с царем. Текст сказки записан А. Гуревичем со слов быв. рабочего Якунина П. А.—колхозника Заларинского района, Иркутской области, 1935 г. «Разговор удал-молодца Ивана с царем» представляет собою вариант одной из глав сказки Басова-Верхожанцева—«Конек-скакунок».

10. Колыбельная. Текст песни записан А. Гуревичем со слов быв. рабочего Якунина П. А.—колхозника Заларинского района, Иркутской области, 1935 г.

11. Частушки. Частушки записаны А. Гуревичем: первая со слов быв. рабочего Якунина П. А.—колхозника Заларинского района, Иркутской области, 1935 г., вторая со слов быв. работницы Лензото Дружининой Ф. К., ст. Кривошеково, Новосибирской области, 1935 г.

12. Проклятие. Из материалов Иркутского облархива. Рукопись опубликована в газ. «Вост.-Сиб. Комсомолец» 16 марта 1936 г., № 37. Публикация Ф. А. Кудрявцева. Рукопись «Проклятие» была отображена жандармами в 1909 г. в Бодайбо у живших там политических ссыльных. Автор рукописи неизвестен; есть архивные данные, что стихотворение распевалось в г. Бодайбо.

VI. ПЕСНИ И УСТНЫЕ РАССКАЗЫ РАБОЧИХ ВИТИМО-ОЛЕКМИНСКОЙ ТАЙГИ

1. «Фольклор ленских рабочих—в программу работ фольклористов» из одноименной ст. А. Гуревича. Статья первоначально была опубликована в сб. «Известия Иркутского государственного научного музея», т. II, Иркутск, 1937 г., стр. 36—50.

2. Нас на прииск нанимали. З. КГалкину попадешь—не воротись. Тексты песен записаны А. Гуревичем со слов Дружининой Ф. К., бывшей работницы Лензото. Ст. Кривошеково, Новосибирской области. Опубликовано в ст. А. Гуревича—«Фольклор ленских рабочих», жур. «Сибирские огни», 1935 г., стр. 126 и в сб. «Фольклор Восточной Сибири», ОГИЗ, Иркутск, 1938 г., стр. 124, текст № 429.

4. Песня рабочего старателя. Текст песни записан тов. Л. Е. Элиасовым со слов тов. Коновалова И. Е., с. Б.-Уро, Баргузинского аймака, БМАССР, 1937 г. Это переделка известной песни «По диким степям Забайкалья».

5. Песня о Ленском расстреле. Стенограмма записи А. Гуревича со слов Дружининой Ф. К., бывшей работницы Лензото, ст. Кривошеково, Новосибирской области, в 1935 г. Мы приводим в сборнике текст этой песни так, как он вспомнился т. Дружининой, сохраняя полностью стенограмму записей в надежде, что кто-нибудь

из собирателей по отрывкам сможет выявить со временем всю эту интересную, но, к сожалению, целиком не сохранившуюся в памяти исполнительницы песню. Песня о Ленском расстреле опубликована в жур. «Сибирские огни», 1935 г., № 5, стр. 126—129 и в сб. «Фольклор Восточной Сибири», ОГИЗ, Иркутск, 1938 г., стр. 124—126, текст № 431. Песен о Ленской трагедии 1912 г. сложено рабочими несколько. Одна из них в отрывке опубликована в ст. А. Калашникова—«Песни о проклятом прошлом» (Ленский фольклор); в газ. «Вост.-Сиб. Правда», 1937 г. № 89.

Устные рассказы о Ленском расстреле

6. Записан А. Гуревичем со слов бывшего рабочего Лензото Комарова Михаила Павловича в 1932 г. в Иркутске. Устный рассказ т. Комарова первоначально был опубликован в газ. «Вост.-Сиб. Комсомолец», 17 апреля 1933 года; в 1935 г. в жур. «Сибирские огни», № 5, стр. 123—125. В журнале текст смонтирован в хронологической последовательности, опущены все вопросы собирателя к рассказчику. Отрывки стенограммы-записи этого сказа с сопоставлением, с обработкой сказа см. в ст. А. Гуревича—«Как записывать и обрабатывать устные рассказы», «Известия общества изучения Восточной Сибири», том I (LVI), ОГИЗ, Иркутск, 1936 г., стр. 57—58.

См. также этот текст в сокращении в сб. «Народные рассказы и песни», Новосибирск, 1937 г., в разделе «О старой и новой жизни», сказ под заглавием «Ленская година».

В 1933 г., в целях изучения вариантов устных рассказов о Ленской забастовке со слов одного и того же рассказчика, была произведена повторная запись сказа со слов Комарова М. П. См. эту запись в ст.—«Фольклор ленского движения—в программу работ фольклористов», «Известия Иркутского государственного научного музея», № 2 (LVII), ОГИЗ, Иркутск, 1937 г., стр. 79—83.

Из последних публикаций фольклорных записей устных рассказов о Ленском расстреле см. в газ. «Вост.-Сиб. Комсомолец», 17 апр. 1938 г.

7. Записано в 1937 г. Жуковой Т. И. на пристани Осетрово, Усть-Кутского района, Иркутской области от Черепова В. П., 59 лет, рабочий-печник, малограмотный, работал на Ленских приисках и на Южно-Алтайских.

8. Записано в 1937 г. Шубиным Т. П. от Мартынова Петра Егоровича, 65 лет, кузнец колхоза им. Молотова, с. Манзурка, Качугского района, Иркутской области, малограмотный.

9. Записано в 1937 г. Шубиным Т. П. от Лазарева Ивана Егоровича, 44 л., колхозник, с. Алексеевское, Белоусовского сельсовета, Качугского района, Иркутской области.

10. Записано в 1937 г. Шубиным Т. П. от Зуева Николая Николаевича, пред. Карлукского сельсовета, Качугского района, Иркутской области. Участник Ленских событий.

11. Записано в 1937 г. Шубиным Т. П. от Большедворского Александра Спиридоновича, 61 г., колхозник, с. Большедворское, Качугского района, Иркутской области. Участник Ленских событий.

12. Записано в 1937 г. Шубиным Т. П. от Соловьева Федора Михеевича, 45 лет, работник лесного хозяйства, Качуг, Качугского района, Иркутской области. Участник Ленских событий.

13. Записано в 1937 г. Шубиным Т. П. от Ощепкова Федора Родионовича, 60 лет, животновод колхоза «Красный летчик», с. Полосковское, Качугского района, Иркутской области. Участник Ленских событий.

14. Устный рассказ записан А. Гуревичем в селе Олонки, Кировского района, Иркутской области 27 февраля 1938 г. со слов тов. Недвигина Семена Герасимовича—столяра села Олонки, бывшего рабочего Ленских приисков.

Все тексты устных рассказов о Ленском расстреле, публикуемые в данном сборнике (за исключением шестого и четырнадцатого), первоначально были опубликованы в ст. А. Гуревича—«Фольклор ленского движения—в программу работ фольклористов», «Известия Иркутского государственного научного музея», № 2 (LVII), ОГИЗ, Иркутск, 1937 г., стр. 50—79.

В целях дальнейшего углубленного изучения характера формирования устных рассказов о ленском движении материал внутри каждого текста тематически не сгруппирован; в каждом тексте сохранена та последовательность, которую ей придал сам рассказчик. Вопросы, задававшиеся собирателями рассказчикам во всех текстах, по техническим причинам опущены.

О задачах собирания и изучения фольклора ленского движения см. акад. Ю. М. Соколов—«Русский фольклор», Учпедгиз, М. 1938 г., гл. «Фольклор фабрик и заводов», стр. 452—453.

VII. ТАЕЖНЫЕ СКАЗКИ, ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ РАБОЧИХ СТАРОЙ СИБИРИ

1. Золото искал—как из ящика брал. Текст записан Н. П. Поповым в Енисейской тайге, опубликован им в его ст. «Приисковый быт», жур. «Сибирская живая старина», Иркутск, 1929 г., вып. VIII—IX, стр. 72.

2. Самоход и деваха. Текст взят из книги «Сказки», изд. «Крестьянской газеты», 1930 г.

3. Золотая картечь. Сказка записана т. Даниленко со слов т. Данилова, 80 лет, в с. Молодовка, Сретенского района, Читинской области, 1936 г. Опубликован в сб. А. Гуревича—«Фольклор Восточной Сибири», ОГИЗ, Иркутск, 1938 г., стр. 127—129, текст 434.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

1. В. Даль.—Толковый словарь живого великорусского языка. Том I, изд. Т-ва М. О. Вольф, стр. 1723.

2. Н. П. Попов—«Приисковый быт», жур. «Сибирская живая старина», вып. VIII—IX, Иркутск, 1929 г., стр. 70.

3. Н. П. Попов—«Приисковый быт»,—жур. «Сибирская живая старина», вып. VIII—IX, Иркутск, 1929 г., стр. 95.

4. Н. П. Попов—«Приисковый быт»,—жур. «Сибирская живая старина», вып. VIII—IX, Иркутск, 1929 г., стр. 105.

5. Старинная сибирская пословица. Интересно отметить, что ей была посвящена специальная статья в 1761 г.—«Древняя пословица—Сибирь золотое дно». Описание, сообщенное из Сибири «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих», ноябрь, 1761 г., стр. 449—450.

6. Газ. «Вост. Обозрение», 1880 г.

7. Кривошапкин М. Ф.—«Енисейский округ и его жизнь». СПб, 1865 г., гл. VII—«Бытовая сторона золотых приисков», стр. 180.

8 и 9. Эти поговорки характеризуют безысходное положение приленских рабочих. В мемуарах о положении ленских рабочих встречаются они весьма часто.

10. В. С. Арефьев—«Образцы народной словесности», Известия ВСОРГО. Том XXXII, 1901 г., № 1—2, стр. 104.

Содержание

	Стр.
От составителя сборника	3—4
I. Песни рабочих Западной Сибири	5—25
II. Песни рабочих Забайкальской тайги о разгиль- деевщине	26—43
III. Песни рабочих енисейской тайги	44—47
IV. Песни рабочих Иркутской губернии	48—52
V. Из революционного фольклора рабочих (сибир- ские записи)	53—61
VI. Песни и устные рассказы рабочих Витимо- Олекминской тайги	62—109
VII. Таежные сказки, пословицы и поговорки рабо- чих старой Сибири	110—117
Примечания	118—130

А. Гуревич. Песни и устные рассказы рабочих
старой Сибири. Иркутское областное
издательство. 1940 г. Инд. X-I-B.
Огыз № 1171.

☆

Отв. редактор *И. Осипов.*

Технический редактор *Т. Трушкина.*

Корректор *М. Комченко.*

Рисунки и обложка работы художника *Н. Шабалина.*

☆

Сдано в набор 7/VIII-1939 г. Подписано к печати
2/IV-1940 г. Бумага 62×84. Бум. лист. 4¹/₈. Печ.
лист. 8¹/₄. Уч.-изд. лист. 8,5. Заказ № 2315.
Тираж 5.000.

☆

Уполномоченный Обллита № 3111.

☆

Отпечатано в Иркутской типографии Огиза
треста „Полиграфкинига“, ул. К. Маркса, 19.

☆

Цена книги 3 р. Переплет 1 р. 50 к.